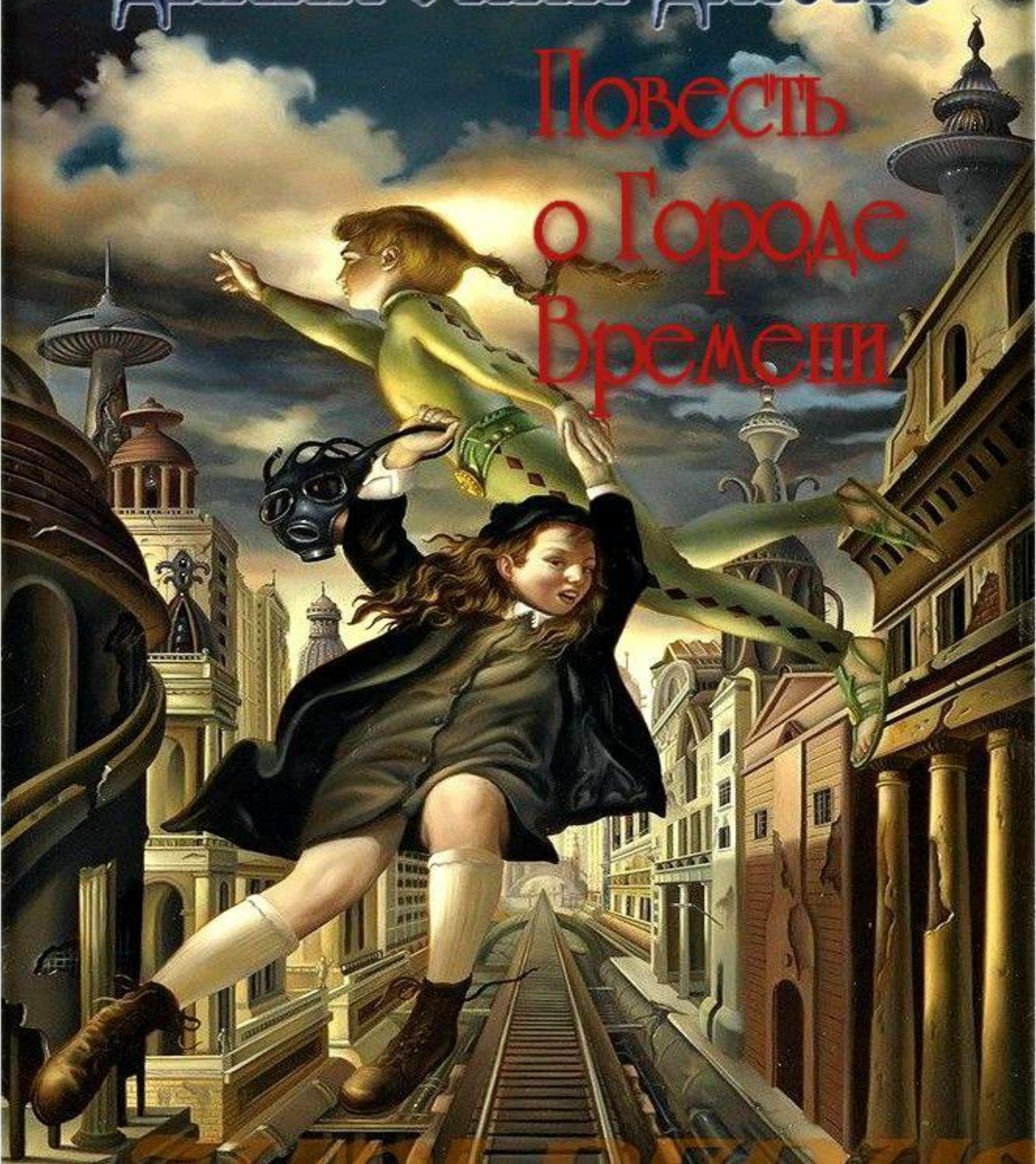

ДИАНА УИЛН ДЖОНС

ПОВЕСТЬ
О ГОРОДЕ
ВРЕМЕНИ

Annotation

Вивьен Смит уезжает из Лондона из-за начавшихся бомбежек, чтобы пожить в провинции с кузиной Марти. Но она никогда прежде не видела кузину Марти и страшно нервничает. Сидя в поезде, Вивьен успела передумать обо всем, что могло пойти не так. Кроме того, что действительно случилось.

Диана Уинн Джонс
Повесть о Городе Времени

Глава 1. Похищенная

Поездка была ужасной. Тем сентябрем 1939 года стояла страшная жара, а железнодорожное начальство закрыло все окна, чтобы никто из детей, набитых в поезд, не вывалился наружу. Их было несколько сотен, и почти все кричали, завидев корову. Их отослали из Лондона из-за бомбежки, и большинство из них не имело ни малейшего представления о том, откуда берется молоко. Каждый ребенок держал квадратный коричневый футляр с газовой маской. У всех имелась бирка с написанными на ней именем и адресом, а у самых маленьких (которые плакали и довольно часто писались) бирка висела на шее, привязанная к шнурку.

У Вивьен, как одной из старших, бирка была привязана к плетеной сумке, в которую мама сложила вещи, не поместившиеся в чемодан. А значит, Вивьен не смела выпустить сумку из рук. Когда твоя фамилия Смит, необходимо быть абсолютно уверенным, что все знают, какой именно ты Смит. Вивьен аккуратно написала имя и адрес кухни Марти на обратной стороне бирки, чтобы показать: ее не просто отправили в деревню, как большинство детей, которых заберет любой, кто захочет. После долгого молчания кухня Марти пообещала встретить поезд и взять Вивьен к себе до тех пор, пока не прекратятся бомбежки. Но Вивьен никогда не видела кухню Марти и ужасно боялась, что они могут как-нибудь пропустить друг друга. И она так цепко держала сумку, что ручки стали мокрыми от пота, а переплетенный узор отпечатался красным на ее ладони.

Половина детей не затихала ни на секунду. Иногда вагон, в который Вивьен втиснули вместе с маленькими мальчиками в серых шортах, на чьих тощих ногах красовались толстые серые носки, а на головах — серые школьные кепки, казался слишком большим для их голых тощих шей. Иногда толпа маленьких девочек в слишком длинных для них платьях набивалась внутрь из коридора. Все они кричали. В каждой новой толпе находилось около трех бирок с надписью «Смит». Вивьен сидела на своем месте и беспокоилась, что кухня Марти может встретить не ту Смит, или встретить не тот поезд, или она сама примет кого-то другого за кухню Марти, или ее возьмет кто-нибудь, кто подумает, будто ей некуда пойти. Она боялась, что выйдет не на той станции, или обнаружит, что поезд привез ее в Шотландию вместо Западной Англии. Или она доберется до места, а кухня Марти не придет.

Мама положила в плетеную сумку несколько сэндвичей, но ни у кого из других эвакуированных еды, похоже, не было совсем. Вивьен не любила есть одна, а детей здесь было слишком много, чтобы она могла с ними поделиться. Она также не смела снять школьный пиджак и шляпу из страха, что они потеряются. Пол вагона вскоре усеяли потерянные пиджаки и кепки — и несколько бирок, — валялась даже раздавленная газовая маска. Так что Вивьен сидела, изнемогала от жары и беспокоилась. К тому времени, как поезд, наконец, с пытением подвез свою жаркую, дерущуюся, кричащую, плачущую, смеющуюся толпу к станции, наступил вечер, и Вивьен успела подумать абсолютно обо всем, что могло пойти не так, кроме того, что действительно случилось.

Название станции покрасили, чтобы сбить с толку врага, но носильщики раскрыли двери, запуская внутрь порывы свежего воздуха и крича глубокими деревенскими голосами: — Выходите все сюда! Поезд дальше не идет!

Крики прекратились. Дети были ошеломлены тем, что приехали в настоящее новое

место. Сначала нерешительно, потом толпясь и наступая друг другу на пятки, они стали выбираться из вагона.

Вивьен спустилась одной из последних. Ее чемодан застрял в веревках багажной сетки, и ей пришлось взобраться на сиденье, чтобы снять его. С газовой маской, беспорядочно подсакивающей, хлопая ее по спине, и руками, занятыми чемоданом и сумкой, она с глухим стуком спрыгнула на платформу, дрожа от прохладного воздуха. Всё было странным. Позади вокзальных зданий виднелись желтые поля. Ветер приносил запах коровьего навоза и соломы.

На другом конце платформы стояла длинная разнородная толпа взрослых. Носильщики и несколько людей со служебными нарукавными повязками пытались выстроить детей в линию перед ними и распределить их по приемным домам. Вивьен слышала крики:

— Миссис Миллер, вы можете взять двоих. Один для вас, мистер Паркер. О, вы брат и сестра, да? Мистер Паркер, можете взять двоих?

«Лучше мне держаться подальше», — подумала Вивьен. Она застыла в центре платформы, надеясь, что кузина Марти поймет. Но никто из ожидающей толпы не смотрел на нее.

— Я не собираюсь забирать всех замарашек! — говорил кто-то, и это привлекло всеобщее внимание. — Дайте мне двух чистых, и я возьму двух грязных. В противном случае я ухожу.

Вивьен начала подозревать, что ее беспокойство о том, что кузина Марти не встретит ее, окажется не напрасным. Она прикусила губу, чтобы не заплакать — или чтобы *пока* не заплакать.

Чья-то рука обогнула Вивьен и перевернула бирку на сумке.

— А! — произнес кто-то. — Вивьен Смит!

Вивьен развернулась и оказалась лицом к лицу с величественно выглядевшим темноволосым мальчиком в очках. Он был выше нее и достаточно взрослым, чтобы носить длинные брюки, а значит, он по меньшей мере на год старше ее. Он улыбнулся ей, отчего его глаза за стеклами очков чудно сузились.

— Вивьен Смит, — сказал он, — возможно, ты этого не знаешь, но я твой давно потерянный кузен.

«Что ж, — подумала Вивьен, — полагаю, Марти — мужское имя».

— Ты уверен? — спросила она. — Кузен Марти?

— Нет, меня зовут Джонатан Уокер. Джонатан *Ли* Уокер.

То, как он произнес это *Ли*, делало ясным, что он по какой-то причине очень этим гордится. Однако Вивьен чувствовала, что в мальчике есть нечто необычное, нечто, чего не должно быть, но что именно, она не могла уловить, и к тому же была слишком обеспокоена, чтобы любопытствовать по поводу его имени.

— Это ошибка! — неистово воскликнула она. — Меня должна встретить кузина Марти!

— Кузина Марти ждет снаружи, — успокаивающе произнес Джонатан Ли Уокер. — Позволь взять твою сумку.

Он протянул руку. Вивьен отдернула сумку с его пути, и тогда он подобрал с платформы ее чемодан и пошел с ним через станцию.

Вивьен с болтающей по спине газовой маской поспешила за ним, чтобы вернуть чемодан. Он прошагал прямо к комнате ожидания и открыл дверь.

— Куда ты идешь? — задыхаясь, спросила Вивьен.

— Кратчайший путь, моя дорогая В.С., - сообщил он, с успокаивающей улыбкой придерживая дверь.

— Отдай мне чемодан! — потребовала Вивьен, хватаясь за него.

Теперь она была уверена, что он грабитель. Но как только она прошла через дверь, Джонатан Ли Уокер с шумом пронесся по голым доскам маленькой комнаты к пустой задней стене.

— Переноси нас обратно, Сэм! — крикнул он так, что комната зазвенела.

Вивьен решила, что он сумасшедший и снова схватила чемодан. И вдруг всё стало серебристым.

— Где мы? — спросила Вивьен.

Они теснились в узком серебристом пространстве, похожем на очень гладкую телефонную будку. Вивьен в отчаянии повернулась, чтобы выбраться обратно, и сбила со стены кусок того, что казалось телефоном. Джонатан молниеносно развернулся и прихлопнул кусок обратно. Вивьен почувствовала, как ее газовая маска воткнулась в него, и понадеялась, что это больно. Позади нее не было ничего, кроме голой серебряной стены.

Гладкая серебряная поверхность перед Джонатаном раздвинулась в стороны. Оттуда на них встревоженно смотрел маленький мальчик с отросшими ярко-рыжими волосами. Когда он увидел Вивьен, его лицо растянулось в свирепой ухмылке, обнажившей два больших зуба.

— Ты нашел ее! — воскликнул он и вынул из левого уха нечто вроде наушника.

Оно было не больше горошины, но от него шел серебристый провод, соединяющий его с боком серебряной коробки, так что Вивьен предположила, что это *и есть* наушник.

— Работает, — сообщил он, собирая провод в пухлую ладонь. — Я легко тебя слышал.

— И я нашел ее, Сэм! — ликующе ответил Джонатан, выходя из серебряной будки. — Я узнал ее и увел прямо у них из-под носа!

— Отлично! — сказал маленький мальчик и обратился к Вивьен: — А теперь мы будем пытаться тебя, пока ты не скажешь то, что мы хотим знать!

Вивьен стояла в будке, вцепившись в сумку, уставившись на него со смесью неприязни и изумления. Сэм принадлежал к тому типу мальчиков, которых мама называла неотесанными — с громким голосом и тяжелой обувью, и у которых вечно развязаны шнурки. Ее взгляд переместился на его обувь — что за обувь! — надутые белые ботинки с красными пятнами. И, конечно же, одна из красно-белых завязок болталась по мраморному полу. Более того, Сэм, похоже, был одет в пижаму. Только так Вивьен могла описать его сплошной просторный костюм с красной полосой от правого плеча до левой щиколотки. Красный цвет, на вкус Вивьен, конфликтовал с его волосами, и она еще ни разу не видела мальчика, который так нуждался бы в стрижке.

— Я ведь говорил тебе, Сэм, — Джонатан плюхнул чемодан Вивьен на низкий стол, который она смутно видела позади Сэма, — не стоит думать о пытках. Она, возможно, знает достаточно, чтобы сама могла пытаться нас. Мы попробуем вежливое убеждение. Пожалуйста, выйди из будки, В.С., и посиди, пока я избавлюсь от маскировки.

Вивьен снова посмотрела на пустую сияющую заднюю стену будки. Поскольку там явно не было выхода, она пошла вперед. Сэм попятился от нее, выглядя чуточку испуганным, и это заставило ее почувствовать себя лучше — до тех пор, пока дверь будки позади нее не закрылась с тихим звуком и не отрезала большую часть света. Здесь снаружи стояла ночь, что, вероятно, и заставило ее подумать, будто Сэм расхаживает в пижаме. Присутствующий тусклый свет исходил от чего-то вроде уличных фонарей, светящих сквозь окно чудн ой

формы, но его было достаточно, чтобы Вивьен разглядела, что находится в некоем ультрасовременном офисе. На дальнем конце широким полукругом располагался стол, окруженный стуками, которые напомнили Вивьен о телефонной станции. Но странность состояла в том, что стол, вместо того, чтобы быть из стали или хрома, как ожидаешь от модернистского стола, был сделан из дерева с красивой резьбой, которое выглядело старинным и в слабом голубоватом свете сияло матовыми отблесками. Вивьен подозрительно посмотрела на него, садясь рядом с будкой на стул странной формы. И тут же чуть не вскочила обратно на ноги, когда стул начал двигаться вокруг нее, подстраиваясь под ее формы.

Но в этот момент Джонатан прямо перед ней начал стягивать с себя одежду. Вивьен напряженно сидела на облегающем стуле, думая, не сошла ли она с ума, или не сумасшедший ли Джонатан, или должна ли она отвернуться, или что. Сначала он стянул серый фланелевый пиджак. Затем развязал полосатый галстук и бросил его на пол. Затем — Вивьен наполовину отвернулась — он выбрался из длинных серых фланелевых брюк. Но оказалось всё в порядке. Под этой одеждой на Джонатане был тот же костюм, что на Сэме, за исключением того, что у его костюма имелись рукава, а вниз по штанинам шли темные ромбы.

— Великое Время! — он швырнул брюки поверх пиджака. — Эта одежда отвратительна! Она кололась даже сквозь мой костюм. Как люди из века двадцать это выносят? Или это?

Он сорвал с носа очки и нажал кнопку на ремне, опоясывавшем костюм. Его глаза покрыло мерцание, странно меняющееся в голубом свете. Их легкая раскосость стала гораздо заметнее. Вивьен обратила внимание, что и у Сэма такие же глаза.

— Зрительная функция гораздо проще, — заявил Джонатан.

Он снял с головы полосатую школьную кепку, и из нее на плечо упали заплетенные волосы, около фута [\[1\]](#) длиной.

— Так-то лучше! — он кинул вниз и кепку и потер шею под косой, высвобождая туго стянутые волосы.

Вивьен вытаращилась. Она никогда не видела мальчика с такими длинными волосами! На самом деле, у нее было смутное представление, что у мальчиков волосы короткие от природы и только у девочек они отрастают длинными. Однако волосы Джонатана были вдвое длиннее, чем ее. Возможно, он китаец, и ее похитили на восток. Но Сэм не был китайцем. Кто когда-нибудь слышал о рыжих китайцах?

— Кто вы? — спросила она. — Где это?

Джонатан повернулся к ней, выглядя очень величественным и важным — и не особенно похожим на китайца.

— Мы Джонатан Ли Уокер и Сэмюэль Ли Донегал. Мы оба Ли. Мой отец — тысячный Вечный. Вечный — глава Совета Времени в Хронологе, на случай, если в твоё время этого не существовало. А отец Сэма — глава Патруля Времени. Мы считаем, что это дает нам право говорить с тобой. Добро пожаловать обратно. Ты только что прошла через личный временной шлюз отца Сэма и теперь ты снова в Городе Времени.

Произошла ошибка, поняла Вивьен, чувствуя себя несчастной. И, похоже, эта ошибка в десять тысяч раз более дикая, чем всё, что она воображала в поезде. Она сжала губы. «Я не стану плакать!» — сказала она себе.

— Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь. Что ты имеешь в виду под «Добро

пожаловать обратно»? Где *это* — Город Времени?

— Да ладно-ладно, В.С., - Джонатан оперся одной рукой на спинку специфического стула так, как обычно делают судебные следователи в тех фильмах, которые мама не разрешала Вивьен смотреть. — Город Времени уникален. Он построен на маленьком клочке времени и пространства, который существует вне времени и истории. Ты знаешь о Городе Времени всё, В.С.

— Нет, не знаю.

— Знаешь. Город Времени построил твой муж, — Джонатан грозно уставился на Вивьен в упор своими покрытыми мерцанием раскосыми глазами. — Мы хотим, чтобы ты сказала, как разбудить Фабера Джона, В.С. Или, если он не спит под городом, скажи, как его найти.

— У меня *нет* мужа! О, это какое-то *безумие!*

Сэм, который шумно и хрипло дышал с другой стороны от Вивьен, заметил:

— Она выглядит ужасно глупой. Как думаешь, может, она повредила мозг во время Войн Разума?

Вивьен вздохнула и безнадежно оглядела странный темный офис. Неужели он правда находится вне времени? Или они оба сумасшедшие? Оба, похоже, вбили себе в головы, что она какая-то другая Вивьен Смит. Как же убедить их, что она ею не является?

— С ее мозгом всё в порядке, — уверенно ответил Джонатан, — она просто притворяется дурочкой, чтобы мы подумали, будто ошиблись, — он снова навис над Вивьен и убедительно произнес: — Слушай, В.С., мы просим не для себя. Для Города Времени. Этот клочок времени и пространства почти полностью износился. Город развалится на кусочки, если ты не скажешь нам, как найти Фабера Джона, чтобы он мог обновить его. Или, если ты слишком сильно его ненавидишь, ты можешь сказать нам, где находятся полярности и как их обновить. Мы ведь не многого просим, правда, В.С.?

— Прекрати называть меня Ви Эс! — почти завизжала Вивьен. — Я не...

— Ты — да, В.С. Было установлено, что ты отправилась в Первую Нестабильную Эпоху на волне хрононов. Мы слышали, как Хронолог обсуждал это. Мы *знаем*, кто ты. Так как разбудить Фабера Джона, В.С.?

— Я не *знаю!* — закричала на него Вивьен. — Не знаю, за кого ты меня принимаешь, но я не *она!* Я не знаю тебя, а ты не знаешь меня! Меня эвакуировали из Лондона из-за войны, и я отправлялась к кухне Марти, и ты можешь просто отправить меня обратно! Ты похититель!

Слезы потекли по ее лицу. Она порылась в плетеной сумке в поисках носового платка.

— И ты тоже! — добавила она для Сэма.

Сэм наклонился вперед и, шумно дыша, изучал ее лицо.

— Она плачет. Она серьезно. Ты ошибся и взял не ту.

— Конечно, нет! — презрительно произнес Джонатан.

Но когда Вивьен нашла платок и посмотрела на него, практически закрыв платком лицо, она поняла, что он начал сомневаться. Вивьен изо всех сил постаралась усугубить эти сомнения.

— Я никогда, ни разу не слышала о Фабере Джоне или о Городе Времени, — произнесла она, пытаясь перестать всхлипывать. — И ты мог бы *заметить*, что я слишком маленькая, чтобы быть замужем. Мне после Рождества исполнится только двенадцать. Мы же не в Средневековье, знаешь ли.

Сэм понимающе кивнул:

— Так и есть. Она обычная уроженка века двадцать.

— Но я узнал ее! — возразил Джонатан.

Он беспокойно бродил по офису. То, как помрачнело его мерцающее лицо, подсказало Вивьен, что он начал подозревать, что сваял дурака — а он принадлежал к тому типу мальчиков, которые сделают что угодно, лишь бы не выглядеть дураком. Вивьен знала, что он отправит ее обратно на станцию и попытается забыть о ней, если она сможет правильно убедить его.

Так что она шмыгнула носом, втягивая, как она надеялась, последние слезы, и сказала:

— Я знаю, на моей бирке написано «Вивьен Смит», но Смит — распространенная фамилия. И Вивьен тоже довольно обычное имя. Вот Вивьен Ли, например.

Последняя фраза оказалась ложным шагом. Джонатан повернулся и уставился на нее, подозрительно спросив:

— Откуда ты ее знаешь?

— Я ее не знаю. Я имею в виду... Она кинозвезда, — объяснила Вивьен.

Она видела, что для Джонатана это слово не имеет никакого смысла. Он пожал плечами и сказал Сэму:

— Мы можем обыскать ее багаж. Может, найдем какие-нибудь доказательства.

Вивьен предпочла бы сесть на чемодан, вцепиться в сумку и возмущенно отказаться, однако с отчаянной храбростью произнесла:

— Делай, что хочешь. Но, если ничего не найдешь, вернешь меня на вокзал.

— Возможно, — ответил Джонатан.

Вивьен была почти уверена: это означает, что он так и сделает. Она старалась не слишком возражать, когда Джонатан вытащил чемодан в луч света, падающий из окна, и начал оживленно его распаковывать. Сэм занялся сумкой. Вивьен разложила ее перед ним на коленях, поскольку это отвлекало мысли от Джонатана, просматривающего ее новое зимнее белье, и хотела бы она, чтобы Сэм не дышал так тяжело. Первым делом Сэм нашел сэндвичи.

— Могу я это съесть? — спросил он.

— Нет, — ответила Вивьен. — Я голодная.

— Я дам тебе половину, — пообещал Сэм, искренне считая себя щедрым.

Джонатан встал, держа новый корсаж Вивьен с подвязками для зимних чулок.

— Для чего тебе это нужно? — с искренним недоумением спросил он.

Лицо Вивьен вспыхнуло.

— Положи на место! — велела она.

— Корсеты, — предположил Сэм с набитым ртом.

Откуда-то снаружи раздалось нечто вроде жужжания. Изо всех углов комнаты полился свет, быстро став ярким. Джонатан застыл у окна с корсажем в одной руке и лучшим джемпером Вивьен в другой. Вивьен заметила, что мерцание поверх его глаз едва заметно при ярком свете, а ромбы на костюме — темно-фиолетовые. Сэм тоже застыл с третьим сэндвичем в руке.

— Кто-то идет! — прошептал Джонатан. — Должно быть, они услышали ее вопли.

— Они совершают регулярные обходы, — хрипло прошептал Сэм в ответ.

— Так почему ты не *сказал* мне? Быстро! — прошептал Джонатан.

Он поспешно засунул всё обратно в чемодан и захлопнул крышку. Сэм сцапал сумку,

захватив вместе с ней юбку Вивьен, и потянул. Явно должно было произойти нечто страшное. Вивьен позволила Сэму протащить себя по мраморному полу за громадный резной стол.

— Прячься! — велел он. — *Давай!*

Внутри полукруга стола находилась глубокая выемка, так что колени сидящего за ним могли поворачиваться в разные стороны, доставая до группы выключателей. Сэм толкнул туда Вивьен и нырнул за ней следом. Прежде чем Вивьен получила возможность нормально сесть, туда же забрался Джонатан, таща за собой чемодан. В итоге она оказалась полулежащей на боку с четким обзором через пустое пространство внизу стола. Она увидела в центре мраморного пола свой последний сэндвич, завернутый в газету, а рядом с ним ворох серого фланелевого костюма Джонатана.

Джонатан тоже их увидел.

— *Проклятье!* — прошептал он и пролез за ними, а потом обратно, пока Вивьен пребывала в шоке от его ругательства.

— Не издавай ни звука! — задыхаясь, велел он ей. — Если нас найдут, тебя могут даже пристрелить!

Вивьен перевела взгляд с его лица на Сэма, не зная, верить ли этому. У обоих был тот напряженный вид, который бывает у людей в фильмах, когда их ищут вооруженные гангстеры. Из-за этого происходящее казалось Вивьен абсолютно нереальным — словно в кино. Она потянулась забрать у Джонатана свой последний сэндвич, пока до него не добралась тянущаяся рука Сэма, и откусила от него. Вивьен сразу почувствовала себя лучше. Хлеб, который мама намазывала маслом, и сардины, которые она помогала маме разминать, напоминали ей, что где-то там по-прежнему есть настоящая жизнь.

Она еще ела, когда дверь с грохотом распахнулась и свет стал ярче. В поле зрения появились две пары массивных сапог, с топотом пройдя по белому с серыми прожилками полу. Вивьен под столом наблюдала, как они тяжело ходят туда-сюда, пока люди, которым они принадлежали, проверяли комнату. Она чувствовала, как Джонатан рядом с ней начал дрожать, а Сэм время от времени фыркал в попытке дышать тихо, но не могла поверить в происходящее и продолжала спокойно есть сэндвич.

— Кажется, здесь всё в порядке, — громким шепотом произнес владелец одной пары сапог.

— Забавно все-таки, — прошептал женский голос. — Я чувствую запах рыбы — сардины. Ты чувствуешь запах сардин?

Вивьен запихала остаток сэндвича в рот и зажала его обеими руками, чтобы не хихикнуть. Лицо Джонатана побелело, а величественное выражение полностью исчезло. Из судебного следователя он превратился в испуганного мальчика, попавшего в серьезные неприятности. Сэм задерживал дыхание. Его лицо неуклонно становилось всё краснее, а глаза с ужасом косились на Вивьен и ее сэндвич. Она видела, что оба всерьез напуганы, но ей самой было по-прежнему смешно.

— Нет, — ответил громыхающий мужской голос. — Ничем не пахнет.

— Тогда, если завтра утром на шефа нападет сумасшедшая сардина, я обвиню тебя.

Они засмеялись, после чего женщина сказала:

— Пошли.

И сапоги простучали прочь.

Дверь захлопнулась. Некоторое время спустя свет потускнел. Как только это случилось,

Сэм почти с ревом выдохнул и упал на лицо, лоя ртом воздух.

— Я умираю! — задыхаясь, произнес он.

— Не умираешь, — ответил Джонатан — его голос стал резким и дрожащим. — Заткнись и сядь. Нам надо подумать, что *делать!*

Вивьен поняла, что у Джонатана сдали нервы. Для нее настало время быть твердой.

— Я скажу тебе, что делать. Откройте снова эту серебряную будку, поместите меня туда и отправьте обратно на станцию встретиться с кузиной Марти.

— Нет, этого мы точно делать не будем, — заявил Джонатан. — Мы не можем. Если мы используем ее снова, это будет уже третий раз и компьютер регистрирует его. Он в любом случае всегда проверяет странные цифры, на случай если агент отправится во вне и потеряется. И тогда обнаружат, что мы нарушили закон. Нас немедленно вычислят. Мы же в самом центре здания Патруля Времени. Неужели ты не понимаешь?

Глава 2. Кузина Вивьен

— Нет, *не* понимаю! — сказала Вивьен.

Она прекрасно видела, что грохочущие сапоги резко вернули обоих мальчиков к чувству того, что считалось реальностью в этом месте. До сих пор они участвовали в приключении, а теперь веселье закончилось. Она разозлилась.

— Что за закон вы нарушили? Что насчет *меня*?

— Век двадцать — часть Нестабильной эпохи, — ответил Джонатан. — Закон запрещает забирать из Нестабильной эпохи даже какую-то *вещь*, а забрать человека — это гораздо серьезнее. Отправить же человека обратно *туда*, после того как он увидел Город Времени — самое ужасное преступление, какое можно совершить.

— Нас за это отправят в историю, — задрожав, потрясенно прошептал Сэм — Вивьен заметила, что Джонатан дрожал гораздо сильнее. — Что сделают с *ней*?

— Что-нибудь еще хуже, — ответил Джонатан, и его зубы слегка застучали.

— Ну, вы могли *подумать* об этом раньше! — сказала Вивьен. — Что мне теперь делать?

Джонатан встал на колени.

— Я считал, что подумал! — простонал он, выползая из-под стола.

Он повернулся к Вивьен. В тусклом голубом свете его лицо казалось измученным и испуганным.

— Я был уверен, что ты... Слушай, ты можешь дать мне слово чести во имя Мао, или Кеннеди, или Корана, или чему ты еще поклоняешься, что ты на самом деле обычный человек из века двадцать и не имеешь никакого отношения к Фаберу Джону?

— Клянусь Библией. Но ты и без того должен знать, когда человек настоящий и говорит правду.

К ее удивлению, Джонатан воспринял ее слова довольно спокойно.

— А я и знаю. Я начал подозревать, что что-то пошло не так, из-за выражения твоего лица, когда ты увидела мою косу. Но я всё еще не *понимаю*! Давайте выберемся отсюда и подумаем, что делать.

Скорчившись в пространстве за столом, они заново упаковали чемодан Вивьен и попытались впихнуть туда же серые фланелевые одежды Джонатана. Поместились только брюки. Пиджак пришлось засунуть в плетеную сумку, а кепку и галстук — в футляр с газовой маской, которой взял Сэм. Джонатан понес чемодан, а Вивьен вцепилась в сумку. Она чувствовала, что если выпустит ее хоть на мгновение, то перестанет быть Вивьен Смит и станет кем-то совершенно иным.

У двери офиса Сэм вытащил гремющую связку... не ключей. Они представляли собой маленькие квадратики, на вид пластиковые. Один из них Сэм вставил в щель возле двери.

— Стащил их у отца, — объяснил он громким гордым шепотом.

Дверь скользнула в сторону, а когда они прошли через нее, закрылась обратно, будто знала. Они прокрались вдоль некоторого количества высоких коридоров. Вдали или за поворотами освещение включалось и выключалось, когда двое охранников совершали свой обход. Хотя это нервировало, зато давало Вивьен достаточно света разглядеть, что всё здание сделано из мрамора — с тем же ультрасовременным видом, что и офис. За исключением того, что наверху — там, где стены встречались с потолком — находились

резьба и скульптуры, совершенно не выглядывшие модернистскими. Мельком в полумраке Вивьен видела лица ангелов, крылатых львов и полулюдей-полулошадей. Точно во сне.

«Мне приснилось, будто я нахожусь в мраморных коридорах! — подумала Вивьен. — Возможно, я заснула в поезде и всё это мне снится». Но, хотя мысль была уютной, она сильно в этом сомневалась. *Никто* не мог бы уснуть в таком шумном поезде.

Они на цыпочках спустились по узкой мраморной лестнице, которая вела к гораздо лучше освещенному помещению, очевидно, являвшемуся просторным вестибюлем. Впереди Вивьен видела громадные стеклянные двери и изогнутый ряд серебряных будок, наподобие той, через которую она пришла. Их здесь стояло около сотни. И еще сотня изгибалась у противоположной стены, хотя гигантская мраморная лестница частично закрывала обзор. Эта лестница представляла собой настоящее чудо. Каменные ступени двигались. Им троим пришлось спрятаться под ней, пока охранница медленно проходила по открытому пространству, держа руку на каком-то оружии на поясе, и Вивьен слышала, как движущиеся ступени мягко урчат над ними. Ей стало интересно, как это вообще работает.

Охранница пропала из поля зрения, зайдя за большое круговое сооружение в центре холла. Джонатан и Сэм рывком потащили Вивьен в другую сторону — в заднюю часть здания, где были еще коридоры и, наконец, маленькая черная дверь. Сэм остановился, вставил в щель другую карточку, и дверь открылась, выпуская их.

Из ультрасовременного окружения они внезапно попали в старинное. Снаружи располагалась узкая улица с маленькими кривыми каменными домами. На одном из дальних домов крепился круглый голубой источник света, позволяющий разглядеть, что улица мощеная, с пересекающим ее внизу водосточным желобом. Воздух был чистым и прохладным, отчего у Вивьен возникло чувство опьянения и головокружения.

Сэм и Джонатан бросились вниз, к темному концу улицы. Бульжник впивался в подошвы Вивьен, когда она затрусила следом. Там стояла низкая старая арка — черная, как ночь под ней. Пройдя через нее, они попали в освещенный голубым светом внутренний двор, по которому помчались к похожему на церковь зданию.

— Нет, его всегда оставляют незапертым, — прошептал Джонатан Сэму, прыгая наверх по ступеням, отчего его коса развевалась за спиной. — И я на всякий случай оставил приоткрытыми обе двери Аннуария.

И, конечно же, мощная дверь щелкнула и плавно качнулась, впуская их.

«Однако маленькая церковь! — удивленно подумала Вивьен. — Но *пахнет* не как в церкви!» Здесь больше, чем в церкви, пахло теплом и пылью. Разглядеть что-либо стало сложнее, поскольку голубой уличный свет проникал внутрь сквозь высоко расположенные витражные окна. Туманные сине-зеленые полосы освещали обитые кожей сиденья, не совсем похожие на церковные скамьи, а пятна темно-фиолетового света лежали на напоминающей трон штуке с чем-то вроде сверкающего купола над ней. Косая оранжево-голубая полоса на стене позволяла смутно разглядеть одну из самых прекрасных картин, что Вивьен когда-либо видела.

— Это Место Фабера Джона, — прошептал Джонатан, указывая на трон, пока вел их по проходу. — Это Хронолог, где собирается Совет Времени.

— Мы открыли дверь и подслушали их, — сообщил Сэм.

— Так мы узнали о кризисе и о планах перехватить тебя... то есть настоящую В.С., — объяснил Джонатан.

Они двинулись направо, и Вивьен обнаружила перед собой сияющую штуку, венчавшую

ряд сидений и омываемую фиолетовым светом. Она имела форму крылатого солнца и была украшена драгоценными камнями.

— Эмблема Вечного, — прошептал Джонатан. — Цельное золото. В левом крыле — бриллиант Кохинор^[2], в правом — Звезда Африки^[3].

Когда они проходили мимо, он нежно погладил штуку.

Это было уже слишком для Вивьен. «Я точно сплю! — решила она. — Я знаю: оба эти бриллианта находятся где-то в другом месте».

— Подарены Городу Времени Исландским императором в веке семьдесят два, — добавил Джонатан, открывая маленькую тяжелую дверь.

Но Вивьен чувствовала себя слишком нереально, чтобы уделить внимание его словам. Она мечтательно прошла по длинному темному проходу, через кошмарно скрипучую дверь и наружу — в место, похожее на величественный дом, где они поспешили наверх по казавшейся бесконечной, темной деревянной лестнице. «В этом сне всё происходит неправильно! — подумала Вивьен, когда у нее начали болеть ноги. — Здесь должен быть лифт, или хотя бы движущаяся лестница!» Нормально мыслить она не начала, пока не оказалась сидящей на еще одном странном стуле в просторной комнате, где вся мебель представляла собой пустые рамы — точно спортивная площадка с турниками. Джонатан включил свет и прислонился к двери.

— Фух! Пока в безопасности. Теперь мы должны усиленно подумать.

— Я не могу думать, — возразил Сэм. — Я хочу есть. Она тоже. Она мне сказала.

— Мой автомат опять при последнем издыхании, — сказал Джонатан. — Чего ты хочешь, если мне удастся заставить его работать?

— Сливочное пирожное из века сорок два, — ответил Сэм само собой разумеющимся тоном.

Джонатан подошел к штуке на стене напротив Вивьен, про которую она решила, что это музыкальный инструмент. У нее имелись клавиши, как у фортепиано, и трубы, как у церковного органа, и по всей поверхности ее украшали золоченые завитки и венки — немного потертые и ободранные, как если бы инструмент знавал лучшие времена. Джонатан забарабанил по белым клавишам. Когда ничего не произошло, он постучал по органным трубам. Штуковина начала пыхтеть, ворчать и немного трястись, при этом Джонатан яростно пнул ее внизу. Наконец, он взял нечто, похожее на обычную школьную линейку, и приподнял ею длинный клапан под трубами.

— Что ж, сливочное пирожное он сделал, — сообщил Джонатан, всматриваясь внутрь. — Но функция века двадцать, похоже, сломана. Нет ни пиццы, ни жевательной резинки. Ты не возражаешь против еды из другого века? — встревоженно спросил он Вивьен.

Вивьен никогда не слышала о пицце, хотя и думала, что слово звучит как итальянская, а вовсе не английская еда, к которой она привыкла. К этому времени Вивьен перестала удивляться чему бы то ни было.

— Я могу съесть *динозавра*! — искренне ответила она.

— Это почти динозавр и есть, — сказал Джонатан, неся полную охапку маленьких белых горшков к пустой раме рядом с Вивьен.

Он свалил их прямо в воздух над рамой, и они остались стоять там на пустоте.

— Сливочное пирожное, — объявил Джонатан, протягивая Сэму горшок с торчащей из него палочкой. — Кроме того, он сделал суп из водорослей, солодовый соус, две лепешки

рожкового дерева и рыбную лапшу.

Сэм вытащил из своего горшка палочку с желтым шишковатым мороженым на ней.

— Йехуу! — закричал он и вгрызся в него точно людоед.

— Э... что из этого что? — спросила Вивьен, глядя на странные пометки на других горшках. — Я не могу ничего прочесть.

— Извини, — произнес Джонатан. — Это всеобщие символы из века тридцать девять.

Он рассортировал для нее горшки и взял себе сливочное пирожное. Вивьен обнаружила, что горшки как будто прилипли к воздуху. Ей пришлось приложить небольшое усилие, чтобы оторвать их. Она узнала, что крышку следует соскрести назад, а если тебе нужна ложка или вилка, крышка сама съезживается в форму ложки или вилки. Суп из водорослей оказался совсем невкусным — будто соленая вода из пруда. Но солодовый соус был приятным, если в него окунать лепешки рожкового дерева. Рыбная лапша...

— Я бы лучше съела папину рыбную наживку, — Вивьен быстро поставила горшок обратно.

— Я достану тебе сливочное пирожное, — предложил Джонатан.

— И мне еще одно, — вставил Сэм.

Орган снова вытерпел удар, два пинка и пробивание распределительного клапана, и Вивьен с Сэмом получили каждый по горшку с палочкой. Джонатан бросил пустые горшки в раму рядом с органом, где они и исчезли.

— Теперь нам *надо* поговорить, — сказал он, пока Вивьен с сомнением вытаскивала шишковатый кусок из своего горшка. — Мы все нарушили закон и не должны попасться. Всё было бы нормально, если бы В.С. была на самом деле В.С., но поскольку это не так, мы должны придумать, как ее спрятать.

Вивьен страшно надоело то, что ее называют В.С. Она бы возразила, если бы в этот момент не откусила сливочного пирожного. Ее рот наполнился восхитительными вкусами: всё сливочное и кремовое, что она когда-либо пробовала, с легким привкусом ириски и двадцатью другими еще лучшими вкусами, каких она никогда прежде не встречала, и всё это ледяное. Это было настолько изумительно, что она лишь тихо спросила:

— Вы задолжали мне объяснение. Что вы пытались сделать?

— Спасти Город Времени, конечно, — сочно ответил Сэм из середины своего сливочного пирожного. — Мы подслушали в Хронологе. Так мы и узнали, где ты будешь.

— Отсюда к Хронологу ведет проход, — объяснил Джонатан. — Но он всегда был оцеплен с тех пор, как моего отца избрали Вечным, и мне стало любопытно. Так что Сэм закоротил его для меня. В общем, мы обнаружили, что он ведет в Хронолог и, если чуть-чуть приоткрыть дверь, можно услышать, о чем они говорят. Они обсуждали кризис...

— Только я не мог понять ни слова, — сообщил Сэм таким тоном, словно это доказывало его ум. — Это было непохоже на предания.

— Совсем! — с чувством произнес Джонатан. — Разговор шел о полярностях, и хрононах, и критических циклах, но я понял ту часть, где говорилось, что Город Времени почти изнашивается. Понимаешь, он слишком долго использует один и тот же кусочек пространства и времени, и они пытались найти способ передвинуть его на другой кусочек. Город удерживается на месте штуками под названием полярности, которые помещены в историю как якоря, но никто, кроме Фабера Джона, никогда не понимал, как оно устроено. Я слышал, как доктор Леонов признал это. И здесь вступает В.С.

— *Кто* она? — спросила Вивьен.

— Повелительница Времени, — ответил Сэм. — Она в ярости.

— Да, но нам пришлось дойти до этого самим, — сказал Джонатан, — сопоставив разговор в Хронологе с тем, что говорится в предании. Хронолог изъяснялся очень научным языком о ком-то, проходящем через Первую Нестабильную эпоху на волне темпоронов и хрононов, вызывая повсюду войны и изменения. Но я догадался, что это должна быть Повелительница Времени. Предание говорит, что Фабер Джон и его жена поссорились по поводу того, как управлять Городом Времени, и она обманом заставила его спуститься под Город и там усыпила его. Говорят, он всё еще там, и пока он спит, Город в безопасности. Но если Городу будет угрожать опасность, он проснется и придет нам на помощь. Мы руководствовались преданием. Мы знаем, что ты... Повелительница Времени ненавидит Фабера Джона и Город, потому что в последнюю минуту он понял, как она обманула его, и вышвырнул ее в историю. Мы думаем, теперь, когда город почти износился, она пытается вернуться и разрушить его.

— Вот эту часть я не понимаю, — сказал Сэм, сидя на полу, скрестив ноги и облизывая палочку от сливочного пирожного.

— Это действительно немного озадачивает, — согласился Джонатан; Вивьен видела: он страшно доволен собой из-за того, что смог до этого додуматься. — Хронолог уверен, что Повелительница Времени будет достаточно благоразумна, когда они найдут ее и объяснят про кризис. Думаю, ссора, которая у нее произошла с Фабером Джоном, в некотором роде политическая.

Он вопросительно посмотрел на Вивьен. Она уловила мерцание поверх его глаз и задумалась, действительно ли Джонатан поверил, что она обычный человек из двадцатого века? Но в этот момент она откусила от середины сливочного пирожного. И там оно было горячим — текуче, приторно горячим.

— *Роскошно*, когда доходишь до теплой части, правда? — спросил Сэм, глядя на нее с напряженным вниманием. — Советую позволить ей просочиться в холодную часть.

Вивьен так и сделала и нашла, что совет Сэма превосходен. Две перемешанные части оказались еще лучше, чем одна холодная. Это вернуло ее в мечтательное настроение. Когда Сэм ухмыльнулся ей — широкой нахальной ухмылкой с двумя большими зубами посередине, — Вивьен поймала себя на мысли, что Сэм, в конце концов, не такой уж и плохой. Но она приложила все силы, чтобы сосредоточиться на теме.

— Я по-прежнему не понимаю, что заставило тебя решить, будто Повелительница Времени — это я, — сказала она.

Джонатан начал что-то говорить, но передумал и сказал другое:

— Из-за имени, понимаешь? Жену Фабера Джона зовут Вивьен. Все это знают. А Фабер на самом деле означает Смит^[4]. Так что, когда я услышал в Хронологе, что ты... она находится в том поезде с эвакуированными, я догадался, что она должна притвориться девочкой по имени Вивьен Смит.

— И, обсуждая ее, мы говорили: «В.С.», чтобы никто не догадался о нашем плане, — вставил Сэм. — Мы начали планировать два дня назад — после того, как они встретили поезд и не смогли найти ее.

— Два дня назад! — воскликнула Вивьен. — Но я была там *сегодня*, так же как и вы!

— Да, но через временной шлюз можно попасть в любое время, какое захочешь, — пояснил Джонатан, отмахиваясь от этой загадки в своей самой величественной манере. — Туда отправились мой отец и отец Сэма, так же как и Главный Библиотекарь, и Высший

Ученый, но все они вернулись, сказав, что она как-то проскользнула мимо них. Тогда-то я и подумал, что у нас есть шанс добраться до тебя... до нее самим. Только ты почему-то оказалась не той Вивьен Смит. И я *всё ещё* не понимаю! Сэм, мы должны подумать, что с ней делать.

— Отправить ее в Каменный век, — предложил Сэм и спросил Вивьен: — Ты же не против, правда?

— Не против? Да я с ума сойду! В пещерах водятся пауки. Почему вы не можете отправить меня домой?

— Я говорил тебе почему, — ответил Джонатан. — Кроме того, это Нестабильная эпоха, и в данный момент она в еще большем беспорядке, чем обычно. Представь: мы поместим тебя обратно, и вся история пойдет наперекосяк. Это сразу же обнаружится! Придумай что-нибудь, Сэм!

Последовало долгое молчание. Сэм сидел на полу, уткнувшись лицом в кулаки. Джонатан прислонился к стене, жуя кончик своей косы. Вивьен слизала остатки сливочного пирожного с палочки и некоторое время не могла думать ни о чем, кроме того, что хочет еще одно. «Но я *попаду* домой! — сказала она себе, лениво вертя в пальцах палочку. — *Попаду*, что бы он ни говорил!»

— Знаю! — произнес, наконец, Сэм. — Выдай ее за нашу кузину!

Джонатан оторвался от стены и воскликнул:

— *Точно!* Умно, Сэм!

— Я умный. Детали сам обдумаешь.

— И это легко. Слушай, В.С., ты — Вивьен Сара Ли. Твой отец — наш с Сэмом дядя. Поняла? — он скакал по комнате, наставив на Вивьен палец, пока она не кивнула. — Хорошо. Ты не была в Городе Времени с шестилетнего возраста, поскольку твои родители — Наблюдатели на станции века двадцать. Это всё правда. Поняла? Но тебя отправили домой, поскольку эпоха становится более неустойчивой и там идет война. Это гениально! — сказал он Сэму. — Это объяснит, почему она ничего не знает. И моя мать будет вынуждена оставить ее жить здесь, поскольку Дом Ли заперт. И мы даже можем продолжать звать ее В.С.!

Сэм встал с пола и тяжело задышал Вивьен в лицо.

— Она не похожа на Ли, — критично заметил он. — У нее не такие глаза и кудрявые волосы.

— У многих Ли не раскосые глаза, — заметил Джонатан. — Не думаю, что у кузины Вивьен — раскосые. А скулы у нее правильной формы.

— Может, вы оба, прекратите таращиться и критиковать? — сказала Вивьен. — С моим лицом всё в порядке. Продавщица шерсти говорит, я похожа на Ширли Темпл.

— Кто он? — спросил Сэм, а Джонатан добавил:

— Кто ты такая, В.С.?

— Что? — ответила Вивьен.

— Она почти спит, — Сэм еще ближе наклонился к лицу Вивьен.

Он был прав. Длинный, полный волнений день, за которым последовали странные события последнего часа, внезапно превысил границу того, что Вивьен могла вынести. Или, возможно, дело было в сливочном пирожном. В ее восприятии окружающего появились пробелы. Она слышала, как Джонатан беззаботно говорит:

— О, мы можем спрятать ее в одной из архаичных комнат. Там она будет чувствовать

себя как дома.

Здесь Вивьен заметила, что Джонатан, похоже, окончательно оправился от испуга в ультрасовременном офисе и снова стал величественным самоуверенным мальчиком, который встретил ее на вокзале. Это заставило ее чувствовать себя неудобно, но прежде чем она смогла понять почему, они велели ей вставать и идти.

Вивьен почти забыла о драгоценной плетеной сумке. А повернувшись за ней, взвизгнула. Оказывается, всё это время она сидела на пустоте в желтом каркасе — так же как цветочные горшки из органа. Она попыталась дотянуться до сумки сквозь пустоту, но рука не проходила, натываясь на что-то. И пришлось пошарить под пустотой, прежде чем Вивьен смогла схватить плетеные ручки.

Следующее, что она осознала: они шли по коридору. Потом Джонатан отодвигал в сторону дверь и говорил Сэму:

— Отнеси ключи на место *немедленно*. И не попадись в процессе.

— Я знаю, что делаю, — огрызнулся Сэм и засеменял прочь по коридору, тягуче шлепая надутой обувью по коврам.

После этого Вивьен осознала, что лежит в кровати — довольно жесткой, грубой кровати, — и откуда-то льется голубой уличный свет. «Как много Вивьен! — сонно подумала она и затем: — Завтра я съем еще одно сливочное пирожное, перед тем как возвращаться домой».

А после этого Вивьен осознала, что уже снова день, и проснулась. Она повернулась под тяжелым колючим покрывалом, пахнущим пылью, с вышивкой в виде рядов тонких коричневых людей, и сразу поняла, где находится. В Городе Времени, посреди ужасающей ошибки. Странно, но хотя это сильно пугало, Вивьен обнаружила, что в то же время это весьма волнующе. Ей всегда хотелось пережить приключение, как в фильмах. И вот ей такое выпало, и она знала, что это не сон. Она села.

Неудивительно, что кровать чувствовалась столь жесткой — она была каменной. Четыре каменных столба, похожих на тотемы, держали над головой вышитый балдахин. Яркий солнечный свет косыми лучами ложился на египетскую резьбу на каменных стенах. Вивьен поняла, что уже довольно поздно. Она выбралась из кровати на камышовый коврик, где с удивлением поняла, что перед тем, как лечь спать, переделалась в ночную рубашку. Ее чемодан стоял открытым на каменном полу, а одежда была разбросана по всей комнате.

«Интересно, где здесь туалет? И надеюсь, он не невидимый!» — подумала Вивьен. Каменная арка в стене вела в помещение, покрытое плиткой. Вивьен прошла через нее и, к своему облегчению, обнаружила, что туалет и умывальник, хотя и каменные, походили на те, к которым она привыкла. Но здесь не было кранов, и она не могла понять, как туалет смывается.

— Ну, по крайней мере, я их *вижу*, — сказала она себе, собирая разбросанную одежду.

Она как раз надевала второй носок — который каким-то образом оказался прямо под кроватью — и только собиралась начать искать туфли, когда каменная дверь со скрежетом открылась и вошел Джонатан. Он нес нечто, похожее на половину птичьей клетки с плывущими под ней в воздухе тарелками.

— О, хорошо! — сказал он. — Когда я приходил раньше, ты еще спала. Я принес тебе завтрак, чтобы тебе не пришлось встречаться с моими родителями на пустой желудок.

Сегодня на нем была ярко-зеленая пижама, и он выглядел очень элегантно и самоуверенно. У Вивьен возникло чувство, что он втянет ее во что-нибудь еще, если она не

будет осторожна.

— Ты должен рассказать мне гораздо больше, — заметила она, — иначе я не смогу ни с кем встретиться.

— Ну, ты не можешь оставаться здесь. Тебя найдет Элио, — ответил Джонатан, ставя птичью клетку на каменный стол. — Как тебя зовут?

— Вивьен Сми... — начала Вивьен, а потом вспомнила, что она кузина Джонатана. — Вивьен Сара Ли. Думал, я забыла, да?

— Я не был уверен, — Джонатан вынимал тарелки из-под клетки. — Вытащи это бревно здесь и начинай есть. Мы должны перехватить мою мать, прежде чем она уйдет на работу.

К огорчению Вивьен, сливочного пирожного не было, но были сладкие оладьи — почти такие же вкусные — и фруктовый сок, который показался Вивьен даже лучше, чем консервированный ананас. До сих пор консервированный ананас был ее любимой едой. Потом последовали ломтики странного посыпанного крошками хлеба, который надо есть с ломтиками сыра.

— Почему всех зовут Вивьен? — спросила она, пока ела.

— Старшую Ли всегда называют Вивьен. В честь Повелительницы Времени. Ее старшая дочь вышла замуж за первого Ли. Мы ведем родословную от самого Фабера Джона. И мы старейшая семья в Городе Времени.

Он сидел на каменной кровати с величественным видом, и Вивьен видела: он страшно горд тем, что он Ли.

— Сколько это времени? — спросила она.

— Тысячи лет. Никто не знает, сколько точно.

— Это смешно! Как можно думать, что Фабер Джон и Повелительница Времени всё еще где-то здесь после стольких лет?

— Я же сказал тебе вчера, что основываюсь на преданиях. Думаю, Ученые ошиблись. И даже *они* не могут объяснить человека, идущего вверх по времени от века четыре к веку двадцать, вызывая возмущение в истории, — он порывисто наклонился вперед. — Я знаю, это Повелительница Времени, и я уверен, предание право: она пытается разрушить Город Времени, потому что ненавидит Фабера Джона. Предание — почти единственная история, которая существует в Городе Времени. Все записи ужасно туманные. Послушала бы ты, как мой наставник ругается из-за того, как мало мы знаем! — он нетерпеливо встал. — Ты закончила? Можем идти?

Вивьен еще ела хлеб с сыром.

— Нет. И, знаешь что? Я не позволю, чтобы меня всё время торопили и запугивали. Вчера ты застал меня врасплох, но это не значит, что я слабая.

— Я никогда не думал, что ты слабая! — запротестовал Джонатан.

Он стоял у нее над душой, переступая с ноги на ногу, пока Вивьен не положила в рот последний кусок сыра. Тогда он бросился к двери.

— Теперь готова?

Вивьен вздохнула:

— Нет. Мне еще надо надеть туфли. И что насчет моего багажа?

Джонатан забыл о нем.

— Лучше возьми его с собой, чтобы показать, что ты с дороги, — сказал он. — И эта газовая маска — чудесно реалистичный штрих.

— Она не реалистичная. Она реальная.

Вивьен нашла туфли и заново упаковала чемодан, пока Джонатан прятал свою серую фланелевую маскировку в каменный сундук.

— Они будут здесь в безопасности, пока Сэм не вернет их в костюмерную Патруля. О, иними эту бирку с сумки. Будет весьма забавно, если я представлю тебя как В.С. Ли, а ты будешь размахивать биркой с надписью «В. Смит».

Он был прав, однако Вивьен испытала приступ паники, когда бирка в свою очередь отправилась в каменный сундук. Как будто она в самом деле потеряла свое имя. «Как я докажу кухне Марти, что я — это я?» — думала она, надевая школьную шляпу и пиджак.

— Теперь я готова.

Дом был огромен и производил впечатление обжитого богатства. Ковры вдоль коридоров выглядели отвратительно ценными, но на них встречались истертые места. Перила многих лестниц, по которым они спускались, отполировались так сильно, что резьба почти стерлась. В центре ступеней образовались углубления от бесчисленных лет хождения по ним. Люди усердно трудились, накладывая на них очередной слой лака. Джонатан провел Вивьен вниз петляющим, зигзагообразным путем, используя четыре разные лестницы, чтобы не встретиться с этими людьми. Когда они, наконец, добрались до первого этажа, Джонатан испустил облегченный вздох:

— Теперь мы можем позволить увидеть нас.

Вивьен перевела взгляд с цветных мраморных узоров на полу на широкую дубовую лестничную площадку, а затем на ряд стрельчатых окон — а может и дверей — на противоположной стороне. Она видела сквозь них пологую городскую площадь с фонтаном в центре.

— Что это за дом? — спросила она.

— Дворец Аннуарий. Сюда.

Джонатан повел Вивьен по узорному мраморному полу туда, где помещение переставало быть вестибюлем и превращалось в подобие комнаты, наполненной пустыми резными рамами, которые, вероятно, являлись стульями. Прямо за аркой женщина говорила в нечто, видимо, представляющее собой телефон. Хотя выглядело это так, будто она пристально смотрела в зеркало и говорила в увеличительное стекло.

— Я подойду через пять минут, — сказала она, бросив взгляд на Джонатана и Вивьен. — И тогда мы с этим разберемся. Здесь, кажется, что-то случилось. Пока.

Она поместила увеличительное стекло в паз рядом с зеркалом и развернулась, уставившись на Вивьен.

Вивьен вдруг почувствовала себя ужасно неудобно. У этой женщины был тот же глубоко встревоженный вид, какой появился у мамы с тех пор, как объявили войну. И хотя она несколько не походила на маму — у нее были раскосые глаза, как у Джонатана, с таким же мерцанием перед ними, — Вивьен знала, что она реальный человек с реальными заботами. Как мама. Она могла носить черно-желтую пижаму и собирать волосы в странную прическу, но лгать ей было неправильно. Однако вот Джонатан без запинки рассказывает ей выдумки.

— Мама, ты никогда не догадаешься! Это кухня Вивьен — Вивьен Ли! Она только что прибыла из века двадцать.

Его мать подняла руку, схватившись за черные как смоль волосы.

— О, Великое Время! Неужели Ли уже вернулись? Я собиралась сначала проветрить Дом Ли!

— Нет, она сама по себе. Вив и Инга отправили ее обратно, поскольку началась Вторая Мировая война, — объяснил Джонатан.

«И вот я стою, позволяя ему лгать!» — с неприятным чувством подумала Вивьен. Однако затем ей пришлось присоединиться ко лжи, поскольку мать Джонатана с обеспокоенной улыбкой повернулась к ней.

— Конечно! Эта война происходит где-то после первой трети века двадцать, правильно? Она обернулась хуже, чем ожидалось?

— Гораздо хуже, — ответила Вивьен. — Лондон уже бомбят. Предполагают, что скоро начнется газовая атака и вторжение.

Хотя всё это было правдой, оно почему-то усугубляло ложь. Мать Джонатана побледнела.

— Всех детей высылают из Лондона, — сказала Вивьен, надеясь, что это заставит ее почувствовать себя лучше.

— Бедное дитя! И мой бедный брат! — воскликнула мать Джонатана. — Ну, почему всё наваливается одновременно? Конечно, ты должна остаться здесь, с нами, пока твоих родителей не отзовут. И мы найдем тебе какую-нибудь подобающую одежду. Подозреваю, у тебя нет ничего, кроме этих ужасных вещей на тебе.

Вивьен с некоторым возмущением посмотрела на свой пиджак и свою лучшую юбку, но ей не пришлось ничего говорить. Мать Джонатана повернулась обратно к штуке-телефону и нажала кнопку на стене рядом с ней.

— Элио, — позвала она, — ты нужен мне немедленно. Приди, пожалуйста, в зал, — и через плечо добавила для Джонатана: — Можешь, присмотреть сегодня за Вивьен, милый? Показать ей окрестности и прочее? Она, должно быть, странно себя чувствует после пяти лет в истории. У меня кризис в Протяженности. Кто-то отправил в Малайю новую австралийскую грамматику почти на столетие раньше ее изобретения, и я весь день буду разбираться с этим.

— Мне вечно приходится делать за тебя нудную работу! — притворился раздраженным Джонатан. — Тебя здесь вообще никогда нет!

— Я знаю, милый, — ответила его мать, выглядя еще более встревоженной, чем раньше. — Я постараюсь получить выходной завтра. Я...

В этот момент на другом конце комнаты распахнулась дверь, и высокий мужчина с выражением страдания на лице ворвался внутрь в вихре серых одеяний. За ним следовал бледный почтительный мужчина в неяркой желто-коричневой пижаме. Мать Джонатана немедленно стала еще более встревоженной.

— Что такое? Что происходит? — спросил несущийся мужчина. — Ты не можешь забрать Элио *сейчас*! Он нужен мне.

Он пронзил взглядом бледного мужчину, который почтительно уставился в пол. Затем он пронзил взглядом Джонатана, который посмотрел в ответ так, словно привык к этому. После чего он подошел прямо к Вивьен и пронзил взглядом ее.

— Что, во имя Времени, *это*? — спросил он.

Его черные волосы были забраны в шишку на макушке, а глаза смотрели из глубоких глазниц с таким выражением, словно он пребывал в агонии. Он вызывал такую тревогу, что Вивьен отступила назад.

— Это малышка Вивьен Ли, Ранджит, — ответила мать Джонатана виноватым, успокаивающим тоном. — Твоя племянница. Ли пришлось отправить ее домой, поскольку

век двадцать становится слишком опасным, и ей придется пожить у нас. Их дом заперт, помнишь? Я хотела, чтобы Элио подыскал ей комнату и одежду.

— Но она слишком большая! — воскликнул страдающий мужчина, по-прежнему глядя на Вивьен. — Эта девочка не того размера!

Вивьен безвольно стояла, глядя в пол. Она испытала почти облегчение, когда он понял, что она не та Вивьен. Теперь ей больше не придется лгать. Но она ужасно боялась того, что с ней сделают — теперь, когда они знают.

— Ей было шесть, когда она уехала, отец, — произнес ни капли не обеспокоенный Джонатан. — Это было почти шесть лет назад. Подумай, как сильно изменился с тех пор я.

— Действительно, — произнес пугающий мужчина, обратив взгляд к Джонатану, с таким выражением, словно считал, что эти изменения не к лучшему. — Понимаю. Она выросла.

И к величайшему удивлению Вивьен, когда он снова повернулся к ней, его страдающее лицо смягчилось в очаровательной улыбке. Намек на страдание, оставшийся в глубоко посаженных глазах, лишь делал улыбку еще более очаровательной. Он протянул Вивьен для рукопожатия длинную узловатую ладонь.

— Кажется, таков обычай в веке двадцать, — сказал он. — Как дела, моя дорогая?

— Очень хорошо, спасибо, — сумела произнести Вивьен.

На первых порах облегчение лишило ее голоса. «Неудивительно, что Джонатан считал, что мне лучше позавтракать, прежде чем я встречу с его отцом! — подумала она. — В противном случае я могла упасть в обморок».

Отец Джонатана развернулся, объявив:

— Элио нужен мне обратно ровно через пять минут.

Он умчался в таком же вихре развевающихся одежд, как появился, захлопнув за собой дверь. Мать Джонатана отвела бледного Элио в сторону и начала объяснять ему, что ей нужно. Она казалась взволнованной, но Элио кивал спокойно. Он держал на ладони маленькую квадратную шуковину и почтительно нажимал на ней кнопки, пока мать Джонатана говорила. Должно быть, он таким образом делал заметки.

— Как мне к ним обращаться? — поспешно прошептала Вивьен Джонатану, пока его мать разговаривала.

— Обращаться к кому? — переспросил Джонатан.

— К твоим родителям. Тетя *что*? Дядя *как*?

— О, понял! — прошептал Джонатан. — Ее зовут Дженни Ли Уокер. Ты лучше зови ее Дженни. Его зовут Ранджит Уокер. Большинство людей обращаются к нему «Вечный». Но предполагается, что ты Ли, так что *можешь* звать его Ранджит.

«Ранджит, — попробовала Вивьен про себя. — Дядя Ранджит». Ничего не получалось. Она просто не могла вообразить, как обращается к этому внушающему тревогу мужчине — неважно каким именем. С Дженни лучше. С этим она могла справиться. Однако Вивьен задумалась, был ли Джонатан очень храбрым или просто сумасшедшим, решив, что может обмануть их.

Мать Джонатана — *Дженни*, сказала Вивьен самой себе — с улыбкой повернулась к ним:

— Значит, всё улажено! Оставь здесь шляпу, пиджак и багаж, Вивьен, дорогая — Элио позаботится о них. И беги наслаждайся Городом Времени вместе с Джонатаном... Или... — она снова стала обеспокоенной. — Тебе нужно поесть?

— Нет, спасибо, — ответила Вивьен и снова почувствовала, что лжет, говоря правду. — У меня... мама дала мне сэндвичи в дорогу.

После этого они смогли уйти обратно по цветному мраморному полу. Вивьен чувствовала себя ужасно неуверенно, зато Джонатан гордо шел размашистыми шагами, широко улыбаясь.

— Ну вот! Вышли сухими из воды! — произнес он. — Я знал, что так будет. Сюда.

Он повернул к линии стрельчатых окон. Которые явно были дверями. Одна из них в середине распахнулась, пропуская их, будто знала об их приближении. Или Вивьен думала, что она открылась для них, пока не увидела двоих людей — мужчину и женщину, — входящих с площади. Вивьен вежливо остановилась, уступая дорогу. Но Джонатан, к ее изумлению, вовсе не обратил на них внимания. Он продолжил идти, будто тех двоих не существовало. И к крайнему ужасу Вивьен, он прошел прямо сквозь них — сначала через мужчину, а потом через женщину — точно они состояли из дыма.

— Как... кто... Как ты это сделал? — выдохнула она, когда мужчина и женщина прошли мимо нее через зал, выглядя совершенно целыми и неповрежденными. — Кто... кто они?

— Эти? Не обращай внимания, — ответил Джонатан. — Просто призраки времени.

Всё еще трясущиеся ноги Вивьен едва не подогнулись.

— *Призраки!* — завопила она.

Глава 3. Город Времени

Джонатан схватил Вивьен за локоть и потащил вниз по каменным ступеням на мощеную площадь.

— Не настоящие призраки, — сказал он. — Призраки времени. И предполагается, что ты знаешь о них, так что не шуми так! Эта площадь называется Закрытие Времени. Все важные люди живут здесь. Вон там — Дом Ли, в котором ты как бы родилась.

«Как можно привыкнуть к *призракам?*» — подумала Вивьен, глядя туда, куда указывал Джонатан. Дом Ли являлся самым высоким зданием на правой стороне Закрытия Времени. Он привел Вивьен в легкое замешательство, поскольку был построен в самом современном стиле из металла, однако, благодаря гигантскому цветущему дереву, растущему перед ним, она видела, что он очень старый. Дерево возвышалось над прямой металлической крышей, наклонялось над ней и протягивало громадные ветви дальше — над более новыми домами с обеих сторон. Эти дома, напротив, были построены в старинной манере из насыщенно-розового кирпича и обветренного старого дерева. И еще больше Вивьен сбил с толку дворец Аннуарий, когда она развернулась, чтобы посмотреть на него. Он представлял собой просто большой дом в стиле, которого она никогда прежде не встречала.

— Так расскажи мне об этих призраках, раз я должна о них знать, — сказала она.

— Призраки времени. Они появляются из-за того, что город использует один и тот же кусок пространства и времени снова и снова. Если кто-то повторяет одно и то же действие достаточно часто, он оставляет отпечаток в воздухе — как те, которых ты только что видела. Мы называем их призраки привычки. Есть и другой тип, называемый однажды-призраки — позже я их тебе покажу. Они появляются...

Но объяснение прервал Сэм, который, угрюмо шаркая, отошел от фонтана в центре Закрытия. Сегодня он был в оранжевой пижаме, а шнурки развязались на обеих ногах.

— Я попался. Меня поколотили, — сказал он, шумно вздыхая — его лицо покрылось пятнами, словно он плакал. — Я устал тогда и понес ключи обратно сегодня утром.

— О, *нет!* — воскликнул Джонатан; его величественный вид исчез, сменившись ужасом. — Я же *велел* тебе не делать так! Хочешь сказать, они поняли?

— Нет, я не выдал, — ответил Сэм. — Папа вошел как раз в тот момент, когда я клал ключи обратно, и я сделал вид, будто только что взял их шутки ради. Но он отлупил меня и запер свой кабинет. Мы больше не сможем их достать.

— Ничего страшного! — с облегчением произнес Джонатан. — Ключи нам больше не нужны. Мне удалось выдать В.С. за кухню Вивьен. Так что мы в безопасности.

Он испытывал слишком большое облегчение, чтобы выказать хоть какое-то сострадание Сэму. Вивьен и хотела бы это компенсировать, посочувствовав ему, но слишком беспокоилась о себе. Теперь не осталось никакой возможности заставить Джонатана отправить ее обратно к кухне Марти тем же путем, каким она прибыла. Она должна вернуться через другой временной шлюз — и быстро. Она знала, что не может долго притворяться кухней Вивьен. Кто-нибудь обязательно догадается.

А вот Джонатан, похоже, вовсе об этом не беспокоился.

— Завяжи ботинки, — уверенно велел он Сэму.

И после того как Сэм, тяжело дыша и сердито бормоча, завязал шнурки, Джонатан провел их через арку в нижнем углу Закрытия Времени на большую пустую площадь за ней.

— Это площадь Эры, — сообщил он, величественно махнув рукой.

Вокруг площади стояли громадные здания. Но Вивьен была лондонцем и привыкла к высоким зданиям. Ее больше впечатлило (и опять же сбивало с толку) то, что, как и на Закрывании Времени, здания, которые выглядели ультрасовременными, являлись самыми старыми. Здесь находилось большое сооружение в форме башни, заполняющее всю правую сторону площади Эры, которое могло быть универмагом. И оно полностью состояло из стекла — скрученного и выкованного в странные футуристические формы. Но даже с такого расстояния Вивьен видела, что стекло выщерблено и изношено, явно такое же старое, как холмы, в то время как ближайшие здания с каменными башнями выглядели гораздо моложе.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Джонатан, ожидая ее восхищения.

— Не намного больше Трафальгарской площади без Нельсона и львов, — ответила Вивьен, отказываясь приходить в благоговение. — Но здесь ужасающе чисто.

Здесь на самом деле не было ни сажи, ни грязи. Солнечный свет падал на светло-серый камень и сверкал зеленым на стекле, или слепил, отражаясь от золотых крыш и куполов, которые толпой возвышались позади зданий в конце площади. Следуя за Джонатаном по открытому пространству, Вивьен подняла взгляд к бело-голубому небу и не обнаружила ни печных труб, ни дыма.

— Почему нет дыма? — спросила она. — И разве у вас нет голубей?

— В Городе Времени нет птиц, — ответил Сэм, ковыляя позади.

— И мы не используем допотопное горючее, — сказал Джонатан, шагая вперед. — Вместо него мы используем энергофункции. Это Камень Фабера Джона.

Прямо в центре площади располагалась большая плита из голубоватой горной породы, утопленная в более светлом булыжнике. Она сильно истерлась из-за того, что по ней ходили. Золотые буквы, которые когда-то составляли довольно длинную надпись, почти полностью стоптались.

Сэм остановился и уставился на нее.

— Трещина стала больше, — объявил он.

Короткая трещина, которую имел в виду Сэм, протягивалась из одного угла к первым золотым буквам надписи. «FAB... — гласила она. — IOV ...AET ..IV, — и в следующей строчке: — CONDI...» Остальное слишком истерлось, чтобы прочитать.

— Это греческий? — спросила Вивьен.

— Латынь, — ответил Сэм. — Давай — измерь трещину.

— Одну секунду, — сказал Джонатан и объяснил Вивьен: — Говорят, Фабер Джон установил этот камень, когда основал город. Надпись возвещает, что Фабер Джон основал город на Четыре Века. Мой наставник бесится из-за того, что ей позволили так стереться. Он думает, там должно быть написано, зачем город был создан, и о местонахождении полярностей в истории. Предания говорят: когда Камень Фабера Джона расколется, город расколется вместе с ним. Хорошо, — добавил он для Сэма, который нетерпеливо прыгал вокруг.

Джонатан аккуратно поставил ногу в зеленой сандалиии вдоль трещины, пяткой в углу.

— Она немного увеличилась. Теперь она почти дошла до конца моих пальцев, — и пояснил для Вивьен: — Большую часть моей жизни она была всего лишь крошечным расколом, но где-то месяц назад начала расти. Я измеряю ее каждый день по дороге в школу.

— Город раскалывается, — объявил Сэм гулким мрачным голосом. — Мне нужно утешение. Мне нужно сливочное пирожное из века сорок два.

— Позже, — Джонатан зашагал прочь через площадь. — Я хочу показать В.С. призраков времени на Вековой площади.

Сэм сердито и вызывающе топнул по трещине, отчего один из его шнурков снова развязался, когда он последовал за ними.

Вековая площадь находилась за площадью Эры и была гораздо меньше. Ее заполняли киоски под красно-белыми навесами, где люди покупали и продавали всё — от фруктов и мяса до туристических безделушек. На первый взгляд здесь находились сотни людей. Потом по телу Вивьен поползли мурашки, когда она поняла, что половина людей проходит сквозь другую половину. Где-то весело играла музыка. Все болтали и покупали вещи, и, похоже, никто ни капельки не беспокоился, что половина толпы являлась призраками, которые болтали и смеялись, не производя ни звука, и платили за призрачные яблоки нереальными деньгами. Была даже призрачная палатка, набитая призрачными апельсинами и помидорами. Она частично совпадала с настоящей палаткой, но, похоже, никто не возражал. Палатка стала единственной призрачной вещью, сквозь которую Вивьен осмелилась пройти.

— Как вы *различаете* их? — отчаянно спросила она, когда Сэм и Джонатан прошли сквозь кучку смеющихся девушек, которые выглядели такими же настоящими, как все остальные. — Мне они кажутся довольно плотными!

— Ты научишься, — ответил Джонатан. — На самом деле, это довольно просто.

— Но я не могу ходить, врезаюсь в каждого, пока не научусь! — запротестовала Вивьен.

Она старательно держалась позади Джонатана и Сэма, пока пыталась понять, что же отличает людей, сквозь которых они проходят. Некоторое время спустя она заметила, что люди, сквозь которых они *не* проходят, носят тот же тип костюмов-пижам, что и они. «Поняла! — подумала Вивьен. — Пижамы — современная мода!» Она возбужденно указала на группу людей в полупрозрачных одеждах, собравшихся вокруг палатки с безделушками.

— Знаю! Вон те — призраки времени.

Джонатан с Сэмом посмотрели туда.

— Туристы, — сказал Сэм.

— Из века восемьдесят семь, — добавил Джонатан.

Когда они сказали это, девушка в полупрозрачном платье купила настоящую белую сумку с надписью на ней золотыми буквами «ГОРОД ВРЕМЕНИ» и заплатила настоящей серебряной полоской денег. Вивьен почувствовала себя душой. Призрачная женщина в розовом полосатом кринолине прошла сквозь нее, и это стало последней каплей.

— Это нагоняет на меня тоску! — воскликнула Вивьен. — Пойдемте куда-нибудь в другое место, иначе я закричу!

— Давайте добудем сливочное пирожное, — предложил Сэм.

— Позже, — Джонатан направился вниз по извилистой улице под названием Дневная аллея, объясняя Вивьен: — Я хотел показать тебе старый Город Времени. На рынке есть призраки, носящие одежду, которая восходит на стони лет в прошлое.

— Бедный я, несчастный, — провозгласил Сэм, который тащился позади, шлепая шнурками. — Никто никогда не дает мне сливочное пирожное, когда я в нем нуждаюсь.

— Заткнись, — велел Джонатан. — Прекрати скулить.

Этот разговор впоследствии повторялся так часто, что Вивьен чувствовала, он может стать призраком времени. Тем временем они увидели круглую площадь, на которой стояло здание с золотым куполом под названием Года, а затем вышли на мост из фарфора, похожий на чайную чашку. К тому же он был расписан цветами, что еще больше напомнило Вивьен

чайную чашку. Однако роспись потерялась и исцарапалась, а местами на мосту откололись кусочки. Он вел в парк под названием Долгие Часы, где они увидели знаменитые Маятниковые сады. Вивьен нашла их завораживающими. Но Сэм стоял, хмуро глядя на выбрасывающие высоко в небо воду фонтаны и на маленькие каменные островки с нарциссами, тюльпанами и ирисами, медленно вращающимися в водяной пыли.

— Осталось только девятнадцать островков, — сообщил он. — Еще два упали.

— Как это сделано? — спросила Вивьен. — Как цветы держатся в воздухе?

— Никто не знает, — ответил Джонатан. — Говорят, их изобрел Фабер Джон. Это одно из самых старых мест в городе.

— Поэтому оно разваливается, — уныло произнес Сэм.

— О, прекрати быть таким депрессивным! — рявкнул на него Джонатан.

— Не могу, — вздохнул Сэм. — У меня настроение дождливой недели. Это же не *тебя* пороли до завтрака!

Джонатан тоже вздохнул:

— Пошли купим сливочное пирожное.

Лицо Сэма просветлело. Всё его тело изменилось.

— Йехууу! *Вперед!* — закричал он и галопом помчался обратно на площадь Эры.

Джонатан и Вивьен поспешили за ним — по узким каменным улицам, сквозь призраков времени и мимо большого количества странно одетых туристов.

— Он знает, как добиться, чего хочет, — раздраженно выдохнул Джонатан.

«Вот уж в самом деле: чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!» — подумала Вивьен и спросила:

— Сколько ему лет?

— Восемь! — ответил Джонатан на коротком неприязненном выдохе. — Порой мне хочется не быть приклеенным к нему. Но он единственный человек близкого мне возраста на Закрытии Времени.

Сэм промчался прямо к стеклянному зданию на площади Эры и пронесся вдоль аркады стеклянных колонн, пока не добрался до места, где были выставлены столы. Он плюхнулся за стол с видом между двух громадных зеленоватых колонн и гордо сидел в ожидании обслуживания. Вивьен села рядом с ним, глядя, как туристы проходят по площади и толпятся в центре, чтобы посмотреть на Камень Фабера Джона. Другие туристы сидели за столами или входили и выходили из богатого вида магазинов под аркадой. Вивьен никогда в жизни не видела столько своеобразных одежд и странных причесок. А вокруг нее тараторили странные языки.

— Город Времени во многом зависит от туристического бизнеса, — сообщил Джонатан.

— Откуда они? — спросила Вивьен.

— Из всех Фиксированных эпох, — ответил повеселевший Сэм. — Сто тысяч лет их времен.

— Существует тур каждые десять лет в каждом столетии, за исключением того времени, когда идет война, — сказал Джонатан. — Его организывают консулы Времени. Патруль Времени проверяет каждого, кто хочет прийти, но на самом деле прийти может почти любой.

— Сколько стоит тур? — спросила Вивьен.

Но тут подошла официантка, чтобы взять у них заказ — веселая девушка в отделанной

оборками розовой пижаме, которая явно хорошо знала Джонатана и Сэма.

— Привет, ребята, — поздоровалась она. — Сколько сливочных пирожных сегодня?

— Три, пожалуйста, — ответил Джонатан.

— Только три? — переспросила официантка. — Полторы единицы в таком случае.

Номера?

— Мне не положен номер, — сказал Сэм.

— Я знаю насчет тебя. Я имею в виду твоих друзей.

— Я плачу, — сказал Джонатан и перечислил ряд цифр.

— Да, но есть ли у тебя кредит? Покажи.

Джонатан нажал на одну из кнопок на своем поясе и протянул руку с рядом значков, светящихся на ладони. Официантка посмотрела, кивнула и нажала кнопки на таком же розовом, как пижама, поясе.

— Надо будет, чтобы Элио пополнил мой кредит, — сказал Джонатан, когда официантка ушла. — Я разорюсь, платя за всё. Сэму не полагается кредита вовсе. Когда ему дали его первый пояс, он разобрал его и изменил размеры кредита. Потом он истратил целое состояние на сливочные пирожные.

— Тысяча единиц за два дня, — счастливо произнес Сэм.

— Единица — это сколько? — спросила Вивьен.

— Эм... около двух ваших фунтов, — ответил Джонатан.

Вивьен подавилась воздухом.

— Тебе плохо не было?

— Всю ночь, — весело ответил Сэм. — Оно того стоило. Я сливочно-пирожный наркоман, — его лицо просветлело, когда он увидел возвращающуюся официантку. — Вот и они! Йухуу!

Пока они ели, позволяя горячей части просачиваться в холодную, Джонатан, похоже, чувствовал себя обязанным продолжать знакомить Вивьен с Городом Времени. Он указал на светящееся белое здание по ту сторону площади. Вивьен смутилась, когда головы туристов тоже повернулись посмотреть на него.

— Это Патруль Времени, где мы были прошлой ночью, — пояснил он. — А там... — он указал в конец площади, и головы туристов со странными прическами качнулись в ту сторону вместе с Вивьен. — То здание — это Продолжительность, где мы с Сэмом ходим в школу. Я рассчитываю, что ты будешь ходить туда с нами, когда четвертные каникулы закончатся, — затем он указал обратно на аркаду, и снова все головы повернулись за его пальцем. — Позади нас — Континуум, где находятся студенты, а за ним — Перпетуум и Башня Былого...

Вивьен так смушало, что туристы всё слушают, что она перестала следить. Вместо этого она подумала: «Четвертные каникулы! Всё дело в их четвертных каникулах и в том, что они соскучились от безделья. Поэтому они придумали себе приключение с Повелительницей Времени и спасением Города, чтобы сделать жизнь захватывающей. Так и слышу, как они шепчутся о В.С.! Для них это всё еще *нереально!*»

— ...а напротив — Протяженность, где работает моя мать. Эти купола-близнецы — Некогда и Происходящее, — говорил Джонатан. — Затем в конце идет Тысячелетие ...

— Мне нужно еще сливочное пирожное, — перебил Сэм.

Джонатан нажал другую кнопку на поясе. На тыльной стороне его ладони появился циферблат, показывающий без пятнадцати двенадцать.

— Нет времени, — сказал он. — Нам надо показать В.С. призрака Бесконечности.

— Тогда после него.

— Нет. Это мой последний кредит.

— Ты считаешь каждую монетку! — с отвращением произнес Сэм, когда они встали, чтобы уйти.

— Как работает твой пояс? — спросила Вивьен. — Мне он кажется волшебным!

Вскоре она пожалела, что спросила. На площади теперь находились толпы туристов.

— Энергофункции, — сообщил Джонатан, бешено ныряя туда-сюда среди людей и выкрикивая кусочки объяснений через плечо.

Вивьен изо всех сил старалась не отстать, чтобы расслышать их, хотя почти единственными словами, которые она понимала, были предлоги и артикли.

— И мой сделан в веке сто два, так что у него есть функция уменьшения веса, — произнес Джонатан. — Смотри.

Он нажал очередную кнопку и отлетел от Вивьен в длинном плывущем прыжке. Приземлившись, он снова прыгнул, и снова, и снова, паря туда-сюда посреди групп людей.

— Ведет себя, как дурак! — с отвращением произнес Сэм. — Пошли.

Они петляли среди людей, пытаясь не терять из виду несущуюся зеленую фигуру Джонатана и его летящую косу. В итоге они оказались между двумя зданиями за стеклянной аркадой. Вивьен мельком увидела на одной стороне купола-близнецы, про которые только что говорил Джонатан, а на другой — ужасно странное сооружение, похожее на кривобокие соты, вокруг которых головокружительными зигзагами шла лестница. После чего они вышли на грандиозный лестничный пролет. Зеленая фигура Джонатана, точно сумасшедший кенгуру, спускалась по нему скачками. Внизу он перепрыгнул прямо через широкую многолюдную дорогу и вдруг посередине прыжка рухнул вниз, приземлившись с глухим ударом и выглядя слегка сердитым.

— Отлично. Зарядка закончилась. Ему придется подождать, пока перезарядится, — сказал Сэм.

Они перебежали через дорогу — туда, где Джонатан прислонился к каменной стене. Внизу за стеной располагалась сельская местность с извивающейся по ней рекой. Джонатан смотрел на разгружающуюся далеко внизу на причале баржу.

— Река Время, — сообщил он Вивьен так, будто ничего не случилось, и они с Сэмом не взмокли и не запыхались в попытке угнаться за ним. — Дорога — это авеню Четырех Веков. Она ведет к Холму Бесконечности. Смотри.

«Немного похоже на место для гулянья, — подумала Вивьен, — или набережную — с этой рекой с одной стороны. И до чего же Джонатан сводит с ума! Хуже Сэма!»

Над авеню стояли арки из ажурных металлических конструкций. И каким-то образом эти арки испускали длинные полосы света всех цветов радуги — словно флаги или шарфы. От этого возникало ощущение праздника, тем более что авеню заполняли толпы и кучки людей, спешащих к холму в ее конце. Там авеню переходила в лестницу, ведущую наверх круглого зеленого холма — к башне на вершине. Башня выглядела старой. Очень, очень старой. И темной, несмотря на то, что сквозь ее окна Вивьен могла видеть небо.

— Эта башня называется Гномон^[5], - сказал Джонатан. — Внутри него находятся часы Фабера Джона, которые бьют только раз в сутки — в полдень.

Они пошли следом за остальными людьми к Холму Бесконечности, но не успели далеко пройти, когда громадный колокол начал отбивать часы. БОМ. От него загудели ажурные

арки, а полосы света затрепетали.

— Тьфу ты! Уже полдень! — Джонатан бросился бежать.

Они находились еще довольно далеко от холма, когда разнесся второй удар. БОМ. Полосы света снова колыхнулись. Из толпы поднялись указывающие руки. Со всех сторон послышалось бормотание:

— Вон оно!

Вивьен увидела вдалеке человека в зеленых одеждах — на самом нижнем лестничном пролете на холме. Он пытался взобраться по ступеням. Казалось, он страшно спешит — она чувствовала это даже на расстоянии, — и он яростно бежал и карабкался. Но, похоже, что-то останавливало его. БОМ, зазвонили громадные часы. Человек в зеленом пошатнулся и потянулся вперед. БОМ. Вивьен чувствовала усилия, которые прилагал человек. Он поднимал ноги так, будто на них были свинцовые сапоги. БОМ. Он попытался подтянуться наверх, держась за перила, но это тоже не сработало.

— По этим ступеням тяжело подниматься? — прошептала Вивьен.

БОМ.

— Нет. По ним можно бежать, — ответил Джонатан. — Но он — призрак времени. Однажды-призрак. Каждый день в двенадцать он пытается подняться по ступеням. Смотри.

БОМ, продолжали часы, пока Джонатан говорил. С каждым ударом человеку в зеленом становилось всё тяжелее взбираться. Но он не сдавался. Он с трудом поднимался, пока часы били семь, восемь и девять. К десятому удару он уже полз на четвереньках. Он выглядел истощенным, а ему оставалось пройти еще два пролета, чтобы добраться до башни. Когда он упорно полз по предпоследнему пролету, Вивьен поймала себя на том, что задерживает дыхание. БОМ. «Давай, давай!» — говорила она про себя. Казалось самой важной вещью в мире, чтобы человек успел добраться до верха.

И он не смог. БОМ, донесся двенадцатый удар, и зеленая ползущая фигура просто исчезла.

— О-о-о! — произнесла Вивьен.

И толпа вокруг нее тоже со стоном протянула:

— О-о-о!

— Какая жалость! Что он делал? — спросила Вивьен.

— Никто не знает. Он этого еще не делал, — ответил Джонатан. — Понимаешь, он однажды-призрак, а такое происходит, когда то, что они делают — настолько важно или настолько волнующе, что они оставляют отпечаток, как призраки привычки.

— Что? Из будущего?

— Да. Но здесь нет будущего на самом деле, — объяснил Джонатан. — Я говорил тебе, как Город Времени использует снова и снова один и тот же маленький кусочек пространства и времени. Прошлые и будущее вращаются и вращаются, так что они почти одно и то же. Что ты думаешь о призраке Бесконечности? — нетерпеливо спросил он. — Он что-нибудь значит для тебя?

Единственное, что приходило Вивьен в голову — Робин Гуд: из-за зеленых одежд.

— Нет. А должен?

Джонатан выглядел слегка разочарованным.

— Ну, свежий ум из Нестабильной эпохи. У тебя могла появиться новая идея. Давайте пообедаем, пока туристы не заполнили все кафе.

— Сливочные пирожные. Ты обещал, — заявил Сэм.

— Я сказал: НЕТ, — ответил Джонатан. — Обычная еда. Это дешевле.

— Косоглазый скупердяй! — пробормотал Сэм.

Но он имел осторожность сказать это, когда Джонатан уже отошел на некоторое расстояние, прокладывая путь сквозь толпу.

Они поднялись по ступеням между домами. Эти ступени назывались Десятилетия, и между каждой лестничной площадкой располагалось по десять ступеней. Наконец, они оказались довольно высоко — рядом с золотым куполом Годов. Там находилось место, где можно купить еду, и лужайка на склоне под старой серой башней, где можно поесть. Они ели нежные булочки с мясом, сидя на припекающем, но не слишком, солнце. «Я наслаждаюсь этим! — подумала Вивьен. — Чувствую себя как турист на каникулах!» Пока они ели, Джонатан и Сэм рассказывали ей о других однажды-призраках. Мужчина, который каждый день ныряет в реку Время, пытаясь спасти тонущую девочку; Патрульный Времени, которого застрелили в зале Тысячелетия; и девушка, принадлежавшая к Ли, а следовательно дальний предок Джонатана и Сэма, которая каждый день на закате сердито швыряет свое обручальное кольцо в фонтан на площади Столетия.

— Позже она была этим ужасно смущена, — произнес Джонатан, вставая. — Она чуть не покинула Город Времени, но не смогла выдержать мысли о жизни в истории. Двигайся, Сэм. Я хочу показать В.С. Фабера Джона, пока туристы едят.

— Хочешь сказать, он по-прежнему здесь? — воскликнула Вивьен.

— Увидишь, — ухмыльнулся Сэм своей широчайшей двузубой улыбкой.

Дорога к Фаберу Джону начиналась у основания старой башни, внизу поляны. Там располагался темный дверной проем, а внутри в полумраке леди потребовала посмотреть кредит Джонатана. Нажав кнопку на поясе, Джонатан вытянул руку, и светящиеся зеленые цифры на его ладони заметно изменились, когда леди пробила билеты на располагавшемся перед ней аппарате. Это было дорого. Теперь Вивьен поняла, почему Джонатан так предусмотрительно купил дешевый обед.

Они спускались по лестнице с веревочными перилами, вниз и вниз, под голубым светом маленьких шаров, установленных на скалистом потолке, пока не дошли до грязного пола глубоко под Городом Времени. От нескольких туристов впереди доносились смех и визг, но они почти заглушались шумом льющейся и капающей воды. За скалистым углом стояла табличка с ужасно странными буквами, которые Вивьен едва смогла прочесть: «ИСТОЧНИК ФАБЕРА ДЖОНА: глоток приносит здоровье и удачу». Позади нее из желобка в потолке потоком лилась вода, стекая в маленький каменный резервуар, который явно образовался естественным путем — от выдолбившей скалу воды. Несколько монеток блестели под ее темной рябью.

— Ты не должна платить, — сказал Сэм.

Вивьен всё равно бросила в странный источник большой круглый пенни с надписью «1934 год». Она чувствовала, ей нужна удача, чтобы вернуться домой. Затем она взяла из кучи сбоку один из украшенных драгоценностями кубков и поставила его под бегущую воду. Кубок на самом деле оказался всего лишь из бумагообразного материала, но выглядел таким настоящим, что Вивьен решила сохранить его. На вкус вода оказалась одновременно свежей и немного ржавой.

Сжимая кубок и надеясь, что он принесет удачу, Вивьен последовала за Сэмом и Джонатаном по изгибам грязного коридора. Они прошли мимо хитро освещенных скальных образований, похожих на складки ткани и на крылья ангелов, и мимо красивого

неподвижного темного водоема, из центра которого возвышалась скала, похожая на сложенные чашей ладони — с пальцами и всем остальным. И постоянно присутствовал звук льющейся, капающей и текущей воды. Сначала Вивьен подумала, что звук идет от Источника Фабера Джона, но он становился всё громче, пока они не вошли в более широкую часть коридора с железными перилами с одной стороны. Здесь было теплее и немного парно, а звук воды стал оглушающим, с доносящимся сквозь него громким бормотанием.

— Здесь берет начало река Время, — прокричал Джонатан, указывая на глубокую расщелину за перилами, откуда, похоже, шел грохот.

Они повернули за очередной угол и обнаружили, что туристы, которых они слышали прежде, просто продолжили идти вперед.

— Отлично, — сказал Джонатан. — Никто нам не мешает. Смотри.

За перилами и за темной расщелиной в стене находилась гладкая овальная пещера, простирающаяся на много ярдов. Внутри нее лилась и капала вода. Но освещение в пещере располагалось так, чтобы светить сквозь слой воды. Вивьен видела внутри какую-то форму. Она была длинной и высокой и напомнила ей о... Вивьен вдруг ярко вспомнилось, как однажды она спала вместе с мамой во время каникул в Богнор Регисе, пока не приехал папа, задержавшийся из-за работы. Проснувшись утром, она увидела, что мама лежит на боку, отвернувшись от нее, но выглядя очень близкой и большой, так что мамины довольно узкие плечи и спина показались Вивьен скалой. То, что находилось внутри пещеры, выглядело именно так. На мгновение Вивьен могла поклясться, что смотрит на часть гигантской спины, в то время как голова великана спрятана внутри скалы с левой стороны, а остальная его часть растянулась справа под Городом. Виднелась лопатка и узловатая вмятина, которая бывает у людей внизу спины. Но фигура была цвета яркой глины и выглядела как камень. Вода постоянно лилась и капала на нее, доказывая, что она из твердой породы.

— Это же не может быть человек, правда? — спросила Вивьен. — Он был бы гигантским, если бы встал. Это, должно быть, скала.

— Мы не знаем, — ответил Джонатан.

— Но наверняка же кто-нибудь забирался туда, чтобы убедиться!

Джонатан бросил быстрый взгляд вверх и вниз коридора, проверяя, нет ли кого-нибудь еще. После чего взялся за железные перила и отвернул от них кусок. По тому, как легко отошел стержень, Вивьен поняла, что это проделывали довольно часто. Джонатан протянул ей длинный кусок железа.

— Наклонись вперед и ткни его. Давай.

Стержень, похоже, был как раз нужной длины. Неуверенно, с бумажным кубком в одной руке и стрежнем в другой, Вивьен наклонилась над влажным парным пространством и толкнула стержень в пещеру. Как только его конец достиг завесы льющейся воды, он отказался продвигаться дальше. Вивьен толкнула, как если бы стержень был копьем, и он снова отскочил назад так сильно, что она чуть не упала в черную расщелину, откуда истекала река. Сэм и Джонатан вместе удержали ее, схватив за рубашку.

— Почему? Что его останавливает? — спросила Вивьен.

Джонатан вынул стержень из ее руки и установил его обратно в перила:

— Какой-то вид силового поля, но никто не может понять, какой именно. Ученые из Происходящего веками пытались узнать. И оно ведь здесь не просто так, правильно? Похоже на то, что это действительно Фабер Джон.

— Похоже, — согласилась Вивьен.

К ее собственному удивлению, это вызвало чувство спокойствия и благоговения. Она бросила последний изумленный взгляд на спину великана под постоянно льющейся водой и медленно последовала за мальчиками за очередной поворот. Там находился еще один длинный лестничный пролет, а затем — выход наружу, где мужчина проверил их на экране.

Потом они, моргая, любовались чудесным видом Города.

— Вот, — сказал Джонатан. — Ты согласна, что это место стоит того, чтобы его спасти?

Таинственный каменный великан расстроил Вивьен.

— Да, но какое отношение это имеет ко мне? — резко ответила она. — Я также не хочу, чтобы Лондон бомбили.

— Теперь мое следующее сливочное пирожное, — заявил Сэм.

Джонатан нажал кнопку на поясе, заставив вспыхнуть циферблат на запястье, и тут же убрал его.

— Позже, — ответил он. — Теперь я должен показать В.С. Тысячелетие. Вон оно — на другом конце авеню Четырех Веков. Ты обязательно должна его увидеть. Там находятся все величайшие картины в истории.

Посмотрев, куда он указывал, Вивьен увидела громадное, сверкающее рядами окон и перекрученными стеклянными шпильями здание с гигантским синим стеклянным куполом. Она испугалась.

— Больше никаких зданий, пожалуйста! У моего мозга будет несварение!

— Тогда, возможно, нам стоит просто не спеша вернуться в Аннуарий, — глубоко сочувствующим тоном предложил Джонатан.

На секунду Вивьен почти поверила его сочувствию, пока не заметила, как Сэм, слегка приоткрыв рот, смотрит на Джонатана — будто в этот момент он что-то осознал.

— Отличная идея! — слишком уж усердно согласился он. — Мне на самом деле и не нужно сливочное пирожное.

С этой последней деталью он переборщил. Вивьен знала, они что-то замышляют. «Что теперь планирует Джонатан? — задумалась она, следуя за хлопающими шнурками Сэма вниз по мощеной авеню. — Еще одно невозможное приключение?»

Глава 4. Призраки Времени

По пути обратно Джонатан несколько раз смотрел на свой циферблат. Сэм ни разу не упомянул о сливочных пирожных. Они поспешно прошли по площади Эры и через арку к Закрытию Времени, и Вивьен следовала за ними в полной уверенности, что они что-то замышляют. У нее болели ноги, когда она поднималась по ступеням к стеклянным дверям Аннуария.

«Хочу немного покоя, — думала она. — Хочу почитать киножурнал и послушать радио. Но вряд ли в этом месте есть такая вещь, как радио!»

Вестибюль Аннуария был пуст и тих. Джонатан повернулся к Вивьен с самым своим величественным и небрежным видом:

— Есть еще парочка однажды-призраков, которых я могу показать тебе, если хочешь. Прямо здесь, во дворце.

«*Вот* для чего мы вернулись!» — подумала Вивьен, а вслух произнесла:

— Ну, покажи, раз уж ради них ты заставил меня проделать весь этот путь.

— Тогда сюда.

Коса Джонатана подпрыгивала при каждом шаге, когда он решительно направился в сторону, противоположную той, откуда привел Вивьен утром.

Сэм, косолапя, торопливо последовал за ним. «Это тот путь, которым мы пришли прошлой ночью», — подумала Вивьен, идя позади по цветным узорам на мраморном полу. Они завернули за угол, и, конечно же, Вивьен узнала длинное помещение с витринами вдоль обеих стен. Тогда оно напомнило ей музей. Сейчас она видела, что это действительно что-то вроде музея. И поскольку ей страшно надоело, как Джонатан вечно ее торопит, она нарочно замешкалась, разглядывая вещи в витринах. У каждого экспоната имелась карточка, подписанная аккуратным, легко читаемым почерком. «Американская клюшка для гольфа века семьдесят три», — гласила первая. «Индийская свадебная чаша века сорок пять», — сообщала другая. Но некоторые экспонаты были решительно странными, как например «Газовый утюг века сто пять» и «Исландская малярная краска века тридцать три». В то время как в следующей витрине... Вивьен обнаружила, что смотрит на собственные вещи, подписанные тем же аккуратным почерком: «Снаряжение эвакуированного века двадцать (коробки открываются для демонстрации одежды и защитной маски)».

И они *были* открыты. Ее чемодан искусно приоткрыли, разложив сверху тот несчастный чемоданчик, а газовую маску наполовину вытащили из коробки. Ее драгоценную плетеную сумку развернули так, чтобы показать бумагу из-под сэндвичей, журнал, перчатки и носки. Вивьен возмущенно уставилась на них, воскликнув:

— Какая *наглость!*

Она сильно испугалась: как она достанет эти вещи, когда отправится домой? Но гораздо хуже было другое. Будто кто-то забрал личность, которой она являлась на самом деле, принуждая ее превратиться в кого-то незнакомого.

— Но я не стану! — сердито произнесла Вивьен. — Я — это я!

Обеспокоенные Сэм и Джонатан бегом вернулись обратно. Сэм потянул ее за руку:

— Ты должна пойти *немедленно!*

Вивьен была слишком встревожена, чтобы обращать на это внимание. Она указала на витрину:

— Посмотрите! Посмотрите на это! Все мои вещи.

— Да. Старый добрый Элио как обычно занимался работой, — сказал Джонатан. — Андроиды — они такие. Но призраки вот-вот появятся — в любую секунду. Пошли посмотришь на них. Пожалуйста!

Вивьен перевела взгляд с него на Сэма. Сэм смотрел на нее с беспокойством. Джонатан так стремился увести ее, что даже побледнел. «Он ужасно взвинчен!» — подумала Вивьен. Мама сказала бы про него именно так. Ей стало ясно, что и для Джонатана, и для Сэма почему-то было очень важно, чтобы она увидела этих призраков.

— Ох, ну ладно, — сдалась она и позволила Сэму потянуть ее в дальний конец музея.

Там находилась темная старая дверь. По прошлой ночи Вивьен помнила, что она ужасно скрипит, однако, к ее удивлению, дверь оказалась заперта. Большая сияющая цепь из прозрачного материала со встроенными в него проводами висела поперек нее от одной металлической коробки, установленной на дверной раме рядом с петлями, до другой, установленной на дверной раме рядом с ручкой. От обеих коробок к полу тянулись кабели. Похоже, любой, кто попытается открыть дверь, получит сильный разряд.

Сэм протянул пухлую руку, перепачканную сливочным пирожным и грязью из пещеры Фабера Джона, и ловко передвинул одну из металлических коробок с рамы на дверь — прямо под большую железную ручку. Кабель остался на месте, и, если не присматриваться, дверь выглядела по-прежнему запертой.

— Я закоротил ее, — гордо сообщил Сэм. — В первый день четвертных каникул.

— Я попросил его, — Джонатан снова посмотрел на часы. — Это была моя идея. Когда я был маленьким, все знали об этих призраках. Они сотни лет проходили здесь каждый день. Так что, когда шесть лет назад моего отца избрали Вечным, я собирался на них посмотреть. Но сначала на них пошла смотреть моя мать, и при виде них она закричала, а дверь опечатали. С тех пор я постоянно мечтал сюда попасть, но мне пришлось подождать, пока Сэм не превратится в гения по части энергофункций.

Сэм гордо улыбнулся. Джонатан снова посмотрел на часы и объявил:

— Сейчас.

Он повернул ручку, и дверь медленно со скрипом открылась. За ней тянулся темный каменный коридор, по которому Вивьен шла прошлой ночью из похожего на церковь здания под названием Хронолог. Открытая дверь давала достаточно света, чтобы увидеть, что коридор пуст.

— Подожди, — произнес Джонатан — казалось, он задерживает дыхание.

Почти в тот же самый миг вдруг появились двое людей, идущих к ним по коридору. Сначала их сложно было рассмотреть в темноте. Всё, что Вивьен могла сказать — они носили современные пижамы Города Времени и шли так, как люди обычно ходят, когда чем-то сильно взволнованы. Потом она разглядела, что у того, кто повыше, по краям костюма идут темные ромбы. Его глаза покрывало мерцание, а волосы были собраны в косу, перекинутую через плечо. Вторым призраком являлась девочка со светло-каштановыми кудрявыми волосами.

— Сверчок Джимини! — воскликнула Вивьен. — Это я! И ты!

Ужасно странное и удручающее зрелище — видеть себя призраком, который выглядел почти, но не совсем, как все остальные, и без передышки беззвучно болтал с мальчиком, которого она встретила лишь прошлой ночью. Хуже того: призраки невидяще неслись прямо на нее. Вивьен испытала приступ чистой паники, какой не испытывала еще ни разу в жизни.

Они исчезли, чуть-чуть не дойдя до нее.

Мгновение Вивьен, дрожа, стояла с затуманившимися глазами. А потом ноги подогнулись, и она с глухим шлепком села на мраморный пол.

— *Сотни лет*, ты сказал? — хрипло спросила она.

Джонатан протянул руку, чтобы поднять ее.

— Мои ноги повели себя точно так же, когда я впервые их увидел. Сэм убежал.

— Только на шесть метров! — запротестовал Сэм. — Я вернулся, когда они исчезли.

— Неудивительно, что твоя мама закричала и велела закрыть этот коридор! — произнесла Вивьен, с трудом поднявшись на ноги, и повисла на двери до тех пор, пока не почувствовала себя устойчивее. — Она, должно быть, узнала тебя, даже если тебе было только шесть лет!

— Она не хочет говорить об этом, — теперь Джонатан выглядел величественно и торжествующе. — *Теперь* понимаешь, как я узнал тебя, В.С.? Это мы прошлой ночью. Я надел этот костюм и повел тебя этим путем нарочно.

Вивьен всё еще чувствовала себя шатко, но ее мозг работал нормально.

— Это *не* прошлая ночь! Кроме того, что я не сказала тебе ни слова, пока мы не дошли до твоей комнаты, я была не в этой одежде. Простой ночью на мне была та же юбка, что сейчас. А на этом призраке одежда Города Времени.

Джонатан не видел большой разницы.

— Ну, тогда это случится в ближайшее время, — беспечно произнес он. — И то, что мы делали — важно. Это *должно* быть важно, иначе мы не создали бы однажды-призраков. Так что мы делали, как думаешь, В.С.?

Он снова вернулся к роли следователя. «Будь я проклята! — подумала Вивьен. — Он *по-прежнему* считает, что я Повелительница Времени. Просто после того как испугался тех охранников, он решил заставить меня признать это другим способом. Вот ведь заикнулся!»

— Если ты еще раз назовешь меня В.С., — сказала она. — Я закричу. Предупреждаю тебя!

Сэм похлопал ее по руке и доброжелательно предложил:

— Тебе нужно сливочное пирожное.

Как ни странно, от этого Вивьен действительно чуть не закричала. Она издала странный пронзительный смешок и воскликнула:

— Я с ума сойду! Почему я не могу вернуться обратно в войну и получить немного покоя? Здесь всё безумно! Всё это *неправда*!

Ее голос становился громче и громче. Мальчики вытаращились на нее. Вивьен открыла рот, чтобы посмеяться над тем, как глупо они выглядят, и решила, что лучше закричать. Она откинула голову, чтобы испустить по-настоящему громкий удовлетворяющий вопль, когда услышала в музее шаги, поворачивающиеся за угол. Она закрыла рот. Сэм моментально установил цепь на место, и они поспешили к музейному стенду, подписанному: «Китайский домашний компьютер века сорок три», — и усиленно смотрели на него, пока не появился человек, чьи шаги они слышали.

Им оказалась дружелюбная девушка со смуглым лицом по имени Петула, которая искала Вивьен.

— Госпожа Вечная велела мне найти тебя, дорогая. Не хочешь пойти посмотреть, всё ли в твоей комнате так, как тебе нравится?

— Я покажу ей, — тут же предложил Джонатан.

Но Петула ответила:

— Нет. Уходи, Джонатан, дорогой. Она не твоя собственность.

Она повела Вивьен наверх по лестнице, оставив Джонатана и Сэма стоять с видом людей, которых внезапно прервали прямо посреди приключения.

Несколько позже Вивьен мирно и счастливо устроилась в маленькой приятной комнате. Хотя ни одна из вещей здесь не напоминала того, что она знала, Петула показала ей, как всё работает — например, если нужно зеркало, надо наступить на выступ на полу, и кусок стены тут же отразит твое лицо — и рассказала, как всё называется. Она показала Вивьен, как включить душ и где находится выключатель для музыки. Под конец она нажала кнопку, и стена скользнула в сторону, открыв шкаф. Внутри загадочно висел ни на чем ряд костюмов-пижам — все чудесным образом размера Вивьен.

— Можешь рассчитывать в этом на Элио, — сказала Петула. — Если у тебя возникнут проблемы с чем бы то ни было, положи ладонь на этот синий квадрат возле кровати, и один из нас придет помочь тебе.

Когда Петула ушла, Вивьен вступила во владение комнатой, расправив бумажный кубок, который к этому моменту довольно сильно помялся, и поставив его на пустую раму стола возле стены. Затем она легла на кровать, представлявшую собой натянутое на пустоту одеяло с цветочным рисунком, и слушала странную звенящую музыку, доносившуюся из штуки под названием «Палуба», которая плавала в воздухе рядом с кроватью. Это было почти так же хорошо, как слушать радио. Вивьен подумала, что ей стоит начать размышлять, как вырвать Джонатана из его заикленности и заставить вернуть ее к кухне Марти. Почему-то она была уверена, что те два призрака времени помогут ей в этом, если она сможет придумать как. Однако Вивьен не хотелось думать о собственном призраке, в течение сотен лет идущем рядом с призраком Джонатана — задолго до того, как оба родились. Поэтому она заснула.

Вивьен проснулась от того, что кто-то тихо вошел и положил одежду для нее. Скользящий звук закрывающейся двери заставил ее резко сесть. Теперь она обнаружила, что *хочет* думать о тех призраках времени. «Интересно, что мы делали — то есть что мы *будем* делать? — с величайшим интересом спросила себя Вивьен. — Я могу как-нибудь их использовать». У нее почти возникла идея.

— Ты здесь, В.С.? — донесся голос Джонатана из Палубы.

— Нет, я сплю, — ответила Вивьен — почти идея пропала.

— Тогда просыпайся. Ужин через полчаса, — произнес голос Джонатана. — Предупреждаю: он будет официальным — с гостями. Так всегда бывает. Мне зайти за тобой? — Официальный? Тогда лучше зайди.

Эта новость заставила Вивьен нервничать. Ей с трудом удалось натянуть на себя оставленный для нее шелковистый белый костюм. Его брюки были такими широкими, что представляли собой почти что юбку, и Вивьен дважды засунула обе ноги в одну штанину, прежде чем получилось сделать всё правильно. Когда она встала и засунула руки в просторные рукава, костюм, словно по волшебству, сам застегнулся на спине и начал слегка светиться. Вокруг рук и ног появились медленно плавающие по спирали голубые цветы. Вивьен прикоснулась к ним, и они оказались такими же ненастоящими, как призраки времени. Это довольно-таки нервировало, но, когда ты привык к тесной одежде и нижнему белью 1939 года, больше всего нервирует просторность костюма. Вивьен чувствовала себя так, будто на ней нет одежды вовсе, и это выводило ее из равновесия больше, чем что-либо.

Когда появился Джонатан — весь в белом, с по-новому заплетенными волосами, — он

не помог ей почувствовать себя лучше.

— Будет довольно скучно, — предупредил он, когда они спускались по отполированным ступеням. — Гости — это доктор Виландер (мой наставник) и Библиотекарь Энкиан. Они ненавидят друг друга. Говорят, будто Виландер однажды швырнул в Энкиана целую стопку фолиантов Шекспира. Он силен как бык, так что, может, это и правда. Они сегодня в очередной раз поругались, и отец пригласил их, чтобы успокоить.

— Надеюсь, все будут слишком заняты, ненавидя и успокаивая друг друга, чтобы заметить меня, — заметила Вивьен.

— Наверняка.

Но они не были. Родители Джонатана ждали в столовой — круглой комнате со сводчатым потолком, которая сразу вызвала у Вивьен ассоциации со станцией метро, — а двое гостей стояли рядом с симуляцией огня, мерцающей в настоящем камине. Хотя все четверо были в торжественном черном, они напомнили Вивьен прячущихся от воздушной атаки. И это немедленно вызвало ощущение опасности. Которое только усилилось, когда Дженни подняла взгляд и произнесла:

— Вот и она.

И Вивьен поняла, что они говорили о ней.

Мистер Энкиан, обладавший желтым треугольным лицом и манерой насмешливо улыбаться, даже когда говорил о самых обычных вещах, посмотрел на Вивьен и сказал:

— Что за бледное маленькое создание!

Ее лицо тут же вступило в противоречие с его словами, став красным и горячим. Вивьен почувствовала себя занятой вещицей, притащенной кошкой. «Вот только вряд ли здесь есть кошки!» — с отчаянием подумала она.

— Шесть лет в задымленной истории никому не пойдут на пользу, — возразила Дженни своим самым взволнованно-успокаивающим тоном, подводя их к столу.

Вечный Уокер бросил на нее через плечо страдающий взгляд.

— Однако ей удалось вырасти, — заметил он с таким видом, словно был обижен на Вивьен за это.

Что касается доктора Виландера, он просто смотрел на Вивьен. Он был громадный. И с громадным, вытянутым, как у медведя, лицом. Вивьен покосилась на него и встретила взгляд пронизательных маленьких серых глаз, пристально смотревших на нее с медвежьего лица. Они привели ее в ужас. Она поняла, что ее изучает один из самых умных людей, что она когда-либо встречала. Вивьен была слишком напугана, чтобы двигаться, пока Джонатан не взял ее за плечо и не толкнул на резной отполированный стул-раму. Посмотрев на стол, Вивьен испытала облегчение, обнаружив, что он не невидимый, а сделан из какого-то белого материала, с белыми же узорами, имитирующими скатерть.

Доктор Виландер сел напротив нее, и пустой стул заскрипел. Когда он заговорил с ней, его голос был монотонным ворчанием — точно медведь в далекой чаше.

— Так ты младшая Ли, а? Вивьен Ли?

— Да, — ответила Вивьен, желая, чтобы ей не приходилось лгать.

— Отправили домой из-за Второй Мировой войны, а? — проворчал доктор Виландер.

— Да, — с облегчением согласилась Вивьен, поскольку теперь она, по крайней мере, снова лгала, говоря правду.

— Из чего мы можем заключить, — заметил мистер Энкиан, — что печально известная

нестабильность века двадцать обострилась до такого уровня, что вызывала беспокойство твоих родителей. Мы надеемся, ты можешь представить нам отчет об этом.

«Помогите!» — подумала Вивьен. Она в отчаянии посмотрела на Джонатана, но поняла, что от него помощи не получит. Он выглядел невозмутимым и благовоспитанным — олицетворение мальчика, старающегося быть незаметным.

— Не будь смешным, Энкиан, — проворчал доктор Виландер. — Нельзя ожидать от одиннадцатилетнего ребенка оценки уровня нестабильности.

— *Я ожидаю* этого от ребенка двух обученных Наблюдателей, — огрызнулся мистер Энкиан. — По крайней мере, она может отвечать на вопросы.

Поняв, что гости начинают ссориться, вмешался отец Джонатана:

— Нам всем известен источник проблемы. И хотя истребление всё еще возможно, что нас больше всего беспокоит — это как являющиеся следствием временные беспорядки могут содержаться в веке с такой низкой прогностической выработкой...

Он продолжал говорить. Вошли четыре девушки и выставили перед каждым множество больших и маленьких блюд, и всё это время Вечный Уокер говорил. Его речь была ужасно скучной. «Возможно, его работа — быть скучным, — подумала Вивьен. — И в таком случае он хорошо с ней справляется». Он уставился в закругленный угол комнаты с таким выражением, будто нечто ужасно его там беспокоило, и монотонно говорил о расширении волн, социотемпоральных кривых, парадигмах агон-моделей, культурной манипуляции идеологией, поведенческих параметрах, коэффициенте Ли Абдуллы, пока всех не охватила подавленность.

Вивьен пыталась слушать. Она была уверена, что чем больше узнает о Городе Времени, тем легче ей будет попасть домой. Но всё это она понимала еще меньше, чем объяснения Джонатана о том, как работает его пояс. Она смутно уловила, что ее век охвачен беспорядками и что, когда Вечный Уокер говорил об «источнике проблемы», он *мог* иметь в виду Повелительницу Времени. И Вивьен сделала вывод, что ученые в Городе Времени следят за остальной историей и стараются подтолкнуть ее на те пути, которые нужны Городу Времени.

«По-моему, это сущее нахальство!» — подумала она.

Наконец, девушки подали воды и вина в соответствующих стаканах, сделанных из тысяч похожих на драгоценные камни кусочков стекла. После чего они ушли, и все начали есть. Ощущение опасности вернулось к Вивьен. Она знала, что совершит ужасные ошибки, и все поймут, что она не кузина Вивьен. Она внимательно наблюдала за Джонатаном и Дженни и делала то же, что и они. И это оказалось довольно просто. Главное отличие в этикете Города Времени состояло в том, что большинство еды позволялось брать пальцами и окунать ее в маленькие чаши с вкуснейшим соусом. Любые капли на белой поверхности стола исчезали как по волшебству. Вивьен испытала такое облегчение, обнаружив, что в состоянии справиться, что почти не нервничала, когда мистер Энкиан и доктор Виландер начали задавать ей вопросы.

— Как ты себя чувствуешь, вернувшись в цивилизацию? — спросил мистер Энкиан. — Должно быть, это большая перемена после труппы века двадцать.

— Мы живем не в труппах! — возмутилась Вивьен. — Мы живем в Льюисхэме! Это уважаемый район. У многих людей там есть машины.

— Ты видела труппы? — проворчал доктор Виландер, подняв взгляд от своих блюд.

Девушки подали ему вдове больше, чем остальным, не дожидаясь просьб. Возможно,

ему это необходимо, учитывая его размеры.

— Нет, — ответила Вивьен. — Мама не позволяла мне ходить в Пекхэм Рай. Это очень беспокойный район — полицейские патрулируют там парами.

— Но твои родители туда, конечно, ходят, — утвердительно произнес мистер Энкиан.

— Нет. Никто не ходит в трущобы по своей воле. Но мама иногда проезжает через них на автобусе по дороге в Вест Энд.

— А твой отец? — прогрохотал доктор Виландер.

— Не знаю, — грустно ответила Вивьен. — Я сто лет его не видела. Как только возникла угроза войны, Министерство перевело его в тайное Государственное Ведомство — настолько тайное, что он теперь редко бывает дома даже по выходным. Мама говорит, по крайней мере, благодаря этому его не призовут в армию, где его могут убить.

— Умный ход со стороны Ли, — заметил мистер Энкиан. — Работа Наблюдателя не в том, чтобы позволять себя убить.

Вечный Уокер наклонился вперед с выражением озадаченной агонии.

— Я думал, твои родители поселились в квартале под названием Айлингтон.

Его слова встряхнули Вивьен. Ее сознание проделывало с ней странные шутки. Оно позволило ей произнести одну ложь — о том, что она Вивьен Ли, — но в остальном решило лгать, говоря абсолютную правду. Ей пришлось быстро соображать.

— Да, но мы переехали. Маме не нравилась моя школа там.

Это составило вторую ложь. Вивьен от всей души надеялась, что никто не спросит ее об Айлингтоне, поскольку она не была там ни разу в жизни.

— Расскажи о школе, — попросила Дженни.

Вивьен испустила вздох облегчения и начала говорить. Она говорила о школе, одежде, автобусах, и о метро, и о том, как укрываться в нем от бомб, если у вас нет собственного укрытия. Она описала бомбоубежище, которое возвышалось холмом в центре ее лужайки на заднем дворе. Одновременно она окунала в соус маленькие сухие клецки и длинные хрустящие листья и ела их так, словно делала это всю жизнь. Она пригубила вина — которое показалось ей испорченным — и продолжила говорить о фильмах, в которых была настоящим экспертом. Микки Маус, Белоснежка, Ширли Темпл и Бинг Кросби заняли время до того момента, когда девушки принесли новые блюда, и Вивьен, почти не замечая, начала есть их содержимое. Потом она перешла к джазу. Но ворчливый вопрос доктора Виландера вернул ее к войне. Она рассказала им о талонах и о темных занавесках для светомаскировки, которые помогала делать маме, и о ловушках для танков на дорогах, и о публичном противоздушном размещении. Она описала большие серебряные аэростаты заграждения над Лондоном. Она сказала им, что мистер Чемберлен такой добрый, что не добрый, и изобразила сирену воздушной атаки. Так весело было являться центром внимания, что Вивьен даже предложила спеть «Мы развесим свое белье на веревке Зигфрида»^[6]. Но вместо этого они спросили о газовых атаках.

Вивьен объяснила, что это настоящая угроза. Потом она продолжила о том, как правительство выслало всех детей из Лондона. Она начала описывать жаркий, шумный поезд и чуть не сказала, что ее саму отправили к кухне Марти, но вовремя остановилась.

— У всех были бирки, — сказала она. — И багаж.

— Это немного озадачивает, милая, — Дженни посмотрела на доктора Виландера. — Когда происходили эвакуации во Вторую Мировую войну? Век двадцать не мой конек.

— Всегда несколько месяцев спустя после объявления войны, — проворчал доктор

Виландер. — Оно, конечно, немного варьируется, поскольку это Нестабильная эпоха, но обычно война объявляется где-то в середине 1939 года, — его умные маленькие глаза повернулись к Вивьен. — Когда была объявлена *эта* война?

Вивьен почувствовала себя очень неудобно — будто кто-то заметил нечто неправильное в том, что она говорила, — но правдиво ответила:

— В прошлое Рождество в 1938 году, конечно.

К ее изумлению, ее слова вызвали полнейшее оцепенение. Все уставились на нее и друг на друга. Джонатан, который до сих пор не произнес ни слова и даже не смотрел на нее, теперь воззрился на нее с явным ужасом. Дженни тоже выглядела испуганной.

— Оно откатывается назад! — воскликнула она. — Ранджит, это становится критическим! Я считаю, все Наблюдатели должны быть отозваны немедленно!

— Похоже, наша информация полностью устарела, — с отвращением произнес мистер Энкиан. — О чем думает Патруль Времени?

— Я выясню, — Вечный Уокер нажал кнопку на своем поясе.

Закидывая в рот хрустящие блины по две штуки за раз, доктор Виландер произнес:

— На самом деле, не удивительно. Три дня назад произошел сильный всплеск хрононов в сентябре 1939 года, а мы знаем, что это производит хаос. Удивительно только то, что начало войны откатилось назад так быстро. Но... — его большая челюсть сделала жевательное движение, а маленькие глаза снова обратились к Вивьен. — Это ваше правительство довольно неэффективно, ты согласна? Начать вывозить детей только *сейчас*.

— До сих пор военных действий не было, — примирительно произнесла Вивьен.

— Это не извинение, — проворчал доктор Виландер.

В комнату скользнул бледный Элио. Вечный Уокер что-то прошептал ему и отослал обратно.

— Такими темпами, — произнес мистер Энкиан, — этот век расщепит атом в двадцатые годы — со всеми вытекающими.

— В какой-то момент они должны совершить это, идиот, — прорычал доктор Виландер. — От этого зависит жизнь в следующей Фиксированной эпохе.

— Но не во время войны, — огрызнулся мистер Энкиан, — с безостановочно катящейся на них волной хаоса. Тогда не *будет* следующей Фиксированной эпохи. Единственным оставшимся куском земли станет Город Времени, а он быстро распадается!

— Чушь! — прорычал доктор Виландер.

— Господа, — громко и скучно произнес Вечный Уокер. — Мы все согласны, что и в Городе Времени, и в истории существует кризис. И мы все согласны, что мы предотвратим его, если сможем. Мы не станем ни жертвовать искусством семидесятых, ни лишать сотые их экспансии звезд...

Он продолжил говорить. Их снова окутала подавленность. Вошли девушки, чтобы убрать второе блюдо и подать всем маленькие пенистые горы десерта. Вивьен как раз вонзила ложку в свой — он источал столь же вкусный запах, как сливочное пирожное, — когда дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел упитанный мужчина с песочными волосами. Вивьен подпрыгнула и уронила ложку.

— Что за новости о движении назад? — спросил он.

Он был похож на Сэма. На самом деле, он был так похож на Сэма, что Вивьен, пока наклонялась под стол, чтобы подобрать ложку, не могла не посмотреть на его ноги, проверяя, не развязаны ли у него шнурки. Но он носил гладкие блестящие сапоги.

Все заговорили разом. Когда Вивьен снова села, она обнаружила, что мужчина с песочными волосами стоит над ней с таким видом, словно собирается ее арестовать.

— Вивьен, ты ведь помнишь Абдула Донегала — отца Сэма? — сказала Дженни. — Он сейчас глава Патруля Времени. Расскажи ему то, что рассказала нам.

«Всё?» — в ужасе подумала Вивьен.

— Вы имеете в виду: об объявлении войны на прошлое Рождество?

Мистер Донегал потянул себя за губу и уставился на нее, будто в чем-то подозревал.

— Хочешь сказать, век двадцать стал критическим? Когда ты его покинула?

— Прошлой н... вчера около четырех часов, кажется.

Отец Сэма снова потянул себя за губу и нахмурился.

— А моя следующая партия отчетов Наблюдателей ожидается не раньше, чем завтра. Счастье, что ты появилась. Значит, начало этой войны отодвинулось на десять месяцев назад за два дня. Плохо. Я немедленно объявлю янтарную тревогу, и мы сделаем всё возможное, чтобы не дать ей соскользнуть дальше.

Он подарил Вивьен двузубую улыбку — совсем как у Сэма — и похлопал ее по плечу.

— Заходи к нам в гости, — пригласил он и собрался уходить.

— Э... Абдул, — произнес Вечный Уокер.

— Послушайте, Донегал! — окликнул мистер Энкиан — его заостренное желтое лицо стало красным и сердитым. — Как же вы не заметили такого движения назад? Если бы не это дитя, никто из нас не узнал бы. Вам не кажется, что это небрежность?

Мистер Донегал развернулся и уставился на него.

— Небрежность? Послушайте, Энкиан, я разбираюсь с критической ситуацией в одном из самых нестабильных веков в истории. Я пришел прямо от потока отчетов из восьмидесятых об угрозе Третьей Мировой войны на два века раньше. У меня Патрульные по всей эпохе. Что еще я могу? С последнего отчета Ли прошла неделя. Возможно, отправке домой юной Вивьен — лучшее, что они могли сделать. Но сейчас я пошлю человека проверить, если вы позволите мне вернуться к моей работе.

— Всё равно... — начал мистер Энкиан.

— Абдул, не хочешь присесть и попробовать десерт? — быстро перебила Дженни.

Глаза мистера Донегала обратились на пенистые горы с таким же выражением, с каким Сэм смотрел на сливочные пирожные. Затем он бросил на мистера Энкиана самый неприязненный взгляд и потер нависавший над поясом живот.

— Лучше не стоит, Дженни. Я снова прибавил в весе. Кроме того, мне надо вернуться и связаться с Ли, не говоря уже о попытках поймать ту маленькую леди.

И прежде чем кто-нибудь успел сказать что-то еще, он вышел из комнаты с тем же грохотом и стремительностью, с какими зашел.

— Думаете, у него есть шанс поймать ее? — спросил мистер Энкиан.

Доктор Виландер заворчал в свой десерт.

— Смени тему, — прорычал он. — Дети любят слушать.

Мистер Энкиан посмотрел на Вивьен и Джонатана, а потом — на Дженни.

— Дорогие, если вы закончили десерт, можете бежать, — сказала Дженни. — Уже поздно, и Джонатан выглядит уставшим.

Вивьен поняла, что от них избавляются, чтобы взрослые могли поговорить о Повелительнице Времени. Вечный Уокер ясно дал это понять, когда, откинувшись в кресле и не отрывая от них агонизирующего взгляда, пока они шли к дверям, произнес:

— Ничто из того, что мы говорили, не должно выйти за пределы этой комнаты. Я полагаюсь на вашу честь.

— Да, отец, — подавленно пробормотал Джонатан.

Неудивительно, что Дженни назвала его уставшим, подумала Вивьен, когда они пересекали вестибюль. Джонатан был бледен и шел с опущенной головой.

— В чем дело? — спросила она.

Но Джонатан отказывался говорить, пока они не добрались до его комнаты. Там он плюхнулся на стул-раму так резко, что его коса подпрыгнула, и, похоже, был готов устроить сцену.

— *Будь прокляты* эти два призрака времени! — практически завопил он. — Они заставили меня *поверить*, что ты — Повелительница Времени! Но ты не она, да? Я понимал что ты настоящая уроженка века двадцать, с каждым произнесенным тобой словом. *Микки Маус!* И я застрял с тобой, в то время как она всё еще где-то там, создает беспорядок в истории!

— А я тебе говорила, — заметила Вивьен.

В душе поднялось громадное облегчение. Как только Джонатан упомянул призраков времени, она поняла, как попасть домой.

— *Ненавижу* чувствовать себя таким дураком! — прорычал Джонатан, уткнувшись лицом в кулаки; коса свесилась вдоль его руки.

Вивьен глубоко счастливо вдохнула.

— Спорим, я знаю, как ты можешь найти настоящую Повелительницу Времени?

Глава 5. Временной шлюз

— Нет, не знаешь, — решительно отрезал Джонатан. — Мой отец и мистер Энкиан, и отец Сэма отправлялись на тот вокзал в 1939 году, и она ускользнула от них. И от меня тоже, коли на то пошло.

— Да, но я знаю, как она это сделала.

— Докажи.

— Хорошо, — за неимением лучшего Вивьен села на стол-раму — пустота немного скрипнула, но выдержала ее. — Она была в том поезде, так? Поэтому вы все отправились туда.

— Не знаю. В Хронологе мне удалось подслушать только место и время. Всё остальное я заключил по нашим призракам. И я ошибся, — горько произнес Джонатан.

— Просто послушай. Из того поезда все шли прямо к выходу, чтобы их распределили по домам. И в том поезде ехали одни дети — я знаю это наверняка. Так что она должна быть довольно маленькой — достаточно маленькой, чтобы сойти за эвакуированную, так?

Джонатан кивнул. Он отнял кулаки от лица, пытаясь выглядеть не слишком исполненным надежды.

— Хорошо. Она доверчиво вкладывает ладонь в руку жены фермера и уходит. Как мы найдем нужную жену фермера?

— Легко. Мы отправимся к кухне Марти. Она живет там. Это маленькое поселение, и она наверняка всех знает. Она может сказать нам, кто каких детей взял, и нам останется, словно детективам, обойти дома и найти ее.

Джонатан почти вскочил на ноги. Но сразу плюхнулся обратно.

— Бесполезно. К настоящему моменту она уже передвигается по времени. Разве ты не слышала, что сказал отец Сэма по поводу войны в восьмидесятых годах? Значит, она успела добраться туда.

Вивьен понимала, что это могло быть правдой. Но если она позволит Джонатану так думать, она никогда не попадет домой.

— Нет, если мы вернемся на вокзал в точный момент, — убедительно произнесла она. — Мы можем поймать ее до того, как она отправится.

Джонатан вскочил на ноги по-настоящему.

— Это может сработать! — и снова плюхнулся на стул. — Бесполезно. Мы не можем подобраться к личному временному шлюзу, после того как Сэма обнаружили с ключами.

— А нельзя воспользоваться обычным временным шлюзом? Скажем, мы отправимся в... в сотый век и тихонько поменяем шлюз? — спросила Вивьен.

— Никаких шансов! Все общедоступные шлюзы контролируются. Никого нашего возраста и близко не подпустят к Нестабильным эпохам.

Значит, Вивьен придется воспользоваться идеей, на которую ее натолкнули призраки времени. Хотя она вела к этому весь разговор, теперь, когда настало время облечь идею в слова, она стала казаться весьма сомнительной.

— Но как же наши призраки времени? — спросила Вивьен. — Мы шли откуда-то. И мы выглядели... то есть мы были так взволнованны, словно только что обнаружили тайный временной шлюз, разве нет?

— Точно! — вскричал Джонатан.

Он вскочил, вылетел из комнаты и понесся вниз через дворец. Вивьен помчалась за ним, чтобы подогреть его энтузиазм. Маленькие призрачные голубые цветы, вращающиеся вокруг ее белых рукавов, напоминали ей, что они с Джонатаном не в той одежде, в какой были призраки времени. Она пребывала в абсолютной уверенности, что они не найдут временной шлюз. Но не стала на это указывать, чтобы Джонатан снова не впал в депрессию.

Видимо, Джонатан ощущал какую-то неправильность. Передвигая цепь, чтобы открыть старую дверь, он с нервной улыбкой повернулся к Вивьен.

— Слишком просто. Мы не сможем ничего найти.

Дверь со скрипом отворилась. Джонатан надежно закрыл ее за ними и включил свет — а Вивьен и не подозревала, что он здесь есть. Каменные стены и пол простирались перед ними — чистые и пустые.

— Иди туда, — велел Джонатан. — Я скажу тебе остановиться, когда ты дойдешь до места, где появляются призраки.

Вивьен медленно пошла по направлению к двери в Хронолог на другом конце коридора. За несколько ярдов до нее Джонатан крикнул:

— Стой! Ты что-нибудь видишь?

Вивьен посмотрела на каменный пол, на сводчатый каменный потолок и голые каменные стены. Всё это было гладким, за исключением места на стене слева, где старую арку заложили более мелкими, чем остальные, камнями.

— Здесь... — начала Вивьен, указывая.

Но ее голос покрыл топот несущихся ног, и Джонатан подбежал раньше, чем она смогла произнести следующее слово.

— Посмотрим! Посмотрим! — воскликнул он, дрожащий и взбудораженный.

Он положил обе ладони на более мелкие камни заложённой арки и толкнул. Он пихал и так и эдак. Ничего не происходило.

— Я знаю, оно должно открываться! — воскликнул Джонатан и пнул камни так же, как пинал орган в своей комнате. — Уй! — он запрыгал на одной ноге, схватившись руками за другую. — Я забыл, что на мне санд...

Каменная стена повернулась по оси в центре арки, оставив узкие черные проходы с обеих сторон. Оттуда донесся сухой пыльный запах. Джонатан выпустил ногу и вытаращился — такой бледный от волнения, что казалось, будто всё его лицо мерцает от зрительной функции.

— Мы нашли! — прошептал он.

— Как мы узнаем, что это временной шлюз? — спросила Вивьен.

План сработал так легко, что это пугало ее. И ее страшно нервировали распахнутые черные щели.

— Пойдем и посмотрим, — Джонатан нажал кнопку на своем поясе, и внезапно оказался в ореоле света, будто стал еще одним призраком. — Продлится только пять минут, — сообщил он так же нервно, как Вивьен себя чувствовала. — Надо действовать быстро.

Он начал пробираться в ближайший проход. Благодаря свету от его пояса стало видно, что задняя сторона повернувшейся стены сделана из чего-то старого и серого, и явно не камня. Камни лишь служили маскировкой.

Джонатан протиснулся наполовину, когда скрипнула дверь из дворца. По коридору разнесся голос Сэма:

— Что вы делаете?

«Мне следовало знать! — подумала Вивьен. — *Должна* существовать причина, по которой те призраки в другой одежде!»

— Шшш! — произнесла она. — Это тайный временной шлюз.

Сэм с шумом прокатился по коридору и добрался до арки как раз в тот момент, когда Вивьен последовала за Джонатаном.

— Как раз вовремя! — ликующе произнес он на той громкости, которая у него считалась шепотом. — Мне всегда везет!

— Разве ты не должен быть уже в постели? — безнадежно прошептала Вивьен, когда Сэм протискивался сквозь щель с другой стороны.

— Конечно, нет! Хэй! Здесь вниз идут ступеньки!

Джонатан находился на полпути за поворотом винтовой лестницы, кроме которой в каменном квадратном пространстве за аркой больше ничего не было. Вивьен и Сэм последовали за нереальным зеленоватым свечением от его пояса — по кругу и вниз, по кругу и вниз. Каменные ступени были достаточно высокими, чтобы вызвать затруднение у Сэма, а когда они спустились ниже, ступени стали еще выше. Каждая представляла собой массивную глыбу старого камня. Под конец Сэм сел и стал соскальзывать с глыбы на глыбу. Вивьен осторожно спускалась, держась за громадные клиновидные ступени над головой, и даже Джонатану пришлось идти аккуратно. Помещение чувствовалось ужасно старым. Старость безмолвно давила на них со всех сторон — холодным, нечеловеческим ощущением.

Вивьен подумала о гигантской каменной фигуре Фабера Джона, спящей под городом. «Мог ли он давным-давно построить нижние ступени? — заинтересовалась она. — А позже люди обычных размеров построили верхнюю часть?»

— Я внизу, — мягко произнес Джонатан.

Они соскользнули с последней ступени, присоединившись к нему в маленькой комнате, сделанной из тех же громадных камней. Прямо на них смотрела гладкая аспидная плита, вставленная в стену как дверь. Она слабо мерцала от бегающих по ней крошечных вспышек. Один из камней рядом с ней немного выдавался. В нем находилось углубление, в котором лежала штука, похожая на серое гусиное яйцо. Больше в комнате совсем ничего не было.

— *Это* временной шлюз? — спросила Вивьен.

— Не знаю. Никогда прежде подобного не видел, — ответил Джонатан.

— Ни управления, — произнес Сэм, — ни хронографа, ни способа установки, на активатора, ни экстренного телефона — либо он демонтирован, либо это не временной шлюз.

— Непохоже, чтобы здесь хоть когда-нибудь *было* всё это, — сказал Джонатан. — Но мерцание выглядит активным. Как думаешь, это управление? — он положил ладонь на серое гусиное яйцо в углублении и слегка подпрыгнул, когда оказалось, что оно легко вынимается. Он с сомнением взвесил штуку в руке. — Тяжелое. И тоже ощущается активным. Но оно гладкое. Здесь нигде нет кнопок управления или выемок для пальцев. Смотрите.

Он протянул яйцо, и они все склонились над ним в зеленом свете его пояса. Оно могло быть настоящим яйцом — на нем не было швов. Сэм начал дышать еще громче, чем обычно.

— Странно! Куда вы пытались попасть?

— На вокзал, где Джонатан похитил меня, — ответила Вивьен.

В то же мгновение мерцание аспидной плиты вспыхнуло желтым дневным светом — цветом жаркого дня после полудня. Они моргнули и вдохнули запахи соломы, коровьего

навоза и угольного дыма. Когда зрение восстановилось, они увидели платформу железнодорожной станции. Противоположный ее конец заполняли дети — масса тощих ног и шей и старых чемоданов, вперемешку с квадратными коричневыми футлярами газовых масок, и со школьными шляпами и кепками, подпрыгивающими сверху. Ближе всего к ним, рядом с поездом с раскрытыми дверями раскрасневшаяся от жары, впавшая в отчаяние девочка как раз поворачивалась посмотреть на долговязого мальчика в очках.

Картина не вызвала у Вивьен ни малейшего приступа страха, как это было с призраками времени, но и приятной не была. Она и представления не имела, что ее нос в профиль такой формы. А теплый пиджак заставлял ее зад выпячиваться.

— Мы ужасно выглядим! — заметила Вивьен, переведя взгляд на переодетого Джонатана. — Я знаю, что с тобой было не так — в тот момент я не могла понять! У тебя нет газовой маски. Незаконно ходить без нее. Я знала: что-то тут странно.

— Мы не можем искать сейчас, — произнес Джонатан. — Мы будем выглядеть еще более странно.

— Папа нас обнаружит, — прошептал Сэм, указывая.

Вивьен поискала среди толпы взрослых, ждущих на выходе со станции. Первым она узнала Вечного Уокера, выглядевшего решительно эксцентрично в брюках для гольфа и твидовой кепке. Рядом с ним стоял мистер Энкиан в плаще и фетровой шляпе, выглядевший еще чуднее. Отец Сэма был одним из тех, кто носил нарукавные повязки. Он эффективно делил эвакуированных на группы по два и по четыре и каким-то образом выглядел гораздо более убедительно.

— Не могу понять, как она ускользнула, когда твой отец занимается этим, — сказал Джонатан Сэму.

Вивьен, если честно, тоже было интересно.

— Но она сбежала... — начала она.

В этот момент переодетый долговязый Джонатан подхватил чемодан Вивьен с платформы. Более ранняя версия Вивьен бросилась за ним, и оба начали поворачиваться лицом к маленькой каменной комнате. Сэм, Джонатан и Вивьен в едином порыве отступили назад к лестнице, чтобы их не увидели. Это было глупое инстинктивное движение, но оно чудесным образом сработало. Как только они подвинулись, вокзал исчез, оставив их в зеленом свете от пояса Джонатана. Аспидная плита снова надежно стояла на месте, по-прежнему слабо мерцая.

— Как это произошло? — спросил Сэм.

— Понятия не имею, — Джонатан перекатил гладкое серое яйцо из одной руки в другую, прежде чем положить его обратно в углубление. — Но главное — *работает*. Пойдем возьмем нашу одежду века двадцать. И можем отправляться.

Сэм протестующе взревел — его голос заполнил маленькую комнату:

— Это *нечестно!* У меня *нет* одежды! Вы должны подождать, пока я раздобуду какую-нибудь. Я не собираюсь на этот раз оказаться оставленным позади! Это *нечестно!*

Вивьен ничего не сказала. Она надеялась, что Джонатан велит Сэму убираться. Но Джонатан — после мгновения, когда явно хотел это сделать — решил быть справедливым:

— Что ж, сумеешь стащить какую-нибудь одежду, чтобы отправиться завтра сразу после завтрака?

— Да! — Сэм начал пританцовывать, обхватив себя руками. — Юхуу! Я никогда не путешествовал во времени! Юхуу! — он начал карабкаться по лестнице. — Я сейчас же

пойду обхитрю Патрульную по костюмам. Мне не придется воровать. Она даст мне твою одежду, чтобы поиграть в маскарад.

Когда Вивьен и Джонатан взбирались за ним по ступеням, Джонатан утешающе заметил:

— Это только *чувствуется*, как долгое ожидание. Но теперь, когда мы знаем, что шлюз работает, мы можем вернуться точно в этот момент в любое время, когда захотим.

Вивьен подумала, что он пытается утешить себя столько же, сколько ее.

И тут свет от пояса Джонатана стал тускло-малиновым и погас. Сверху спереди донесся странный шум.

— Я не боюсь, — крикнул Сэм. — Просто ничего не вижу.

— Мы тоже, — крикнул Джонатан в ответ чересчур тщательно спокойным тоном.

Стало не просто темно. Густая чернота вызывала чувство, будто весь мир исчез.

— Придется двигаться на ощупь.

Они медленно пробирались, ощупывая крутые каменные глыбы. В этой темноте сложно было поверить, что они вообще поднимаются. Вивьен вдруг охватил ужас. Она была уверена, что в любую секунду с крыши прямо ей на шею упадет паук. Она ненавидела пауков. Правда, она не заметила ни одной паутины по пути вниз, но тогда она не очень-то и искала. Она закрыла глаза и втянула голову в плечи. Хотелось закричать.

— В следующий раз возьми фонарик, — произнес Сэм дрожащим голосом, по которому чувствовалось, что он тоже хочет закричать.

— Да, действительно, — сказала Вивьен. — В... в Городе Времени много пауков?

— Только в музее Науки Некогда, — ответил снизу Джонатан — теперь его голос звучал по-настоящему спокойно. — Я придумал, что делать. Думайте о чем-нибудь совершенно постороннем. Я решаю в уме уравнения временного поля.

— Я займусь произнесением по буквам римских манускриптов, — крикнул тут же снова повеселевший Сэм.

Вивьен попыталась заняться таблицей умножения на семь, но у нее с ней всегда были трудности, а кроме того школьные занятия казались бесконечно далекими от дыры в полу в Городе Времени. Ей пришлось подумать о чем-то более близком. Завтра она вернется в родной век и останется с кузиной Марти. Если не считать того, что, судя по тем призракам времени, Сэма здесь быть не должно. Там были только она и Джонатан, и они *возвращались*, а не уходили. Возможно, это значит, что Сэму не удастся раздобыть одежду, или он заболит корью, или еще что-нибудь. Но даже если Сэм не придет, это по-прежнему не объясняет, почему Вивьен вернулась, или почему она выглядела при этом такой взволнованной.

Ступени становились ниже. Должно быть, они приближаются кверху.

— Фэ, А, Бэ, Э, Эр, — доносился голос Сэма, — Дэ, Жэ, О... Я могу *видеть*!

К следующей ступени Вивьен тоже смогла видеть — громадные камни в тусклом свете, который, должно быть, проникал из коридора во дворец. Она встала и промчалась остаток пути, в то время как Джонатан наступал ей на пятки, а шнурки Сэма щелкали по камням перед ее лицом. В считанные секунды они протиснулись в щели рядом с поворачивающейся фальшивой стеной и попали на свет, который показался таким ярким, что глаза заслезились. Джонатану пришлось выключить мерцание поверх глаз, чтобы протереть их измазанным белым рукавом. После чего он аккуратно повернул фальшивую дверь, закрывая ее, так что она снова стала выглядеть как заложенная арка.

— Уф, — произнес Сэм, когда они шли по коридору. — Это было захватывающе!

«Почти что *слишком* захватывающе!» — подумала Вивьен, но ничего не сказала, поскольку теперь, когда она начала думать о загадочных призраках времени, уже не могла остановиться. «Что *могло* произойти?» — размышляла она, пока Джонатан устанавливал цепь на двери на место и говорил Сэму появиться завтра утром в девять, иначе они уйдут без него. Возможно, Сэм появится слишком поздно, подумала Вивьен, но уверенности она не испытывала. Сэм побежал прочь. Вивьен продолжала размышлять, пока наверху отполированной лестницы Джонатан не прервал ее мысли, неловко произнеся:

— В.С., мне очень жаль. Правда, жаль. Глупо было с моей стороны продолжать верить, будто ты Повелительница Времени. Теперь я знаю, что ты не она. И знаю, что втянул тебя в неприятности. Можешь вернуться домой, если хочешь, когда мы найдем настоящую Повелительницу Времени.

Вот это было неожиданно со стороны столь гордого мальчика, как Джонатан.

— Спасибо, — ответила Вивьен. — Но разве не возникнут вопросы, если кухня Вивьен просто исчезнет?

— Мы это как-нибудь уладим, — уверенно заявил Джонатан. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Вивьен ответила довольно рассеянно, поскольку теперь думала: «Если даже Джонатан считает, что я могу попасть домой, почему я вернулась — то есть *вернусь* — сюда?»

Когда она проснулась на следующее утро, это по-прежнему оставалось для нее полной загадкой. Обдумав всё снова, Вивьен решила на всякий случай надеть ту одежду, что была на ее призраке. «Так что когда я *вернусь* по какой бы то ни было причине, — подумала она, — с этим будет покончено, и сразу затем я смогу отправиться домой».

Вивьен раскрыла шкаф в стене и посмотрела на ряд костюмов, так странно висящих ни на чем. У нее не возникло даже самой смутной идеи, который из них носил ее призрак. Она помнила ромбы на костюме Джонатана, но о своем знала только то, что он был цветной, а не белый с призрачными голубыми цветами.

— Тьфу ты! — произнесла Вивьен.

Похоже, единственное, что оставалось — закрыть глаза и вытащить костюм, который первый попадет под руку. «Если он правильный, он будет правильным, как бы я его ни выбрала, — решила она. — А если нет, то нет». Ее рука наткнулась на костюм. Она открыла глаза и обнаружила, что он яркий желто-фиолетовый — с полосами, как у зебры, которые двигались туда-сюда сами по себе.

— Не думаю, что он правильный. Я бы запомнила *такое*.

Однако костюм был выбран, и она надела его, подчинившись судьбе. Как только костюм скрепился на ее спине, он стал еще более запоминающимся. На коленях, на локтях и на груди зажглись большие алые сердца.

Вивьен была так занята, с сомнением разглядывая их, что в коридоре врезалась в Петулу.

— О, ты встала! — сказала Петула. — Я как раз шла тебя будить. Элио будет *доволен*, что ты надела этот костюм. Ему очень нравятся цвета. Знаешь, у андроидов нет чувства цвета.

— Он очень яркий, — правдиво ответила Вивьен.

Петула проводила ее вниз и показала комнату, которую назвала утренней. Джонатан сидел там в люющем из перекрученного окна полыхающем свете и ел блины. Он явно мыслил в том же направлении, что и Вивьен, поскольку на нем был костюм с ромбами.

— Ждем Сэма до пяти минут, — сообщил он. — Потом уходим.

Вивьен видела, что он жалеет о своей вчерашней справедливости.

— Да, но правильный ли это костюм? — спросила Вивьен.

Джонатан скользнул по нему взглядом:

— Не помню. Но с присутствием Сэма в любом случае будет неправильно, — и с надеждой добавил: — Разве что с Сэмом что-нибудь случится.

Едва он успел это произнести, как дверь скользнула в бок и вошел Сэм, таща несущее приспособление, похожее на птичью клетку, с плывущим под ним большим белым свертком.

— Я здесь, — объявил он. — Она дала мне правильную одежду.

— Вспомнишь о дураке... — пробормотала Вивьен.

Следом за Сэмом вошла Дженни.

— Имеешь в виду меня? — засмеялась она. — Что у тебя там, Сэм?

— Одежда для маскарада, — виновато ответил Сэм.

— О. А я думала, не еду ли для пикника ты принес. Джонатан, Вивьен, поскольку сегодня последний день каникул, мы с Рамоной решили взять выходной и показать Вивьен окрестности. Мы проверили погоду — будет чудесный теплый день, так что мы подумали: можно отправиться на пикник к реке.

Счастье, что Дженни стояла спиной к Сэму. Он побагровел от ужаса. Вивьен пришлось нацепить широкую улыбку, чтобы не выглядеть так кошмарно, как Сэм. Лицо Джонатана застыло, однако он ровно ответил:

— Отличная мысль! Когда хочешь начать?

— Около одиннадцати пойдет? Сначала мне надо закончить здесь дела.

Сэм задержал дыхание, чтобы не вздохнуть с облегчением.

— Значит, встретимся в вестибюле в одиннадцать, — пообещал Джонатан. Как только Дженни ушла, он вскочил на ноги. — Возьми блин с собой, В.С., и съешь по пути — нам надо отправляться.

Вивьен взяла блин, но села, чтобы съесть его. «Мать Джонатана очень добра, — подумала она. — Конечно, это потому что она думает, будто я ее племянница. Но если я не появлюсь на пикнике, она зря потратит выходной и будет беспокоиться, куда я пропала. И тогда всё всплывет наружу, и Джонатан с Сэмом попадут в действительно серьезные неприятности. Ох! Должно быть, поэтому мой призрак и вернулся!»

— Пошли, — сказал Сэм.

— Слушайте, — произнесла Вивьен. — Мы же можем попасть точно в нужный момент на вокзал, так?

— Да, — нетерпеливо ответил Джонатан. — Всё равно...

— А можем ли мы вернуться сюда точно в нужный момент? Как мы вообще вернемся?

Джонатан и Сэм уставились друг на друга.

— Да, как мы вернемся? Ты никогда не думал об этом! — обвиняюще произнес Сэм.

— Я... э... Ну, мы знаем, что мы вернулись, так что всё должно пройти хорошо.

— Да, когда вы с ней уходили одни, — заметил Сэм. — Что насчет меня? Выясни. Спроси Элио. Он всё знает.

— Хорошо, — согласился Джонатан. — Но мне придется быть крайне изобретательным, спрашивая его. Если он заподозрит, чем мы занимаемся, он расскажет. Это его долг. Андроиды — они такие.

Сэм нервно потер спину.

— Будь изобретательным. Очень изобретательным. Но выясни, иначе я расскажу.

Джонатан издал нетерпеливый звук и бросился к двери. Она открылась, как раз когда он был возле нее, и он едва не врезался во входившего Элио.

— А я как раз шел тебя искать! — воскликнул Джонатан.

«Вот опять — вспомнишь дурака, и он появится!» — подумала Вивьен, взяв еще три блина и аккуратно поливая их сиропом. Она не собиралась позволять Джонатану тащить ее в двадцатый век без завтрака.

— Понимаешь, Элио, я читал одну книгу, — изобретательно начал Джонатан.

Элио в своей тихой уважительной манере прошел вперед. Он обогнул Джонатана, а потом Сэма, и приблизился к столу. Вивьен подняла взгляд от блина и обнаружила, что Элио стоит рядом с ней и улыбается во всё свое бледное лицо.

— А, мисс Вивьен, — произнес он. — Петула сказала мне, что вы надели этот костюм. Я так рад, что он вам понравился. Это мои любимые цвета.

— Очень мило, — ответила Вивьен с полным ртом. — Спасибо, что выбрали его.

— Спасибо *вам*, — Элио слегка поклонился и повернулся от Вивьен к Джонатану. — Вы упоминали книгу, мастер Джонатан?

Вивьен успела плотно позавтракать, пока Джонатан упражнялся в изобретательности. Он выдал длинное, длинное описание книги. Элио стоял, склонив голову, внимательно слушая, и не шевелился около десяти минут.

— Похоже, там довольно запутанный сюжет, — наконец, произнес он. — Как она называется?

— Я забыл, — поспешно ответил Джонатан. — Но дело в том... В общем, не важно, что происходит в конце. Я хотел спросить тебя о временн *ых* шлюзах, которые они использовали. Они выглядели слишком простыми, чтобы быть правдой. В книге говорится, что они представляли собой пропитанную энергией нефритовую плиту, и никакого управления, никаких хронометров — ничего!

— А, — произнес Элио. — Вижу, это весьма старая книга. Это самый примитивный тип временн *ых* шлюзов. Их упразднили много веков назад, поскольку агенты постоянно теряли управление.

— Управление? — переспросил Джонатан, пытаясь звучать не слишком нетерпеливо.

— Устройства в виде яйца, в которых никто не мог разобраться, поскольку считается, что их создал сам Фабер Джон. Источник энергии и хронометр, вместе с пространственными направляющими величайшей точности — всё содержится в нем. Таким образом, чтобы открыть шлюз обратно в Город Времени из истории, агенту приходилось брать устройство с собой. Там в суматохе его весьма легко уронить, потерять, или его могли украсть. Это случалось так часто, что в результате их осталось совсем мало. Понимаете, они были незаменимы. Если хотите изучить одно из немногих оставшихся, вы найдете его на выставке в музее Науки Некогда.

— Мы пойдем посмотрим сейчас же, — Джонатан многозначительно посмотрел на Вивьен, которая начала есть дыню. — Э... А как эти яйцеобразные штуки работают?

— По мысленному приказу агента. Как я говорил, они представляли собой некоторую загадку. Но я думаю, они подчинялись голосовым командам или точно направленным мыслям. Это разрешает ваше затруднение?

— Надеюсь, — произнес Джонатан. — То есть, да... Спасибо, Элио.

— Тогда я должен идти, — Элио поклонился им и направился к двери. — Пожалуйста,

постарайтесь вспомнить название книги, — добавил он, остановившись у выхода. — Я не люблю слышать о чем-то, чего не знаю.

— Постараюсь изо всех сил, — пообещал Джонатан.

Как только дверь за Элио закрылась, он повернулся к Вивьен:

— Ну же, В.С.! Хватит лопать — доставай одежду века двадцать.

«Опять торопит меня!» — подумала Вивьен, а вслух ответила:

— Как только доем фрукт. Я никогда прежде не встречала таких громадных и сочных. В любом случае, теперь ты знаешь, что тебе всего лишь надо велеть этой яйцеобразной штуке вернуть нас к одиннадцати. Неважно, *когда* мы отправимся.

— Да, но мне потребуется сливочное пирожное, если я подожду еще немного, — жалобно произнес Сэм.

Глава 6. Кузина Марти

На этот раз Джонатан хорошо подготовился. Он нашел квадратную коробку на ремешке, выглядевшую почти как футляр для газовой маски, чтобы положить в нее яйцеобразное управление. Из этой коробки он достал узкий тюбик с маслом и смазал большие старомодные петли на двери с цепью, чтобы она перестала скрипеть. Возможно, для него это лишь приключение, подумала Вивьен, когда они, неся одежду, на цыпочках продвигались по каменному коридору. Однако настроен Джонатан был вполне серьезно.

В коробке у него находился и яркий маленький фонарик. Возле заложённой арки Джонатан осветил им на камни, пока не нашел белую отметку, оставшуюся прошлым вечером от его сандалии. После чего пнул в то же место. Фальшивая дверь плавно повернулась, и они протиснулись в щели. С гораздо более ярким светом спускаться по ступеням было куда проще. Когда они добрались до каменной комнаты внизу, Джонатан положил фонарик на ступеньку, обеспечивая их освещением, пока они переодевались в одежду века двадцать.

Когда Сэм развернул свой сверток, его возбужденное дыхание заполнило комнату. Раскрыв свой, Вивьен онемела от ужаса. Петула (или кто-то еще) пропустила ее одежду через очиститель, который стирал пижамы в Городе Времени, и это совершенно не пошло ей на пользу. Пиджак стал на два размера меньше, а школьная шляпа была безнадежно испорчена. Вивьен решила бросить их здесь и надеть только юбку, оставив верх костюма-пижамы вместо блузы. Юбка казалась нужного размера, но, когда Вивьен надела ее, ощущалась странной и узкой. Стало еще хуже, когда Вивьен закатала под нее штанины пижамы и прикрепила их подвязками для чулок. А верх пижамы зловеще засиял в свете фонарика. Вивьен поняла, что никто в 1939 году не носит желто-фиолетовые полосы, к тому же постояннодвигающиеся. Пришлось сунуть руки в темно-синий вязаный кардиган, который сел почти так же сильно, как пиджак, а потом, прилагая громадные усилия, застегнуть его. Вивьен чувствовала себя ужасно.

Сэм тоже испытывал трудности. Леди из Патруля Времени дала ему серые шорты с красными подтяжками, и он запутался в них. Еще больше проблем вызвали у него тяжелые зашнуровывающиеся ботинки со стальными заклепками на подошве. Так что пока Джонатан в серой фланели, очках и с яйцом в руке нетерпеливо переминался с ноги на ногу, Вивьен изо всех сил старалась помочь Сэму: ровно расположила подтяжки; встала на колени и зашнуровала ботинки, причем, зная натуру Сэма, завязала каждый на двойной бант. Но ничто не могло заставить волосы Сэма спрятаться под полосатой школьной кепкой. Вивьен пришлось достать из кармана своего съезжившегося пиджака резинку и завязать ему волосы шишкой на макушке, как у Вечного Уокера.

— Я чувствую себя отвратительно! — пожаловался Сэм.

— И выглядишь также, — заметил Джонатан. — *Теперь* вы готовы? — он поднял серое яйцо. — Вокзал в тот момент, когда я нашел В.С.

Жаркий слепополуденный свет хлынул от аспидной плиты, но его перекрыла гигантская волна желтого дыма, который пахнул им в лицо, обдав запахом рыбы. Сэм закашлялся.

— Всё по-другому! — хрипло произнес он, когда дым немного рассеялся.

Возможно, подумала Вивьен, они прибыли на пару мгновений позже. Поезд пыхтел, медленно отъезжая от станции, оставляя проплывающие над платформой клубы желтого

дыма. Сложно было сказать, в чем разница, однако их с Джонатаном фигуры находились гораздо ближе к выходу с платформы, будто Вивьен вышла из совершенно другого вагона. За ними толпилось множество эвакуированных, но эта толпа была малочисленнее, чем Вивьен помнила. Отцу Сэма, как она смутно разглядела сквозь дым, приходилось распределять гораздо меньше детей.

— Пошли, пока нас скрывает дым! — сказал Джонатан, поспешно засовывая яйцо в коробку.

Сэм двинулся вперед, и Вивьен последовала за ним. Дым окружал их. Заклепки на ботинках Сэма звякали по платформе. Вивьен оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джонатан появляется позади них из ниоткуда. «О, нет! — подумала она. — Теперь он единственный из нас с газовой маской. Надеюсь, мы не встретим наблюдателя по воздушным налетам!»

— Куда теперь? — прошептал Джонатан.

О таких деталях Вивьен не задумывалась. Пришлось быстро соображать. Если они направятся к выходу, то наткнутся на отцов Джонатана и Сэма. Она повернула в другую сторону:

— Там должен быть выход.

Они прошли мимо нескольких маслоек. Дым рассеялся, когда поезд уехал, и они вышли на жаркий желтый солнечный свет в самом конце платформы, где она спускалась в траву рядом с путями. Там в ограде из проволоки нашлась подходящая белая калитка с табличкой: «БЗЖД^[7] — частная территория». Они воспользовались ею, какой бы частной она ни была, и попали на дорогу, где редкие группы детей с газовыми масками и чемоданами расходились в сопровождении приютивших их людей.

— Выпьешь чашечку чая, — говорил кто-то. — И можешь разместиться в комнате, которую занимал мой Уилл до того, как его призвали.

— Я взял мой мишка, — объявил один из детей. — Пьявда он мийий?

Джонатан обернулся на здание вокзала.

— Может, нам пойти поискать твою кухню Марти? Она, наверное, сейчас сильно волнуется. Или безопаснее подождать здесь, пока она не выйдет?

— Я не знаю, как она выглядит, — призналась Вивьен. — Я даже не уверена, что это женщина. Всё, что я знаю — адрес на обратной стороне моей бирки: «М. Брэдли, шоссе Гладстон, 52». Мы должны пойти к дому и подождать ее возвращения. Или его.

— Не могла сказать *раньше*? — раздраженно воскликнул Джонатан. — Я бы прихватил карту.

— Это провинциальный городок. Он не может быть большим, — успокаивающе произнесла Вивьен.

Они отправились следом за толпой эвакуированных и приютивших их по улице того типа, что всегда располагаются рядом с вокзалом.

— Ужасные дома, — сказал Сэм, звонко стуча по дороге.

— Кошмарные, — согласился Джонатан.

— Я за это не в ответе, — обиженно возразила Вивьен.

Но она чувствовала себя так, будто в ответе. Ряды зданий из красного кирпича создавали мрачный контраст с домами в Городе Времени. А к концу улицы Вивьен стало ясно, что, хотя этот город маленький по сравнению с Лондоном или Городом Времени, он всё же достаточно велик, чтобы в нем заблудиться. Они повернули на другую улицу, и еще на

одну. Толпа перед ними растекалась по разным улицам, и ни одна из них не называлась шоссе Гладстон. В конце концов, Джонатан остановил последнюю группу эвакуированных, пока они в свою очередь не исчезли, и вежливо спросил сопровождавших их взрослых, где находится шоссе Гладстон.

Он получил довольно запутанные указания, и они пошли дальше. Вскоре они оказались в центре совершенно сонного городка. В глаза бросались только древние руины над дорогой, гараж с одним ржавым бензонасосом и надпись «ЧАЙ ТАЙФУ» на доме рядом с ним. Над насосом копошился мужчина в комбинезоне. Вивьен робко перешла улицу и спросила у него дорогу.

Его указания были гораздо яснее, но это оказалось далеко. Они шли и шли — прямо на другой конец города. По-прежнему было очень жарко. Смешанная одежда Вивьен стала совсем неудобной. Шнурки Сэма развязались, несмотря на двойной бант, и он спотыкался о них. У Джонатана из-под очков стекал пот. Он всё больше раздражался и постоянно осматривался, будто ждал, что кто-то нападет на него из-за уличного фонаря или почтового ящика.

— Ты должна была как следует объяснить, что не имеешь представления, куда ехала! — сердито произнес он, пока Вивьен, стоя на коленях на дороге, зашнуровывала ботинки Сэма.

— И мы могли бы взять что-нибудь попить. Я умираю от жары, — пожаловался Сэм.

— Я тоже. У тебя хотя бы колени голые, — ответил Джонатан.

— Зато ботинки точно свинцовые ножные муфты. Можно я их сниму?

— Нет. Здесь это считается неприличным, — ответила Вивьен. — Вот. *Двойные-двойные банты*, и если они снова развяжутся, я... я съем свои чулки!

— О, давайте продолжим нашу погоню за недостижимым! — сказал Джонатан. — Я не верю, что шоссе Гладстон или кузина Марти существуют хоть где-нибудь в этом *веке!*

Вивьен задержалась на мгновение, чтобы подтянуть чулки. Без подвязок они сползали на каждом шагу. Она сама уже почти не верила в кузину Марти. Со времени тех легких, но явных различий на вокзале Вивьен чувствовала себя ужасно неудобно. История изменилась. Возможно, ничего, что она знала, больше не существовало.

Она немало удивилась, когда за следующим поворотом они вышли на шоссе Гладстон. Как будто снова оказались на дороге возле вокзала. Там стояли те же красные дома, желтые живые изгороди из бирючины и серебристая ограда. Но, поскольку это был другой конец города, позади крыш виднелись уходящие ввысь зеленые поля. На них располагался холм, заросший деревьями, и почти сразу позади него — более высокий холм, покрытый травой, с чем-то вроде башни на вершине.

Номер пятьдесят два находился на полпути. Они неуверенно замерли возле серебристых главных ворот с острыми наконечниками.

— Давайте я постучу, — прошептала Вивьен. — Если она вернулась, я попрошу у нее воды и начну разговор.

Но она колебалась. Этот город оказался настолько больше, чем она ожидала! И она уже не думала, что кузина Марти знает хоть что-нибудь о других эвакуированных. «Джонатан прав, назвав это погоней за недостижимым... И к тому же мне придется снова уйти и вернуться по какой-то причине», — подумала Вивьен. Чем дольше она стояла там, тем больше всё казалось невозможным.

— Ой, да ну тебя! — воскликнул Сэм.

Он смело открыл ворота и прошел по дорожке к парадной двери, где схватил дверной

молоток и заколотил им.

Дверь распахнулась. На пороге, скрестив руки и угрюмо глядя на Сэма, стояла худая сморщенная женщина. На лице у нее были бородавки. Волосы убраны под шляпку без полей, а всё остальное упаковано в коричневое платье.

— Чего тебе? — спросила она. — Я думала, этот вернулся, иначе не открыла бы.

— Воды! — простонал Сэм, словно умирающий в пустыне.

Джонатан оттолкнул его в сторону и ровным тоном спросил:

— Миссис Брэдли?

— *Мисс* Брэдли, — возразила женщина. — Меня зовут Марта Брэдли, мальчик мой, и я не...

— Именно так, — сказал Джонатан. — И вы должны были взять к себе Вивьен Смит...

— Не напоминай! — сердито фыркнула мисс Брэдли.

— Я только хотел узнать... — начал Джонатан, по-прежнему пытаюсь оставаться спокойным.

Но мисс Брэдли прервала его потоком сердитой речи:

— Я знаю, идет война, и я знаю, мы все должны внести свою лепту. Так что когда кузина Джоан написала мне из Лондона — впервые после стольких лет, — я *не* высказала ей всё, что могла бы, хотя знаю, что она вспоминает обо мне, только когда ей что-нибудь нужно. Я сказала, что возьму ребенка. Заметьте, в обычных обстоятельствах ничто не заставило бы меня привести в дом дрянного маленького кокни...

— Дрянного маленького кокни! — воскликнула Вивьен, глядя на женщину с возмущением, смешанным с немалым ужасом.

Она точно не может быть кузиной Марти! Но ведь маму зовут Джоан, и, похоже, это все-таки она.

— Именно так я сказала, — согласилась мисс Брэдли. — У них у всех вши. А, может, что и похуже. К этому я была готова. Но я чуть не упала, когда обнаружила, что это мальчик. Потом он нахамил мне в лицо...

— Извините, — перебил Джонатан. — Вы сказали: мальчик?

— Да, — мисс Брэдли сложила руки с еще более мрачным видом. — В моем доме не будет мальчиков. У вас могут быть хорошие манеры, но вы не переступите коврик у двери — ни один мальчик. Кузина Джоан сыграла со мной грязную шутку своим милым письмом: кузина Марти то, кузина Марти сё. Она ни разу не упомянула, что Вивьен — имя мальчика. Я напишу ей и выскажу всё, что думаю по этому поводу!

Значит, она *все-таки* кузина Марти! И, похоже, произошла еще одна путаница — хуже самых диких страхов Вивьен в поезде. Она пихнула Джонатана локтем, давая понять, что им пора уходить. Нет никакого смысла разуживать дальше. Но Джонатан остался стоять, где стоял.

— Ваша история необыкновенно захватила меня, — сказал он. — Значит, вы только что забрали на вокзале мальчика по имени Вивьен Смит?

— Что еще мне оставалось? — спросила кузина Марти. — Он подошел к миссис Аптон, а потом к леди Стёрдж и спрашивал их, не встречаются ли они кого-то по фамилии Смит. Потом он подошел ко мне и помахал мне своей биркой! Я стояла прямо рядом с ними. Не могла же я отречься от собственной плоти и крови перед леди Стёрдж, правильно? Так что я взяла ответственность за него и привела сюда. И едва мы прошли парадные ворота, как он нахамил мне и ушел. Если ты ищешь его, мальчик мой, его здесь нет!

— А вы знаете, куда он пошел? — спросил Джонатан.

— На Тор — не знаю уж зачем. Я сказала: «И куда же ты отправляешься?» А он ответил: «Я иду на Тор. И поскольку вы ясно дали понять, что я здесь нежеланен, я, вероятно, не вернусь». Нахал! Потом он добавил: «Найду кого-нибудь другого, больше похожего на человека», — сказал и ушел. Лучше бы я никогда с ним не связывалась!

— А, — произнес Джонатан. — Тогда, возможно, вы будете так любезны направить нас к Тору?

— Так значит, ты его друг? — это обстоятельство явно очернило всех троих в глазах кухни Марти. — Все знают Тор! — но, видимо, чтобы они точно ушли, она шагнула вперед со своей позиции в дверях и указала вверх крыш домов. — Вон Тор. Зеленый холм за домами — с башней наверху.

— *Спасибо*, мисс Брэдли, — еле слышно произнес Джонатан.

Он был сильно взбудоражен. Развернувшись, он потащил Вивьен с Сэмом обратно по дорожке к воротам так быстро, что скользящие ботинки Сэма высекали искры из гравия.

— Шевелитесь, *шевелитесь!* — прошептал он.

— Если найдешь его, передай от меня, чтобы он сюда не возвращался! — крикнула кухня Марти им вслед. — Он может отправляться к мэру и устроиться у кого-нибудь другого.

Она подождала, пока они вышли на дорогу и ворота закрылись. После чего зашла в дом, захлопнув за собой дверь.

Джонатан быстро зашагал к зеленым холмам. Сэм с несчастным видом семенил позади.

— Она так и не дала мне воды, — пожаловался он. — Не люблю этого в истории.

— Не умрешь, — ответил Джонатан, продолжая шагать, и добавил для Вивьен: — Если хочешь знать мое мнение, тебе повезло избавиться от нее. Я тогда оказал тебе услугу. Она, должно быть, одна из самых кошмарных женщин в истории!

Вивьен согласилась с ним.

— Дрянной маленький кокни! — пробормотала она себе под нос.

От одной мысли о том, чтобы остаться с кухней Марти, ее пробирала дрожь. Лучше она через временной шлюз отправится обратно в Льюисхэм. Мама поймет, когда узнает, что из себя представляет кухня Марти.

— Зачем мы идем за тем мальчиком? — спросила она.

— Разве ты не понимаешь? — взволнованно ответил Джонатан. — *Вот* как она ускользнула ото всех! Она знала, что будут искать девочку, так что она переоделась мальчиком и спрашивала людей, не встречаются ли они кого-то по фамилии Смит. Десять к одному — кто-нибудь ответит: «Да», — учитывая распространенность этой фамилии, и так она сможет уйти прямо под носом у отца Сэма. Очень умно! И благодаря тебе у нас появился шанс поймать ее, о котором Хронолог и не мечтал!

— Но что, если это лишь обычный мальчик, которому случилось зваться Вивьен? — возразила Вивьен.

— Надо проверить. Ты должна понимать, — уверенно заявил Джонатан.

У него явно не возникало ни малейших сомнений, что они наконец напали на след Повелительницы Времени. Его уверенность словно освещала им путь к Тору. В конце следующей улицы, за которой дорога заканчивалась, он без колебаний пошел дальше по поросшей травой тропинке. Она привела их к подножию ближайшего холма с деревьями, где они оказались между живыми изгородями, увешенными ягодами боярышника и спелой с

виду ежевикой.

Даже Сэм воспрянул здесь духом. Он съел всю ежевику, до которой смог дотянуться.

— Эта часть истории уже лучше, — объявил он.

В конце тропинки они по приступку перебрались в поле. Теперь Тор находился прямо перед ними. Он представлял собой до странности правильный круглый холм, довольно высокий и крутой, и покрытый травой. Башня на вершине походила на церковную, но никакой церкви поблизости не наблюдалось.

— Выглядит как Холм Бесконечности, — заметил Сэм.

— С Гномоном наверху, — согласился Джонатан. — Действительно. Как чудно! Однако никаких ступеней, ведущих наверх — только тропинка.

Они перебрались через еще один приступок и пошли по круто поднимавшемуся к холму второму полю. На нем паслись коровы. Сэм бросал на них косые взгляды и старался идти позади Вивьен.

— Эта часть истории не так уж хороша, — сказал он.

Вивьен никогда прежде не приближалась к коровам и была почти так же испугана, как Сэм. Они оказались неожиданно большими. Они пялились и жевали, как бандиты в фильмах. Вивьен старалась идти с другой стороны от Джонатана. Но Джонатан тоже бросил взгляд на коров и пошел вдвое быстрее.

— Мы должны успеть вовремя, чтобы поймать ее, — сказал он.

Они пошли так быстро, как могли. Возможно, из-за коров. А возможно, по какой-то другой причине. У них нарастало ощущение, что они должны попасть на вершину Тора как можно быстрее. Башня теперь скрылась из поля зрения. Они видели лишь отвесный, покрытый травой склон с извивающейся по нему грязной тропой. Но желание добраться до башни становилось всё более настойчивым. Джонатан преодолел первую часть тропы бегом, коробка при этом болталась по его спине. Затем, чтобы сэкономить время, он стал карабкаться по склону напрямую — скользя и задыхаясь, подтягиваясь на руках. Вивьен с Сэмом карабкались, задыхались и скользили следом. Один ботинок Сэма развязался от усилий. По идее, Вивьен теперь следовало съесть свои чулки, но она была слишком занята, пытаясь не поскользнуться на короткой траве или не схватить руками хитро маскировавшийся в ней вялый чертополох.

Сэм постепенно всё больше отставал, поскольку был младше и его тянули вниз ботинки. Вивьен яростно карабкалась, держась прямо под подошвами Джонатана. Только его подошвы она и видела, карабкаясь, пока он не остановился на последнем выступе. К тому времени Вивьен начало казаться, что ее грудь сейчас разорвется.

— У меня болят ноги, — сказал Джонатан. — Давайте отдохнем.

Когда они, задыхаясь, повалились на выступ, кто-то пробежал рядом с ними наверх с такой скоростью, будто это не откос, а горизонтальная поверхность. Вивьен успела увидеть длинные ноги и уловить, как промелькнула старая фетровая шляпа, когда человек промчался мимо. Пробегая, он что-то крикнул. После чего продолжил бежать и исчез за выступом холма.

— Что он сказал? — спросил Джонатан.

— Что-то вроде «быстрее», — ответила Вивьен. — Пошли!

Почему-то ни у кого из них не возникло сомнений, что это срочно. Спотыкаясь, они побежали наверх за выступ — к неожиданно просторному голубому небу над вершиной холма. Место оказалось довольно маленьким и плоским. Башня стояла всего в нескольких

ярдах и в самом деле являлась церковной башней без церкви. В ее основании напротив друг друга располагались две церковные арки. Одно мгновение Вивьен видела через них небо, пока Джонатан не загородил вид, подпрыгнув и помчавшись к башне.

— *Стой!* — закричал он — кепка слетела с его головы, и коса развевалась от бега.

Вивьен бросилась за ним. Она лишь мельком увидела что-то, происходящее в башне на полу, но знала: это то, о чем кричал человек в шляпе. Джонатан влетел через арку. Вивьен пронеслась следом. Поверх его плеча она разглядела маленькую фигуру в серой фланели, сидевшую на корточках над дырой в полу башни, а рядом — гору раскрошенного камня и разрытой земли с воткнутой в нее лопатой. Мальчик поднял взгляд, когда они приблизились. Он был светловолосым. На его тонком лице появилось свирепое выражение загнанного в угол зверя. Его тонкие руки погрузились в дыру перед ним, что-то нашли, повернули и вытащили предмет, выглядевший как ржавый железный ящик.

Джонатан потянулся к нему, попытавшись вырвать из рук мальчика. Но тот молниеносно вскочил и выбежал через противоположную арку, зажав ящик подмышкой.

Джонатан качнулся вперед. Вивьен обогнула его, успев заметить, как очки Джонатана упали в яму, а он, споткнувшись, наступил на них, и бросилась за мальчиком.

— Сэм! — закричала она. — Держи его!

Мальчик бежал вниз по другой стороне холма, его тонкие ноги мелькали под серыми шортами. Сэм, с багровым лицом и свободно хлопающими шнурками на обоих ботинках, обежал вокруг башни и запыхтел поперек холма, чтобы перерезать мальчику путь.

Сэм должен был поймать его, а Вивьен подоспеть мгновением позже, чтобы помочь. Но мальчик вдруг исчез. К тому времени как Вивьен присоединилась к Сэму, там, где за мгновение до того бежал мальчик, остался лишь голый зеленый склон. Один из шнурков Сэма обвился вокруг его щиколоток, и он упал лицом вниз, дыша так тяжело, точно пилил дрова.

— Возможно, я умираю, — выдохнул он.

— Куда он *пропал*? — озадаченно спросила Вивьен.

Она осмотрелась вокруг. Никаких следов, что мальчик здесь когда-либо был. Не осталось и никаких следов мужчины, который с криком пробежал мимо них. И теперь, задумавшись, Вивьен поняла, что это довольно-таки загадочно. Единственным человеком в поле зрения был Джонатан, медленно и неуверенно спускавшийся по холму. Он выглядел бледным и несчастным.

— Зачем я закричал? — произнес он. — Он нас не видел. Я мог бы добраться туда вовремя и спасти полярность, если бы только придержал язык!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Вивьен.

— Та штука, которую он украл, — объяснил Джонатан. — Это была одна из полярностей Фабера Джона — устройств, удерживающих Город Времени на месте. Я *знаю*, это она. Чувствую. А теперь он украл ее и отправился путешествовать по времени, создавая неразбериху в истории на следующие десять столетий. И всё это моя *вина*!

Вивьен хотела бы сказать, что это чушь. Не существовало ни малейших доказательств словам Джонатана. Но мальчик без сомнения *украл* что-то из башни. И она чувствовала, что нечто важное исчезло из Тора. Он внезапно стал гораздо более скучным местом. Внизу, у подножия холма собирался туман, и хотя вечернее солнце освещало поля красным, это был меланхоличный, гаснущий свет. Где-то вдалеке начала выть сирена воздушной атаки. Вивьен вздрогнула и схватила Сэма, чтобы поднять его на ноги.

— Давайте вернемся в Город Времени, — предложила она.

Но в тот же момент Джонатан сказал:

— Мы *должны* пойти за ним!

Управление в коробке висело на его плече, и яйцо немедленно ему повиновалось.

Внезапно снова настал день. Сэм теперь лежал лицом вниз на дороге. Воздух чувствовался другим — более тяжелым и пыльным. Но дома вдоль дороги не слишком отличались от тех, которые Вивьен знала всю свою жизнь. За исключением одного-двух новых желтых, это были дома того типа, что стоят вдоль главных дорог из Лондона, построенные примерно в то время, когда она родилась. Правда, с тех пор их с помощью яркой белой краски довели до такой нарядности, какой Вивьен у домов никогда прежде не встречала. Единственной явно принадлежащей будущему вещью являлось серебряное здание на горизонте, из которого тихо шел дым.

— Думаю, мы переместились лет на сто, — произнесла она.

Почему-то 2039 год вызывал у нее гораздо большее благоговение, чем Город Времени.

— Да, но я потерял дурацкие очки, — сказал Джонатан. — Мальчик здесь?

— Там, — Сэм махнул ботинком в попытке распутаться.

Мальчик удалялся от них, идя по дороге, по-прежнему неся ящик подмышкой. Его одежда изменилась. Теперь на нем были широкие брюки — либо слишком длинные, либо слишком короткие, в зависимости от того являлись они шортами или нет — и куртка с необъятными собранными рукавами. Пока Вивьен смотрела на него, а Джонатан пытался разглядеть его, мальчик почувствовал их присутствие. Он дернулся и посмотрел через плечо. Тонкое лицо сердито уставилось на них. А потом он снова исчез.

— Я не вижу его, — сказал Джонатан.

Сэм изо всех сил старался встать на колени.

— Снова пропал. Вероятно, у него тоже есть одна из этих яйцеобразных штуковин.

Вдруг рев, который они слышали вдалеке, не замечая по-настоящему, стал громче, налетел на них и превратился в монотонную барабанную дробь. Прежде чем Джонатан успел предложить снова последовать за мальчиком, их окружили шесть штуковин, отчасти напоминающих мотоциклы. На них с презрительным и мрачным видом сидели шесть мужчин в униформах с широкими рукавами.

— Северная Циркулярная Карательная Группа Семь, — объявил один из них. — Чем это вы занимаетесь, разгуливая в такой одежде?

Вивьен почувствовала себя неуютно, осознав, что почти все пуговицы на ее кардигане оторвались, а одна из штанин пижамы сползла из-под юбки, отцепившись от подвязки.

Другой мужчина достал доску с прикрепленным к ней бланком.

— Непристойная одежда, — сказал он, откинувшись в седле и ставя галочки в квадратах бланка. — Нарушение спокойствия. Разбрасывание мусора, — он посмотрел на кепку Сэма, упавшую на землю рядом с ним. — Антисанитария, — он перевел взгляд от ежевичных пятен вокруг рта Сэма на грязные руки Вивьен. — Нездешние, да? Значит, незаконное путешествие. И бродяжничество.

— Они заслужили хорошую порку! — сказал еще один мужчина, явно наслаждаясь этой мыслью. — Уже по двенадцать ударов каждому.

— Джонатан! — воскликнула Вивьен.

— Прогул школы — это очевидно, — продолжил мужчина с бланком. — Лежание на общественной дороге. Как думаете, они что-нибудь украли?

— Используй яйцо, идиот! — взревел Сэм и, попытавшись встать, прокатился по дороге и вцепился в щиколотку Вивьен.

— Ругательства, — мужчина поставил очередную галочку.

— Восемнадцать ударов, — еще довольнее произнес другой мужчина.

— Временной шлюз, — отчаянно взмолился Джонатан. — Город Времени! *Временной шлюз!* О, почему он не...

Яйцо наконец-то заработало — медленно и тяжело. Их будто потянуло задом наперед на далекое-далекое расстояние, а потом подвесило там. У Вивьен было время подумать, что только благодаря чистой случайности яйцо перенесло всех троих — поскольку она схватила Джонатана, чтобы восстановить равновесие, когда Сэм вцепился в ее щиколотку. Потом у Вивьен было время заинтересоваться, а сработало ли яйцо вообще. И, наконец, они оказались в непроглядной тьме. Судорожно порывшись в карманах, Джонатан нашел фонарик и включил его. Свет казался слабым и желтым после открытой улицы, но он осветил массивные камни и мерцающую аспидную плиту временного шлюза. Они вздохнули с облегчением.

— Это было страшно, — произнес Сэм, по-прежнему лежа на полу. — Что пошло не так?

— Вначале яйцо вовсе не хотело работать, — ответил Джонатан. — Возможно, оно слишком старое и изношенное. А может, мы слишком часто перемещались, — он аккуратно положил его обратно в углубление и удрученно добавил: — Теперь я не знаю, что делать.

— Сколько сейчас времени? — спросила Вивьен.

Джонатан снова пошарил и нащупал кнопку часов на своем поясе. И уставился на светящийся зеленым циферблат на руке.

— Двенадцать сорок две. Нет, этого *не может* быть! Я не знаю. Понятия не имею, в какое время мы вернулись.

— Пикник! — воскликнул Сэм.

Он сорвал ботинки с запутавшимися шнурками и начал стаскивать остальную маскировку. Остальные двое с той же поспешностью принялись снимать свою.

Вивьен так беспокоилась о том, что может подумать Дженни, что справилась первой. Мама ненавидела, когда ее заставляли ждать. Возможно, Дженни такая же. Вивьен бросилась наверх по лестнице и первой добралась до коридора. Единственное, о чем она могла думать — какая должна была подняться суматоха, если на самом деле уже почти час. Она оставила Джонатана закрывать фальшивую арку, пробежала по коридору и распахнула дверь с цепью.

Счастье, что Джонатан смазал ее. Всего в нескольких ярдах стоял Элио, поправляя экспонаты в одной из витрин. Он не заметил Вивьен. Она вошла почти бесшумно. И ей хватило присутствия духа придержать цепь, чтобы она не загремела, когда дверь раскрылась, после чего Вивьен осторожно прикрыла ее за собой. Если Вивьен останется стоять здесь, она не даст Сэму и Джонатану ворваться за ней следом. Но Элио заинтересуется, если увидит ее. А если он поймет, чем они занимались, он расскажет. Так сказал Джонатан.

Элио начал поворачиваться.

Глава 7. Река Время

Вивьен сделала три гигантских шага, поравнявшись с Элио.

— Э... Здравствуйте, — произнесла она.

Элио повернулся с поразительной скоростью.

— Здравствуйте, мисс. Вы ходите очень тихо. Я не слышал, как вы приблизились.

— Вы были заняты своим музеем. Поэтому и не слышали меня.

— Действительно.

Элио с раздосадованным выражением снова посмотрел на витрину. Табличка на ней гласила: «Горные сапоги века семьдесят три (Марс)». Вивьен подумала, что по ним сразу видно, что это сапоги.

— Как считаете, они выгодно показаны? — спросил Элио. — Мне говорили, у меня совсем нет художественного вкуса.

— Думаю, они относятся к тем вещам, которые выглядят плохо, как ни старайся. У нас есть такие шторы для ванной, — краем глаза Вивьен заметила, как дверь с цепью пошевелилась. Из-за нее появилось лицо Сэма и тут же поспешно скрылось. — Кстати, не знаете, сколько времени?

Элио сокрушенно повернулся к ней. К счастью, в этот момент дверь уже закрылась.

— Конечно, у вас же еще нет пояса. К завтрашнему дню я вам его достану, мисс, обещаю, — он нажал одну из нескольких дюжин кнопок на собственном поясе, и на его запястье появился циферблат. Он выглядел гораздо более сложным, чем у Джонатана. — Десять часов, сорок шесть минут и десять секунд.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Слава Небесам! — подумала Вивьен. — Мы все-таки успели на пикник! То есть успеем, — вдруг поняла она, — если Сэм и Джонатан смогут выбраться из коридора так, чтобы Элио их не заметил». Единственное, что она могла сделать — как-то отвлечь Элио. Она улыбнулась ему:

— Э... Я слышала, вас называют андроидом, мистер Элио. Что значит «андроид»?

— Это значит, что я искусственно созданное человеческое существо.

— Что? Созданный на заводе? — Вивьен была искренне поражена.

— Не совсем на заводе. Скорее в оборудованной по высочайшему классу лаборатории. Ученые собрали меня из человеческой протоплазмы на станке.

В голове Вивьен пронеслись все фильмы о Франкенштейне, которые она когда-либо видела. Она бросила на Элио подозрительный взгляд. Он казался обычным человеком, только тоньше и бледнее, чем большинство людей. Тем не менее, если бы у нее был выбор, она немедленно ушла бы. Однако приходилось продолжать говорить с ним. Так что Вивьен немного передвинулась по галерее по направлению к вестибюлю и спросила:

— Это больно?

— Я не был в сознании в течение большей части процедуры, — Элио шагнул вдоль галереи вместе с Вивьен, но почти сразу же повернулся назад и нахмурился на витрину. — Возможно, мне следует переместить сапоги на пол-оборота вправо.

— Тогда не будет видно красных кусочков наверху, — Вивьен сделала еще шаг по галерее.

— Вы правы, — согласился Элио, продолжая пристально смотреть на сапоги.

Это сводило с ума. Казалось, он прилип к полу перед витриной.

— *Зачем вас создали?* — в отчаянии спросила Вивьен. — Эксперимент?

— Нет, ради производительности. Я сильнее и быстрее рожденных людей. Я живу дольше и меньше нуждаюсь во сне. Мои кости не так легко сломать.

Элио повернулся к ней. Вивьен понадеялась, что теперь он, наконец, начнет двигаться. Она украдкой сделала еще несколько шагов к холлу. Элио шагнул в том же направлении.

— И, конечно же, мой мозг — лучшая моя часть, — сказал он. — Я вдвое умнее рожденного человека и у меня в пять раз лучше память. Поэтому я крайне наблюдателен. Но... — к раздражению Вивьен, он снова повернулся к витрине и нахмурился. — Это не компенсирует тонкостей человеческого вкуса. Что, если я полностью разверну сапоги?

Сэм и Джонатан в коридоре явно начали терять терпение. Вивьен мельком видела, как дверь снова поспешно закрылась, прижав косу Джонатана, которая осталась висеть над цепью.

— Но у *меня* есть вкус, — сказала Вивьен. — Сапоги выглядят очень мило. Вы едите то же, что рожденные люди, мистер Элио?

— Я живу большей частью на жидкостях. Хотя я равнодушен к фруктам.

— И... — произнесла Вивьен. — И... — она продвинулась на несколько шагов, и на этот раз Элио пошел с ней. — И... — она мучительно пыталась придумать, что еще спросить. — И вы один такой, или делали еще подобных вам?

— Таких создали около сотни, — Элио медленно шел рядом с ней. — Процедура оказалась весьма дорогостоящей, и создать больше не было возможности.

— А где все остальные?

Теперь они по-настоящему шли к холлу, однако ужасающе медленно.

— Их послали помогать в колонизации звезд. Именно для этого нас разработали. Понимаете, я родом из века сто пять, когда человечество распространяется по галактике и в основном покидает Землю. Но меня заказал Город Времени, как историческую редкость. Город Времени берет себе по одной от каждой редкости — эту политику начал еще Фабер Джон.

— Вам, должно быть, жутко одиноко, — Вивьен начала чувствовать себя неловко, притворяясь, будто интересуется Элио. — Вы не скучаете по остальным андроидам?

— Вовсе нет. Единственный раз, когда я встретил другого андроида, он привел меня в крайнее раздражение. Признаюсь, мне хотелось ударить его по лицу. Это был единственный раз, когда я испытывал столь сильные эмоции, которые вы, рожденные люди, испытываете постоянно.

— Вы *ничего* не чувствуете? — спросила Вивьен — теперь они пошли бодро и приближались к повороту, ведущему в вестибюль. — Вы никогда не чувствуете счастья?

— Нет, но я также не чувствую и грусти. Я чувствую веселье и часто удовлетворение. Беспокойная суэта поколений рожденных людей постоянно служит мне развлечением.

Они повернули за угол в вестибюль, попав на солнечный свет, озаряющий узоры на мраморе. Вивьен вздохнула с облегчением. Однако она нашла Элио гораздо более интересным, чем ожидала.

— Как долго вы в Городе Времени?

— В будущий Новый Год будет сто лет.

— Но вы не выглядите настолько старым! — воскликнула Вивьен.

— Я говорил вам... — начал Элио.

Его прервал Вечный Уокер, в длинной синей мантии промчавшийся вниз по лестнице:

— Элио! Во имя великого Хроноса! Не мог бы ты на минутку перестать возиться с этим своим музеем? У меня через пять минут совещание Тайного Хронолога, а ты еще не дал мне мои записи для него!

— Они все готовы в кабинете, сэр, — ответил Элио, — если вы будете любезны пойти со мной, — но прежде чем уйти с Вечным, он сказал Вивьен: — Я говорил вам, что был разработан долговечным, так же как и эффективным.

Это заставило отца Джонатана посмотреть на Вивьен так, точно она стала последней каплей, и поспешно увести Элио. Вивьен осталась, парадоксальным образом жалея, что не удалось поговорить с Элио подольше.

Джонатан и Сэм выбежали из-за угла — разгоряченные, уставшие, но с выражением облегчения на лицах.

— Фуух! — произнес Сэм.

— Я уж думал, мы на целый день застряли в этом коридоре! — сказал Джонатан. — Сколько времени?

— Почти одиннадцать, — ответила Вивьен. — Повезло нам, правда?

Они согласились.

— Мне нужно попить, — заявил Сэм. — Эта бородавчатая женщина так ничего мне и не дала.

Джонатан провел их в утреннюю, где на стене располагалось устройство, выдающее чашки с фруктовым соком. Сэм выпил три. Вивьен и Джонатан — по две каждый. Они допивали последние капли, когда торопливо вошла Дженни.

— Мне казалось, ты говорил, что будешь в вестибюле. Поторопитесь. Рамона ждет.

Вивьен так и не выпала возможность спросить, кто такая Рамона. Оказалось, это мать Сэма. Она была бледнее, полнее и более сонной на вид, чем ее сестра Дженни. Она держала в руках две птичьи клетки — наподобие той, что Сэм оставил спрятанной у временного шлюза — с плавающей под ними едой занятной формы. Рамона улыбнулась Вивьен:

— В последний раз, когда я тебя видела, ты была копией нашего брата Вива. Забавно, как дети меняются.

Сэм громко икнул. Это было естественным следствием трех чашек сока, выпитых без передышки, но очень удачно переключило всеобщее внимание от Вивьен к Сэму.

— Что он сотворил со своими волосами? — спросила Дженни.

Рука Сэма и взгляды всех присутствующих взметнулись к его макушке, на которой волосы по-прежнему были собраны пучком, обтянутым резинкой Вивьен.

— Хочу выглядеть как дядя Ранджит, — заявил он. — Мне идет.

— Нет, нисколько. Распусти их, — велела Рамона и, не глядя, добавила: — И завяжи ботинки.

— Матерей следует отправить в историю, — буркнул Сэм.

Его собственное пребывание в истории привело его в дурное расположение духа. Он ковылял позади, сердито бормоча себе под нос, пока они переходили Закрытие Времени, чтобы попасть на площадь Эры, шли коротким путем мимо внушительного стеклянного здания, и спускались по нескольким ступеням на авеню Четырех Веков.

— Мы решили взять лодку, — Рамона направилась через авеню к одной из арок в стене.

Сэм немедленно повеселел. Он влетел в арку и помчался вниз по головокружительно длинному лестничному пролету к причалу. Когда остальные дошли до лестницы, он уже

сидел в красной штуковине, покачивающейся на реке рядом с причалом. Здесь находился целый ряд таких же штуковин разных цветов. Вивьен предположила, что это лодки, но в ее глазах они выглядели скорее как автомобили. Это заставило ее вспомнить об одной странности Города Времени.

— У вас здесь нет автомобилей! — сказала она.

— Они нам не нужны, — рассеянно ответил Джонатан, явно думая о чем-то другом.

Они спустились и устроились на удобных мягких сиденьях на борту выбранной Сэмом лодки.

— Красный — мой любимый цвет, — сообщил он Вивьен.

— Куда, пассажиры? — заговорила лодка дребезжащим голосом, доносящимся из-под пола.

Вивьен подпрыгнула.

— Прокат на весь день. Главные шлюзы для начала, — ответила Дженни. — И трансмутируйся для нас.

Трансмутирование состояло в том, что крыша внезапно исчезла, заставив Вивьен снова подпрыгнуть. Холодный ветер трепал ее волосы, когда лодка сделала широкий полукруг, выплывая на середину реки, и с едва слышным дребезжащим звуком двинулась прочь от Города Времени. Вскоре Вивьен начала не меньше Сэма наслаждаться поездкой. День был теплым, хотя и ничего общего с жарой того дня в 1939 году, а небо — голубым. Равнины, проплывавшие мимо, зеленели свежими посевами. Здесь и там в полях стояли дома самых разнообразных видов: от крытых соломой хижин до сооружения, построенного почти целиком из мерцающего ничто. И сады, сады, сады, усыпанные розовым и белым цветением.

— Здесь весна! — воскликнула Вивьен.

— Да, мы сохраняем времена года, — сказала Дженни. — Должно быть, тебе это кажется странным. Когда ты отправлялась в век двадцать, ведь была осень?

Вивьен кивнула, думая о ежевике с тропинки у Тора, пятна от которой до сих пор остались на лице Сэма. Вдали она увидела машину, несущуюся по полям и распыляющую белое облако чего-то. Вивьен повернулась к Джонатану сказать, что в Городе Времени *таки есть* в некотором роде автомобили, однако Джонатан был занят с Сэмом. После пяти минут шумных криков о том, как он наслаждается поездкой, Сэм теперь разбирал пояс Джонатана, чтобы исправить часовую функцию, и, кажется, вовсе забыл, что он в лодке.

— Что с ним такое? — спросила Дженни.

— Неисправность консистор-соединения, — бойко ответил Джонатан.

Вивьен поразились, что ни одна из матерей не сопоставила пятна вокруг рта Сэма с тем, что пояс Джонатана показывает неправильное время, и не поняла, где они только что были. Но они не сопоставили.

— Сэм легко это починит, — с безмятежной гордостью произнесла Рамона.

Тем временем лодка неуклонно проплывала излучину за излучиной реки Время, уклоняясь от других лодок так, словно могла их видеть. Они проплывали мимо лодок — таких же, как их собственная, — маленьких барж, плотов, на которых рыбачили, и громадных прогулочных катеров, полных машущих туристов. Потом появилась еще более громадная лодка, от которой на оба берега накатывали волны — величественная баржа высотой с дом, а длиной почти с футбольное поле. Наверху стояли мужчины в странных шляпах и тоже махали.

— Там везут еду из века сорок два, — пояснила Рамона.

— Всё это! — воскликнула Вивьен. — Кто за нее платит?

— Мы все, — ответила Дженни. — Город Времени торгует в обмен. Только мы продаем знания, Вивьен. В Перпетууме, Некогда, Протяженности и подобных учреждениях хранятся записи обо всем, что человеческая раса когда-либо знала или делала. Студенты приезжают сюда учиться. И всё, что кто-либо в истории хочет знать, мы можем сообщить ему за плату. Конечно, при условии, что информация относится ко времени *до* того, из которого они происходят.

— О, порой мы нарушаем это правило, Дженни, — заметила Рамона. — Мое ведомство предоставляет прогнозы погоды, помнишь?

Дженни засмеялась:

— Да, а научный отдел Происходящего довольно часто подбрасывает подсказки, чтобы быть уверенными, что наука развивается правильным путем. Но мы должны быть осторожны, чтобы не исказить историю.

— Нельзя, чтобы она вся стала нестабильной, — согласилась Рамона.

Плавание длилось почти час. Дженни и Рамона показывали интересные фермы или говорили что-нибудь вроде:

— Отсюда открывается еще лучший вид на Город, — когда за очередной излучиной реки в поле зрения появлялись новые купола или башни.

Вивьен увидела Холм Бесконечности со всех возможных ракурсов. Он *действительно* походил на Тор. Единственным различием являлось то, что башня Гномон совсем не выглядела как церковная. Скорее как старый-старый маяк.

Примерно когда Сэм закончил с поясом Джонатана, и Джонатан застегнул его обратно, Дженни и Рамона повернулись и указали на путь, по которому плыла лодка.

— Мы почти спустились к Шлюзам. Видишь конец земли?

За следующим полем зеленая равнина просто заканчивалась. Голубое небо спускалось здесь прямо к земле.

— О-о-о! — произнесла Вивьен. — Выглядит жутковато!

— Вовсе нет, — ответил Джонатан. — Безопасно. В истории *я ненавижу* то, как земля всё время продолжается и продолжается. Если бы мне пришлось жить в истории, это свело бы меня с ума в первую же неделю.

Вивьен вспомнила, каким всё более взвинченным становился Джонатан, пока они искали дом кухни Марти. Вот, значит, почему.

— Не глупи, Джонатан, — сказала Дженни. — Никто не вышлет *тебя* в историю!

Вскоре лодка повернула за угол и уткнулась в боковой канал реки. На каждой его стороне стояли высокие каменные стены. Лодка остановилась у причала позади ряда других лодок и спросила дребезжащим голосом:

— Всё еще желаете оставить меня?

— Да, я сказала: прокат на весь день, — ответила Дженни, когда они встали, чтобы выйти. — Хотела бы я, чтобы эти штуки сделали немного более доверчивыми, — сказала она Рамоне, пока они взбирались по ступеням сбоку от причала.

— Возможно, она неисправная, — предположила Рамона.

Но когда они обернулись, крыша лодки вернулась на место и на ней по всей длине большими буквами сияло слово: «ЗАБРОНИРОВАНО».

— Она просто хотела убедиться, что мы не передумали, — сказала Рамона.

Наверху лестницы они попали на нечто вроде каменной платформы — как раз на самом

краю земли. На противоположном конце стоял длинный ряд серебристых будок, выстроенный вдоль линии неба. Их двери открывались и закрывались, когда через них проходили люди в самых разнообразных костюмах. Некоторые из них выглядели пришедшими по делу, но большинство останавливались, восторженно оглядывались и указывали на странные наряды других. Затем они подходили к киоску в центре платформы показать длинные золотые билеты, им выдавали карты и хрустящие листы с информацией, после чего они направлялись к другому краю платформы, где у ворот стоял мужчина, проверяющий билеты. Платформу оглашали возбужденные восклицания и счастливый смех. Несколько человек, идущих в противоположном направлении — большей частью в пижамах Города Времени, — добираясь до будок, были вынуждены проталкиваться сквозь неповоротливую толпу.

Рамона и Дженни направились к перилам рядом с воротами, на которые они оперлись, чтобы посмотреть вниз на громадную туристическую лодку, готовую отвезти людей в Город Времени. Яркие туристы спускались по длинному трапу и занимали места на борту. На другой стороне реки, где располагалась такая же платформа и ряд будок, ждала еще одна лодка. Между ними прямо поперек реки растянулись шесть по-настоящему крупных временных шлюзов — высоко напротив неба над платформами. Пока они наблюдали, еще одна большая баржа медленно проплыла сквозь третий шлюз в ряду, с трудом идя против сильного течения коричневых вод реки Время.

— Куда течет река? — спросила Вивьен.

— Она вытекает сквозь шлюзы в разные реки разных времен, — ответила Дженни.

Туристическая лодка посреди реки была переполнена. Она издала колокольный звон и выпустила завихрение коричневой воды на своем пути в Город. На борту играла музыка, а люди открывали бутылки. Выглядело очень празднично.

— Хочу пить! — заявил Сэм и громко повторил: — *Пить!*

А когда никто не обратил внимания, он продолжил это повторять.

— Что случится, — спросила Вивьен, — если турист встретит собственных внуков, возненавидит их и решит никогда не жениться? Это не изменит историю?

— Целое отделение Патруля Времени следит за тем, чтобы подобного не произошло, — ответила Рамона. — Тише, Сэм.

— Но довольно много людей приходят сюда специально, чтобы встретить своих потомков или предков, — добавила Дженни. — В Тысячелетии у нас есть конференц-залы, где они могут побыть вместе.

— Я считаю, — сказала Рамона, — Вив и Инга могли бы больше рассказать Вивьен с Городе Времени. Это несправедливо по отношению к ребенку!

Она думала, что ее слова заглушит шум со всех сторон и крики Сэма: «Пить!» Именно в этот момент голос Сэма затих до бормотания, и Вивьен ясно ее расслышала. Пришлось изобретать какую-нибудь причину своего невежества.

— Они боялись, что я проболтаюсь в школе. Это испортило бы историю, правильно? Это имеет большое значение?

— Да, — неловко ответила Рамона. — Если твои общие знания будут недостаточно хороши, когда дойдет дело до выпускных экзаменов в школе, тебя вышлют жить в истории, даже несмотря на то, что ты Ли.

— Никто не остается в Городе Времени по праву, Вивьен, — объяснила Дженни. — Мы все должны заслужить наше место. А со стороны студентов создается немалый конкурс.

Большинство молодых людей, учащихся в Континууме, надеются на работу в городе по окончании учебы.

Джонатан отвернулся от перил и отошел от них. Вивьен видела, что его это угнетает. Но в следующее мгновение он вернулся.

— Ну и ну! Посмотрите-ка на всё это!

Они развернулись, обнаружив, что платформа полна обезумевших людей, появляющихся из ниоткуда. Некоторые, похоже, поднимались по лестнице с причала, один или два карабкались через край платформы, но большинство возникали просто из ниоткуда. Все они неслись к ряду временных шлюзов. Некоторые исчезали в серебристых дверях или открытом серебристом пространстве, но большинство в панике бились о будки, словно пытались и не могли открыть двери. Это выглядело ужасно странно, когда двери, о которые они бились, были уже открыты. Они волнами продвигались по платформе, и позднейшие волны пробегали сквозь более ранние. Платформа вдруг превратилась в мчащуюся неразбериху бегущих фигур и машущих рук. Они были в самых разных одеждах, но значительная часть — в пижамах Города Времени.

— Призраки времени, — сказал Сэм.

— Я слышала о них, но понятия не имела, что их так много, — заметила Рамона, когда бегущая толпа стала еще плотнее.

Проверявший билеты возле ворот мужчина сказал:

— Они появляются каждый день в этом месяце. Начинается около полудня и тянется до двух часов. Мы понятия не имеем, что их вызывает.

— Они не пугают туристов? — спросила Дженни.

Мужчина пожал плечами:

— Немного. Но что мы можем сделать?

Конечно, некоторые из настоящих людей, выходявших из серебристых будок, съеживались, обнаружив толпу призраков, несущихся прямо на них. Но, когда они понимали, что могут проходить сквозь них, большинство смеялись и, похоже, приходили к выводу, что это одна из тех достопримечательностей, которые они пришли посмотреть. Из киоска зазвучал громкоговоритель, немного перекрывающийся громкоговорителем с другой платформы, где к временным шлюзам тоже неслись обезумевшие призраки времени.

— Посе-се-тителей про-про-сят не-не обра-бра-щать внима-ма-ние на-на людей-дей, бегу-гу-щих к времен-мен-ным шлю-лю-зам. Это-то фено-но-мен Горо-ро-да Време-ме-ни, извест-вест-тный как-как призра-ра-ки време-ме-ни, он-он совер-вер-шенно безо-зо-пасен-сен.

Некоторое количество туристов, пока не услышали это сообщение, выглядели так, словно почти решили немедленно вернуться домой. Только один человек вовсе не обратил внимание на призраков. Он ступил из будки и зашагал вперед так, словно платформа была пуста. Но он тоже являлся призраком времени, поняла Вивьен. Она почти научилась их отличать. На призраке была старомодная одежда, а его фигуру окружала легкая размытость. Но странность состояла в том, что ей казалось, будто она уже где-то видела именно этого призрака. Вивьен попыталась последовать за ним, когда он зашагал сквозь толпу бегущих призраков посреди удивленных, замедлившихся туристов, но он исчез, как обычно исчезают призраки времени.

— Пойдемте, — сказала Дженни. — Я терпеть не могу призраков времени.

Они все были рады уйти. Волны беззвучно бегущих фигур заставляли чувствовать себя

неуютно. От того, как призраки отчаянно билась в будки, невольно рождалась паника, несмотря на знание, что они не настоящие.

Они спустились по лестнице обратно к лодке.

— Лагуна, — велела Дженни. — Мы скажем, когда причалить.

Лагуной оказалась отделившаяся от реки излучина. Она превратилась в длинное изогнутое озеро с узкими каналами для лодок с каждого конца. Фильтр в каналах сохранял воду чистой светло-зеленой, чтобы люди могли купаться.

— Можете сначала поплавать или сначала поесть, — сказала Дженни, когда лодка приблизилась к покрытому травой берегу. — Но если будете сначала есть, придется подождать по меньшей мере час прежде чем плавать.

— Сначала есть, — ответили они хором.

Они ужасно проголодались. Время, проведенное в 1939 году, удлинило утро почти на четыре часа. Всё равно, как если бы они пропустили обед. Теперь они это компенсировали, сидя под цветущими кустами на легких ковриках, принесенных Рамоной. Они жадно поедали длинные караваи с вкуснейшей начинкой и круглые булочки с сырной серединой и хрустели яблоками. К громкому восторгу Сэма, на десерт были сливочные пирожные. Потом предстояло как-то провести час. Женщины растянулись на ковриках в тени куста, тихонько разговаривая.

— Абдул всерьез обеспокоен, — услышала Вивьен голос Рамоны. — Начало этой войны теперь откатилось назад на целый год — в сентябрь 1938-го. Кажется, они изобретают оружие, которое не должны были изобрести до конца века.

— Хотела бы я, чтобы отозвали Наблюдателей! — сказала Дженни. — Вива могут убить. Не говори мне, что до сих пор Наблюдателей не убивали! Вспомни ту бедняжку, которая занималась Завоеванием Америки.

— Вив в порядке, — ответила Рамона. — Его отчет был одним из тех, что пришли сегодня утром. Новое развитие, похоже, застало его врасплох. Боюсь, Абдул еще некоторое время продержит его там, поскольку он сразу же запросил у Вива объяснений. По крайней мере, Вивьен в безопасности.

Сэм заснул, лежа ничком в траве.

Джонатан пошел вдоль озера, кивнув Вивьен, чтобы она присоединилась. Неохотно последовав за ним, Вивьен нашла его — бледного и испуганного — сидящим на упавшем дереве.

— Мы *должны* подумать, что делать, — сказал он. — Если тот мальчик действительно украл одну из полярностей, Город Времени больше не сбалансирован. Как и история.

— Думаешь, он — переодетая Повелительница Времени? — спросила Вивьен.

— Не знаю. Не знаю, кто он или что происходит, но он переместился во времени, после того как взял тот ящик, так что он *является* угрозой Городу Времени, кем бы он ни был.

— Я считаю, мы должны кому-нибудь рассказать. Это серьезно.

— Но мы *не можем*! Подумай. Единственный способ, каким мы могли узнать о том мальчике и том ящике — это незаконное перемещение в Нестабильную эпоху. А если мы расскажем, как мы разузнали через твою кухню Бородавку, всплывет наружу, что и ты тоже здесь незаконно. Мы не можем рассказать. Мы должны предпринять что-то сами.

— В самом деле будет настолько плохо... Что с нами сделают, если узнают?

— Не знаю, что сделают с тобой. Возможно, нечто очень плохое. Но я знаю, что сделают со мной. Меня вышлют в историю, в скучнейшую Фиксированную эпоху, и мне

придется там остаться. А я не могу этого принять! — Джонатана трясло от одной только мысли об этом. — Я всегда боялся, что не получу права остаться, когда дело дойдет до выпускных экзаменов. Я работал и работал в школе, и поднимал шум по поводу того, что я Ли, чтобы доктор Виландер стал моим наставником, потому что он здесь лучший. И я прилепился к нему, хотя большую часть времени он пугает меня до смерти. Потому что я знаю: я рехнусь через неделю в месте, где земля просто продолжается и продолжается!

Вивьен поняла, что это откровенное признание настоящих чувств Джонатана. Такие вещи говорят только в самом крайнем случае.

— Но если та шгука в самом деле полярность, — сказала она, — об этом должен узнать кто-то, кто может что-то сделать. Ты не можешь намекнуть своему отцу?

— Нет. Он заинтересуется, как я узнал.

— Тогда намекни кому-нибудь еще.

Весь остаток часа они бродили вокруг озера, споря об этом. Джонатан думал о сотне разных причин, по которым намеки невозможны. Но Вивьен думала о своих маме и папе, находящихся в истории, которая, похоже, пошла наперекосяк из-за того мерзкого воришки, и упрямо спорила. В итоге она победила. Когда Дженни появилась на берегу озера, помахав вроде бы как купальным костюмом и крикнула:

— Вы идете, вы двое?

Джонатан направился к ней, сказав:

— Хорошо. Ты победила. Я намекну матери.

— Подожди секунду! — окликнула его Вивьен. — Я не умею плавать. Это имеет значение?

Джонатан остановился так, будто она в него выстрелила.

— О нет! Кузина Вивьен плавала как рыба. Она всегда обгоняла меня. И мать, и Рамона наверняка вспомнят об этом.

— Не могла я разучиться? — предположила Вивьен.

— Нельзя разучиться плавать. Это как уметь ходить или что-то в этом роде. Слушай... Давай я сейчас, пока набрался храбрости, намекну матери. А потом подумаем, что делать.

Когда они вернулись к лодке и пикнику, Джонатан небрежно посмотрел в небо и заметил:

— Мама, у меня есть идея по поводу беспорядка в веке двадцать. Предположим, кто-то украл оттуда полярность Города Времени — разве это не поставило бы ближайшую историю в критическое положение?

Дженни только рассмеялась и бросила ему на голову купальный костюм.

— Замолчи и переодевайся. Ты и твои идеи, Джонатан!

Купальный костюм был широким, поскольку покрывал всё тело и имел подогрев, чтобы поддерживать тепло, если вода холодная, и он полностью заглушил следующие слова Джонатана. Из его ответа можно было расслышать только:

— О, но...

Выбравшись наружу, он перестал пытаться.

Скрыть тот факт, что Вивьен не умела плавать, оказалось довольно просто, поскольку Дженни и Рамона занялись обучением Сэма, а Сэм, протестуя, создавал немало шума. Джонатан и Вивьен спустились подальше вдоль берега — так, чтобы между ними и воплями и плесканием Сэма оказались несколько кустов. Здесь Джонатан приложил все усилия, чтобы научить Вивьен плавать. Она храбро плескалась, когда Джонатан поддерживал ее за

подбородок, и тонула каждый раз, когда он убирал руку. Она нахлебалась озерной воды. И всё это время она прекрасно знала, что Джонатан в тайне очень рад, что Дженни лишь посмеялась над его намеком. Так что каждый раз, когда, отплеываясь, Вивьен высывалась из воды, она протирала глаза и смотрела в глаза Джонатана, которые казались странно обнаженными и раскосыми без зрительной функции.

— Ты *попытаешься* намекнуть еще раз, правда? — говорила она.

— Ох, *ладно!* — наконец, сдался Джонатан. — Если бы я знал, какая ты надоеда, я бы оставил тебя с кузиной Бородавкой. Вы двое прекрасно спелись бы!

Он сдержал слово. Когда они вернулись во дворец Аннуарий — уставшие, пропитанные солнцем и радостные, — во время ужина Джонатан честно сделал еще одну попытку намекнуть. Гостями в тот вечер были Высший Ученый, доктор Леонов из Происходящего, меньший ученый из Некогда и премьер-министр мира и ее муж из 8210 года. Джонатан дождался паузы в величавом разговоре и громко произнес:

— У меня есть теория: беспорядки в веке двадцать происходят из-за того, что кто-то украл одну из полярностей Фабера Джона. Кто-нибудь считает, что это возможно?

— Вы здесь верите в эти легенды? — спросила премьер-министр.

Дженни выглядела ужасно смущенной. Премьер-министр ожидающе повернулась к доктору Леонову, но тот не соизволил ответить. Он предоставил это меньшему Ученому, который доброжелательно произнес:

— Нет, парень. Силы, взаимодействующие с историей, чтобы удерживать Город Времени на месте, не являются чем-то, что можно украсть. А Фабер Джон — всего лишь миф, знаешь ли.

— Но, предположим, полярность довольно маленькая и закопана в землю или что-то в этом роде, — храбро заявил Джонатан. — Кто-нибудь мог *украсть* ее.

Вечный Уокер одарил его страдающим взглядом:

— Прекрати нести чушь, Джонатан. Это идиотское мнение было опровергнуто еще во времена твоего деда.

Джонатан сдался и низко опустил голову, чтобы скрыть, как он покраснел. Вивьен не могла его винить. Она знала, Джонатану понадобилось немало храбрости, чтобы вообще попытаться намекнуть. И тем вечером в своей комнате она старалась серьезно обдумать, что им теперь делать. Она чувствовала, что должна помочь Джонатану исправить положение прежде чем возвращаться домой, но ей в голову приходила лишь мысль о маме, которая сидит в Льюисхэме, вокруг падают бомбы, а окружающая история всё больше и больше искажается.

Глава 8. Продолжительность

На следующий день Петула рано разбудила Вивьен. Она принесла пояс с кнопками, как у Джонатана, но светлый, жесткий и новый.

— Элио прислал вам это, — сказала она. — Сегодня начинаются школьные занятия, так что поторопитесь. И сделайте нам всем одолжение: не надевайте этот желто-фиолетовый кошмар, который так любит Элио. Мне плохо от одной мысли о том, как на него будут пялиться в Продолжительности.

Вивьен выбрала простой синий костюм и застегнула на талии жесткий пояс. Она спускалась по лестнице, трогая кнопки, думая, какая из них какая, и не осмеливаясь испробовать. Во дворце, похоже, шла бурная деятельность. Вивьен слышала шаги, топающие вверх и вниз по другим лестницам, и зовущие голоса.

— Что происходит? — спросила она Джонатана, когда встретила его в вестибюле.

Но он ответил только:

— Намеки ничего не дают. Никто не обращает ни малейшего внимания. Я не спал полночи, пытаюсь придумать, что...

Ему пришлось отпрыгнуть в сторону. Вечный Уокер ворвался в дверь возле лестницы и пролетел мимо них по вестибюлю. На нем была узкая красная мантия и вышитый золотой плащ, но мантия была расстегнута и развевалась по обе стороны от него. Вивьен успела увидеть под ней комплект белого нижнего белья и худые волосатые ноги. Не в силах поверить своим глазам, она уставилась ему вслед, когда он умчался прочь.

— Золотые повязки! — проревел Вечный Уокер. — Где, во имя Времени, мои *золотые повязки*?

Элио в свою очередь выбежал из двери, неся красную шелковую шляпу. За ним устремилась Дженни с громадным золотым ожерельем, похожим на цепь мэра. После нее пробежала Петула, за которой следовали девушки, прислуживавшие за ужином, и пятеро других людей, которых Вивьен раньше не видела, а за ними спешили мужчины, полировавшие лестницы. Все они несли свертки одеяний, или шляп, или золотых сапогов, или разные виды золотых цепей, а Петула размахивала парой широких золотых лент. Вивьен заворуженно наблюдала, как они все промчались за Вечным Уокером и сумели выловить его в конце вестибюля.

— Нет, глупый андроид! — крикнул Вечный Уокер из середины собравшейся толпы. — Другую шляпу! И я сказал: золотые повязки, глупая женщина! Найдите их, неужели так трудно! Церемония начнется через двадцать минут!

Он вырвался из толпы и снова устремился к Джонатану и Вивьен.

«Это восхитительно!» — подумала Вивьен, когда остальные торопливо развернулись и помчались за Вечным. В конце балюстрады Вечный Уокер резко сменил курс и полетел вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

— И мне нужны сердоликовые пуговицы, — проревел он. — Неужели здесь никто не может ничего найти?

Когда все остальные устремились за ним по лестнице, из горла Вивьен начал вырваться смех.

— Вы все бесполезны! — услышала она его крик. — Золотые повязки!

Все начали бегать кругами по огороженной перилами лестничной площадке наверху,

спотыкаясь о коврики и путаясь друг у друга под ногами. Вивьен чуть не засмеялась вслух. «Это так же прекрасно, как кино!» — подумала она, поворачиваясь, чтобы узнать, что об этом думает Джонатан.

Джонатан надменно отвернулся и устало произнес:

— Такое происходит каждый раз перед церемонией. Пошли. Нам лучше позавтракать.

Смех затаился прямо за зубами Вивьен, стремясь вырваться наружу. Она проглотила его.

— И часто у вас бывают церемонии? — спросила она, пытаясь заставить голос перестать дрожать.

— Примерно каждые два дня, — сурово ответил Джонатан.

Они завтракали под шум бегающих ног, криков и пару раз металлического лязга, словно кто-то сбросил с лестницы золотую цепь. Джонатан делал вид, будто не замечает. Вивьен прекрасно понимала, что он сильно оскорбится, если она засмеется, но смех поднимался по ее горлу каждый раз, когда бегущие ноги и вопли приближались к утренней. Из-за этого ей с трудом удавалось следить за тем, что Джонатан говорит.

— Мы должны отправиться за тем мальчиком и вернуть ящик. Если он с каждым прыжком передвигается на сто лет, сейчас он должен находиться в середине Фиксированной эпохи, вероятно, и там создавая бардак. У нас должно получиться найти его, если это временное яйцо работает. Но мне не нравится, как оно отказывалось возвращать нас. Мы же не хотим быть выброшенными в историю.

Шаги Вечного протопали мимо утренней, сопровождаемые шагами всех остальных. Вивьен снова начала сражаться с рвущимся наружу смехом.

— Как думаешь, он попытается украсть все полярности? — спросила она, стараясь мыслить разумно. — Мы не можем добраться до них первыми и попросить людей там посторожить их? Сколько их существует?

— Не знаю, — почти простонал Джонатан. — Я не знаю, где или когда они находятся. Я даже не уверен, что он украл *действительно* полярность.

Слова Ученого прошлым вечером явно сильно поколебали веру Джонатана. «И, конечно, он сразу пришел к такому выводу, — подумала Вивьен. — Не было доказательств. С другой стороны...» В этот момент шаги Вечного Уокера протопали по потолку утренней, и ей опять пришлось проглотить смешок.

— Не унывай, — сказала она. — Подумай о наших призраках времени. Мы явно сделали... *сделаем* что-то.

— Действительно! — Джонатан немного просветлел.

Вскоре после этого во дворце внезапно воцарилась тишина. Джонатан нажал кнопку часов на своем поясе и сказал, что им пора идти. Жутко нервничая, Вивьен встала и последовала за ним. Джонатан не брал с собой в школу ничего — даже ручку. Это заставляло Вивьен чувствовать себя странно и незавершенно. Она думала, что привыкла к ощущению обнаженности, вызываемого пижамами Города Времени, но теперь — без единой книги и даже без пенала — она вновь почувствовала себя обнаженной.

Вестибюль и лестница были завалены шелковыми плащами, разнообразными шляпами, обувью и несколькими золотыми цепями. Элио спокойно спускался по лестнице, подбирая вещи. Вивьен не могла четко рассмотреть его лицо, но готова была поклясться, что Элио улыбается.

А вот Сэм точно улыбался, когда встретил их у фонтана на Закрытии Времени —

широчайшей улыбкой с двумя зубами.

— Твой отец пробежал, — сообщил он. — Как ракета. Он подобрал свои одеяния и помчался. По какому поводу великая суматоха?

— По тому же, что обычно, — надменно ответил Джонатан. — Шевелись. Через десять минут пойдет дождь.

Когда они проходили через арку на площадь Эры, Вивьен посмотрела на небо. Кучевались белые облака, за ними следовали серые, но непохоже было, чтобы собирался дождь.

— Ты уверен насчет дождя?

— Да, потому что в этом году у нас погода из три тысячи пятьсот восемьдесят девятого года, — ответил Джонатан. — Сухой год никогда не берут ради урожая. Ты можешь получить прогноз со своего пояса.

— Какая кнопка? — спросила Вивьен.

Идя по площади Эры, они показывали Вивьен, как работает ее пояс. Погодная кнопка зажгла светящийся зеленый список на ее предплечье:

«5.00 — 8.40 ЯСНАЯ ПОГОДА 14–17; 8.40–10.27 ДОЖДЬ,
Гром 9.07; 10.28–15.58 СОЛНЦЕ 13–19»

— Смотри-ка, как Элио эффективен, — заметил Джонатан. — Он достал тебе такой, который ты можешь прочитать. Мой — полностью на всеобщих символах.

— Сколько он дал тебе единиц кредита? — спросил Сэм. — Нет... вот эта кнопка, глупая!

Вивьен нажала на кнопку, и ее ладонь осветилась.

«VSL/90234/7C TC Единиц 100.00», — с трепетом прочитала она. Двести фунтов? Да не может быть!

— Везучая зануда! — воскликнул Сэм. — Двести сливочных пирожных!

— У тебя тоже есть функция снижения веса, — сообщил Джонатан. — А это функция ручки. Какая у тебя часовая функция — циферблат или цифры?

Вивьен была так заморожена своим поясом, что не сразу заметила, что церемония, которая спровоцировала суматоху во дворце, проходит на другой стороне площади Эры. Ряд фигур в красном, казавшихся крошечными под громадными зданиями, медленно шагал по площади. Отец Джонатана шел почти во главе процессии, позади человека, несущего нечто вроде серебряной алебарды. И шагал он с самым серьезным, величественным и важным видом. «Глядя на него, никогда не поверишь, что последние полчаса он провел, с воплями носясь туда-сюда!» — подумала Вивьен.

— Кто там с ним? — спросила она.

— Стража Аннуария, — ответил Сэм.

— Множество стариков из Патруля Времени, ушедших на пенсию, — добавил Джонатан и указал на другой конец площади: — А те в синем — будущие Библиотекари. Поторопитесь. Все идет в Продолжительность.

Синий ряд шагал к красному — с развевающимися одеяниями и высокими синими шляпами на головах. Его возглавляли два человека, несущих гигантскую старую раскрытую книгу на подушке. Позади них, куда на самом деле указывал Джонатан, гораздо более маленькие фигуры стремительно перемещались вдоль края площади — справа налево — и

проходили через открытые высокие двери Продолжительности. Эта картина заставила поторопиться даже Сэма. Но он снова остановился возле Камня Фабера Джона. К этому времени две процессии, участвующие в церемонии, оказались достаточно близко к Вивьен, чтобы она узнала сразу позади двух Библиотекарей с книгой ужасно угрюмого и важного мистера Энкиана в высокой синей шляпе. Два ряда явно должны были встретиться как раз рядом с Камнем Фабера Джона.

— Эй! Гляньте на трещину сегодня! — воскликнул Джонатан.

Трещина увеличилась, пройдя из угла плиты через золотые буквы FАВ на пустую часть. Там она разветвлялась на три новые трещины, небольшими зигзагами тянущиеся к середине камня. Джонатану не надо было измерять ее, чтобы увидеть, что она увеличилась.

— Великое Время! Надеюсь, это *не* значит то, что говорят! — сказал он.

Две процессии встретились.

— Вечный приветствует Перпетуум от имени Хронолога, — совсем близко нараспев произнес отец Джонатана.

Упали две капли дождя.

— Возможно, Фабер Джон достаточно проснулся, чтобы пошевелить пальцами ног, — не слишком серьезно предположила Вивьен. — Они как раз достанут досюда из той пещеры.

Сэм насупился, вызывая топанув по разветвляющейся трещине. Его шнурки от этого развязались. Джонатан схватил его за руку и оттащил прочь.

— Осторожнее! Ты можешь сделать хуже!

— Властью данной мне, в моем лице Перпетуум приветствует Хронолог и Вечного, — теперь нараспев произносил мистер Энкиан. — Мои Библиотекари...

Его голос внезапно потонул в пронзительном звуке волынки. Вивьен подняла взгляд, обнаружив, что церемония спуталась в замешательстве. Высокий человек в высокой шляпе с мягкими полями выписывал восьмерки вокруг Вечного и старика, несшего топор, одновременно играя на волынке. Как раз когда Вивьен посмотрела, он выделывал коленца среди Стражи Аннуария, подскакивая, подпрыгивая и выбрасывая длинные ноги, точно сумасшедший. Пожилые люди в красных униформах бросились врассыпную с его пути, за исключением одной старой леди, которая вытащила церемониальный меч и дрожащими руками попыталась преградить путь танцору. Однако скачущий мужчина протанцевал прямо сквозь меч и совершенно невредимый запрыгал дальше, продолжая играть на волынке.

Вивьен поняла, что сумасшедший должен быть призраком времени. Хотя странно, что никто из участвовавших в церемонии не посчитал его таковым. Когда он запрыгал среди Библиотекарей, люди в синем тоже бросились врассыпную.

— Прекратите это, кем бы вы ни были! — крикнул мистер Энкиан.

Мужчина развернулся и четким ударом выкинул ногу в направлении подушки с громадной старой книгой. Вивьен видела, что длинная нога и остроконечный ботинок так и не коснулись ни подушки, ни книги, но двое Библиотекарей обманулись и попытались отдернуть подушку в сторону. Книга соскользнула, упав на землю в вихре жестких страниц.

— Книга Конца Света! — закричал мистер Энкиан.

Вместе с двумя Библиотекарями он в ужасе бросился за книгой, и танцующий мужчина скачками пронесся сквозь их спины. В следующее мгновение он запрыгал прямо к Вивьен, Сэму и Джонатану.

— Арестуйте его! — приказал Вечный Уокер Страже.

Они в ответ крикнули, что сумасшедший — всего лишь призрак времени. Однако

большинство криков потонуло в оглушительных звуках волынки. Отступив с пути сумасшедшего, Вивьен на мгновение увидела его бледное напряженное лицо, перед тем как фигура развернулась и запрыгала к Камню Фабера Джона.

Под бешено танцующими остроконечными ногами плита разлетелась на сотни кусочков. Кусочки в свою очередь раскололись, и те кусочки тоже, за секунды измельчившись в бледный гравий. К этому времени танцующего мужчину было до странности сложно разглядеть, а шум от волынки стал приглушенным. Затем он полностью исчез, и воцарилась тишина, смешанная с нарастающим стуком дождя. Камень Фабера Джона снова был целым, за исключением разветвляющейся трещины, темным и мокрым.

— Всё спутал! — сердито произнес мистер Энкиан, пытаясь прикрыть Книгу Конца Света полой своего одеяния. — Лучше начнем сначала.

Оставив церемонию выстраиваться под ливнем заново, Джонатан, Сэм и Вивьен побежали под дождем.

— Странный это был призрак времени! — выдохнул Джонатан. — Сомневаюсь, *призраки* ли он вообще.

У Сэма таких сомнений не возникало. Как только они ворвались в двери Продолжительности, он начал кричать:

— Мы видели новый вид призрака времени! Слушайте все, я видел нового призрака времени!

Его голос гудел об этом всё утро. Вивьен слышала его чаще, чем ей хотелось бы, поскольку, к ее стыду, ее поместили в один класс с Сэмом. Насколько она поняла, класс, в котором она должна бы находиться, изучал такие вещи, о каких в Лондоне не слышали даже ее учителя.

— Уверен, ты быстро наверстаешь, — сказал директор школы. — Вы, Ли, все смысленные, но я не могу переместить тебя выше, пока ты не будешь знать всеобщие символы.

Класс Сэма изучал всеобщие символы. Вивьен села на маленький стул-раму за немного низковатый стол-раму и попыталась изобразить странные знаки на белом квадрате, который не был настоящей бумагой. Остальная часть класса использовала зеленые карандаши, но поскольку Вивьен была старше, ей позволялось использовать функцию ручки ее нового пояса. Когда нажимаешь на кнопку, между пальцами появляется зеленый свет. Он чувствовался как ручка, писал зеленым и был прост в использовании. К несчастью, кнопка для него находилась сразу за кнопкой функции снижения веса. Вивьен постоянно нажимала не ту по ошибке и мягко поднималась над своим стулом-рамой.

— Тихо, Сэм. Зашнуруй ботинки, — говорил учитель каждый раз, когда Вивьен нарушала этим порядок.

В каком-то смысле он был прав. Весь остальной беспорядок производил Сэм, рассказывавший о призраках времени. Но Вивьен из-за этого становилось стыдно. К концу утра, когда учитель собрал их работы, нажав на кнопку, после чего то, что они написали, исчезло с белых квадратов и выстроилось в ряд на пустой раме его стола, Вивьен чувствовала себя ужасно подавленной.

Обед поднял ей настроение. Они пришли в длинную комнату, обставленную автоматами — такими же как в комнате Джонатана, только их пинать приходилось реже. Автомат выдавал каждому ребенку по четыре блюда. Они всегда распознавали, если попытаться сжульничать и получить больше. Даже Сэм не мог заставить их дать ему больше

четырёх сливочных пирожных. После этого садились за длинные столы, чтобы поесть.

Вивьен была новенькая, и к тому же Ли, и поэтому ею очень интересовались. Вокруг нее собралась толпа. К этому времени Вивьен так привыкла притворяться кузиной Вивьен Ли, что почти забыла, что это неправда. Она рассказала, как только что прибыла из века двадцать, из Второй Мировой войны. Это вызвало еще больший интерес, и толпа увеличилась. Большинство детей никогда не были в истории и хотели узнать, каково это.

Отвечая на их вопросы, Вивьен осмотрела комнату, и удивилась, как мало детей в Городе Времени. Конечно, это была большая школа. Но все дети — от крошечных, гораздо меньше Сэма, до почти взрослых, на голову выше Джонатана, — поместились в длинной обеденной комнате. Когда она спросила, ей сказали, что Продолжительность — единственная школа в Городе. Больше половины детей каждый день приезжали на лодках или на кораблях на воздушной подушке из ферм в сельской местности. Вивьен это казалось ужасно странным после переполненных школ в Лондоне. Она рассказала о них, и дети были поражены тем, что один учитель может одновременно заниматься с тридцатью детьми.

— Как он *может* одновременно держать в голове тридцать наборов мозговых ритмов? — спросил кто-то. — Расскажи о войне. Она как Войны Разума или шумная как Захват Новой Зеландии?

— Во время сражений бегают вверх-вниз по улицам? — захотел узнать кто-то еще.

Вивьен попыталась объяснить, что когда две *страны* сражаются друг с другом, они обычно делают это не на улицах, если только армия одной страны не оккупирует другую. После этого ей пришлось объяснять, что такое оккупация.

— Имеешь в виду, как если бы все туристы с криками поднялись по реке Время, чтобы убить людей в Городе Времени? — расстроено спросила маленькая девочка.

Пока Вивьен пыталась решить, подходящее ли это сравнение, сквозь толпу протолкался Джонатан и громко сказал ей на ухо:

— Тебе пришло сообщение. Оно на твоём поясе.

— Где? Как? — спросила Вивьен.

— Нажми на вот эту кнопку, — услужливо подсказали все разом.

Вивьен нажала, и на столе перед ней появилось зеленое письмо:

*«Отдел Хэйкона Виландера — В.С. Ли,
Явится для индивидуального обучения с Дж. Л. Уокером в 13.00 ровно».*

Под ним находилось второе сообщение:

«Продолжительность подтверждает назначение. Ф.Т. Данарио, директор».

— Это правда? — спросила она Джонатана. — Не шутка?

Она просто не могла представить, что кто-то столь значительный и ученый, как доктор Виландер, может хотя бы помнить о ее существовании, не говоря уже о том, чтобы пожелать обучать ее.

Джонатан нажал кнопку на своем поясе. Еще одно сообщение появилось рядом с ее:

«Х. Виландер — Дж. Уокеру. Глупый ребенок В. Ли не отвечает. Приведи ее с собой в 13.00».

— Он кажется сердитым, — сказал кто-то.

— Большой частью он такой и есть, — ответил Джонатан.

Многие пылко заверили, что лучше бы учились у Билиуса Энкиана. Из всего сказанного Вивьен сделала вывод, что, начиная с десятилетнего возраста, все ходили к индивидуальному наставнику. Доктора Виландера считали одним из самых худших.

— Да, но нам надо идти, иначе мы будем съедены, — сказал Джонатан.

Согласно часам на поясе Вивьен, они покинули Продолжительность в 12.36. Джонатан по-прежнему думал о танцующем призраке времени.

— Знаешь, всё неправильно для настоящего призрака времени, — сказал он, когда они вышли из Продолжительности сквозь стеклянную дверь. — Обычно они не издают звуков. Спорю, это кто-то из студентов пошутил.

— Что... даже вот так разбил Камень Фабера Джона? — спросила Вивьен.

— Некоторые века умеют творить чудеса с помощью голограмм, — ответил Джонатан.

Поскольку Вивьен никогда не слышала о голограммах, она ничего не поняла.

— Если увижу кого-нибудь из знакомых студентов, спрошу, — сказал Джонатан.

На улице, как и предсказывал пояс Вивьен, дождь закончился. Солнце сверкало на мокрой траве между высоким массивом Продолжительности и воздушно-арочным строением Континуума. Поскольку трава еще не высохла, студенты, вышедшие наружу посидеть на солнце, взобрались на стоявшие тут и там разнообразные статуи. Воздух гудел от их ленивой болтовни. Все они показались Вивьен пугающе взрослыми.

— Приветствую, Джонатан, — окликнул молодой человек в черном бархатном одеянии, который сидел на колене статуи, похожей на большого Будду с головой льва.

— Привет, юный Джонатан, — улыбнулась девушка в просвечивающем платье, сидевшая на другом колене статуи.

Джонатан остановился:

— Привет. Кто-нибудь из вас знает о том призраке времени, который прервал сегодня утром церемонию?

— Хотели бы мы знать! — ответили они хором.

Это привлекло внимание ряда студентов, расположившихся неподалеку вдоль статуи спящего человека.

— И мы! — воскликнули они.

Молодой человек в коротком белом килте, сидевший на голове статуи, объявил:

— Я предлагаю этому шутнику чаевые за год, если он сможет разработать три-дэ всей проказы. Хочу увидеть выражение лица Энкиана!

— Крупным планом, — согласилась девушка в прозрачном.

— Ни одна награда не будет достаточно высока, — заверил парень в килте.

— Энкиан в ярости, грозит выслать того, кто это сделал, — объяснил молодой человек в черном бархате. — Так что он его, конечно же, не найдет.

— Что означает: мы *все* умираем от разочарования, — добавила девушка в прозрачном. — А *ты*, Джонатан, ничего не знаешь?

— Я и тебя вознагражу, — пообещал парень в килте.

— Извините, нет, — ответил Джонатан. — Я надеялся, *вы* знаете.

Он пошел дальше, но молодой человек в килте позвал его назад.

— Серьезно, — смеясь, произнес он. — Если ты предоставишь мне доклад очевидца, я взамен сделаю всё, что хочешь.

Джонатан тоже засмеялся:

— Позже. Мы должны попасть к доктору Виландеру.

Они пошли дальше, поднялись по нескольким ступеням и вошли в длинный сводчатый коридор.

— Явно кто-то сыграл шутку с голограммой, — сказал Джонатан. — Это Континуум, кстати. Мы должны пройти прямо сквозь него и в Перпетуум — это главная библиотека. Виландер живет в берлоге на самом верху. Говорят, он выходит оттуда только для того, чтобы поругаться с Энкианом.

Перпетуум представлял собой громадное здание странной формы. Открытый вход из гранитных глыб, располагавшийся за Континуумом, был сделан в форме пятигранника. Конечно, подумала Вивьен, если представить обычный дверной проем с остроконечной аркой наверху, он тоже будет пятигранником, но две грани, образующие арку, получатся короче. А этот проход был равносторонним и наклоненным. Над и за ним Вивьен видела такие же пятигранники, повторяющиеся снова и снова, будто огромные соты. И все они объединялись в громадное полуопрокинутое пятигранное сооружение. На верхней грани главного входа были выгравированы полустершиеся едва различимые золотые буквы:

«ПАМЯТНИКИ ДОЛГОВЕЧНЕЕ, ЧЕМ МЕДЬ»

— Это означает книги, — пояснил Джонатан. — Нажми кнопку снижения веса. Там тысячи ступеней.

Там действительно были тысячи ступеней. Мелкие и гранитные, они взбирались налево, потом направо, потом снова налево, мимо других пятигранных входов, надписанных: «ДАНТЕУМ», «ШЕКСПИРУМ», «ОРФЕУМ», а также именами, ничего не значащими для Вивьен. От каждой арки лестницы вели в четырех разных направлениях. Словно взбираешься по лабиринту. Джонатан сообщил Вивьен, что резкий электрический запах, висящий вокруг каждой пятигранной арки — это запах миллионов книжных кубов, хранящихся в каждой секции. Похоже, настоящих книг в Перпетууме было немного. Но вскоре даже с включенной функцией снижения веса у них не осталось дыхания на разговор, и они просто взбирались. К тому времени, как они добрались до арки под названием КОНФУЦИУМ, Вивьен заметила что Город Времени появляется вокруг них под всевозможными странными углами. В КОНФУЦИУМЕ она увидела вдалеке башню Гномон, наискось торчащую у нее из-под ног, и постаралась не смотреть. Лестница ощущалась ведущей прямо наверх, даже если это было не так.

Наконец, у входа под названием ГЕРОДОТУМ, Город Времени далеко внизу под ними перевернулся вверх ногами, но с наклоном. К облегчению Вивьен, Джонатан зашел в ГЕРОДОТУМ. Внутри было довольно темно и сильно пахло деревом. Пятигранный коридор — из того же сорта гладкого дерева, что и стол отца Сэма — был украшен резьбой. Когда Джонатан потащил Вивьен вдоль коридора, она успела мельком увидеть изображения травы и людей.

— Говорят, для этого Фабер Джон заполучил человека, который делал резьбу в храме Соломона, — задыхаясь, сообщил он.

Вивьен не думала, что он шутит. Он слишком выдохся для этого.

— Выключи функцию снижения веса. Ей надо перезарядиться.

В самом конце коридора деревянные ступени вели к последнему пятигранному входу.

«РЕДКИЙ КОНЕЦ», — прочитала Вивьен, когда Джонатан постучал в гладкую деревянную дверь.

Дверь распахнулась в теплый оранжевый из-за дерева свет.

— Вы опоздали почти на минуту, — прогрохотал доктор Виландер.

Он сидел за деревянным столом, под окном в покатой крыше. Полки с настоящими книгами занимали все прямые стены. Тысячи маленьких квадратных штучек, которые вероятно являлись книжными кубами, лепились на потолке. Целые башни бумаг и книг занимали большую часть пола. Доктор Виландер курил трубку и был одет в коричневый мохнатый камзол, из-за которого более чем когда-либо походил на медведя. Он выглядел абсолютно довольным, точно медведь, отдыхающий в своей пещере после медового пира.

— Ты, садись здесь, — проворчал он Вивьен, указывая трубкой на маленький стол из настоящего дерева. — Что ты видишь перед собой?

— Э... — произнесла Вивьен, гадая, какого ответа он от нее ждет. — Это похоже на диаграмму. И здесь есть список и кусок бумаги, покрытый чем-то блестящим, и лист, чтобы писать. И стол, конечно, под всем этим. Стул упоминать?

Джонатан фыркнул, садясь за маленький стол напротив доктора Виландера, и засунул в рот кончик своей косы.

— Достаточно, — прогрохотал доктор Виландер. — Я намереваюсь дать тебе ускоренный курс истории и всеобщих символов, девочка моя. Ты — Ли. Однако твоя тетя и твой учитель сказали мне, что ты абсолютно невежественна. Это не дело. Диаграмма — это карта истории: от возникновения человека до Депопуляции Земли. Выучи ее. Список — это словарь всеобщих символов, а бумага — самый первый текст, написанный ими. Поэтому она покрыта энергетическим пластиком — она крайне ценная. Сделай мне перевод этого текста. Короче говоря, хоть раз в жизни используй свои мозги. Я проверю оба задания, когда закончу с Джонатаном.

Очевидно, абсолютно все считали, что настоящая Вивьен Ли чрезвычайно умна. Вивьен ничего не оставалось, как сесть и тоже попытаться быть сообразительной. Она взяла диаграмму, которая была сделана в форме подковы, представляя собой почти полный круг — так что левый конец, обозначенный «Каменный век», почти соприкасался с правым концом, обозначенным «Депопуляция». Вдоль нее располагались линии, помеченные тысячами лет. Белые части были подписаны «Фиксированная эпоха». Части, окрашенные серым, обозначались как «Нестабильная эпоха». В серых частях больше почти ничего не было, однако изогнутые протяженности белых представляли собой массу подписей и дат. Взгляд Вивьен заскользил по ним в ужасе. Четвертая Мировая война... Завоевание Австралии... Войны Разума... Начало Исландской империи... Злодеяния Вайгонги... Конец первенства острова Пасхи... Восстание Канады... Экономический Союз Фуэгана... Потопление Священного Флота... Кончина Европы... И это только несколько пунктов крупным шрифтом! Вивьен бросила на диаграмму еще один безнадежный взгляд и повернулась к ценной бумаге. Это задание казалось проще.

Тем временем доктор Виландер грохотал вопросы Джонатану, а тот отвечал после длинных пауз, заполненных едва слышным грызущим звуком: затрудняясь с ответом, Джонатан каждый раз жевал косу. «Закончится тем, что она станет совсем мокрой!» — подумала Вивьен, продвигаясь по переводу. Это оказалось совсем не так просто, как она посчитала. Всеобщие символы не обозначали буквы, как, впрочем, и целые слова. Приходилось согласовывать друг с другом вещи, которые символы *могут* означать, а потом

попытаться извлечь из них смысл. Мозг Вивьен начал жаловаться, что никогда в жизни не работал так напряженно. Время от времени он бастовал, и приходилось ждать, пока он не начнет работать снова. В эти паузы Вивьен наблюдала, как доктор Виландер сдергивает книжные кубы, открывает настоящие книги и рычит на Джонатана.

— Не будь дураком, мальчик! — услышала Вивьен его рычание. — Ты как все остальные в Городе Времени. Вы думаете, будто единственная настоящая история находится снаружи, во времени. Никто не удосуживается хранить записи того, что происходит в Городе. Однако у него, конечно же, есть история, как и у любого другого места.

Доктор Виландер явно говорил это уже не в первый раз. Джонатан прикусил косу, чтобы не зевнуть. Вивьен вернулась к своим символам. Когда ее мозг иссяк в следующий раз, доктор Виландер ворчал:

— Повелительница Времени! Повелительница Времени! Именно это меня удручает. В этом Городе есть только такие вот легенды вместо истории. Позор. С большим трудом можно разузнать что-то, случившееся сто лет назад, не говоря уже о том, существовали ли создания, подобные Повелительнице Времени.

— Но *кто-то* поднимается по веку двадцать, создавая волну хаоса, так? — сказал Джонатан, выкручивая влажный кончик косы.

Он столь явно пытался выудить из доктора Виландера информацию про мальчика на Торе, что Вивьен выключила ручку и закрыла диаграммой лицо, чтобы послушать.

— Бесспорно, — проворчал доктор Виландер. — Держись темы. Что вышло из Второй Нестабильной эпохи?

— Гораздо больше науки, — ответил Джонатан. — Как такой человек может перемещаться во времени?

— Откуда мне знать? — прорычал доктор Виландер. — А теперь соедини это с тем, что ты знаешь об Исландской империи, и попробуй объяснить ее падение.

— Они слишком сильно полагались на науку. Но *зачем* кто-то стал бы путешествовать через век двадцать?

— Чтобы как можно скорее выбраться из гнусной эпохи, полагаю. Расскажи, каким образом они слишком сильно полагались на науку.

Джонатан снова прикусил кончик косы. У него ничего не выйдет с доктором Виландером. Вивьен вздохнула и включила ручку. Казалось, прошло совсем мало времени, когда доктор Виландер рявкнул ей:

— Ну? Ты выучила диаграмму, или нет?

— Я... э... нет.

— И почему же?

— Здесь так *много!* — жалобно произнесла Вивьен. — История была *короткой* в двадцатом... то есть в веке двадцать!

— Потому что история была тогда неполной, — прорычал доктор Виландер. — Это не оправдание.

— И я не понимаю ее. Почему она круглая? — умоляюще спросила Вивьен.

— Как знают все в Городе Времени — за исключением тебя, видимо, — это оттого, что историческое время кругообразно. Начало есть конец. Время, используемое Человеком, постоянно идет по кругу — маленькими кольцами здесь, в городе, и очень широкими снаружи, в истории. Возможно, вся вселенная тоже. О чем думали твои родители, не рассказав тебе, по крайней мере, этого? Значит, ты не выучила историю. А перевод сделала?

— Некоторую часть, — признала Вивьен.

— Что ж, тогда послушаем, — доктор Виландер откинулся назад и зажег трубку, постучав по ней громадным пальцем — будто собирался слушать в течение ближайшего часа.

Вивьен несчастно посмотрела на несколько строчек перечеркнутых и написанных заново зеленых слов.

— Один крупный кузнец разбросал четыре гроба, — прочитала она.

Джонатан поспешно засунул в рот вдвое больший кусок косы.

— О, правда? — спокойно произнес доктор Виландер. — Полагаю, чтобы продемонстрировать свою силу. Продолжай.

— Так что они превратились в четырех очень старых женщин. Одна стала ржавой из-за полированной одежды. Две стали белыми в умеренно дешевых украшениях. Три стали желтыми и дорогими, а еще четыре были плотными и находились низко в столах...

— Значит, было десять гробов, — заметил доктор Виландер. — Или, может, десять странных пожилых леди. Некоторые из них занимались стиркой, пока остальные важничали в дешевых ожерельях. Полагаю, желтые подцепили желтуху от их вида, в то время как глупые ползали под мебелью, чтобы не смотреть. Есть продолжение этого веселого повествования?

— Немного, — ответила Вивьен. — Еще четыре были полны электричества, но были изолированы полицейскими, чтобы город мог изучать философию по меньшей мере год.

— Еще четыре старые женщины и неопределенное количество полиции, — заметил доктор Виландер. — Кузнец создал по крайней мере пятнадцать. Надеюсь, он заплатил полиции за то, что они обернулись вокруг электрических старых леди. Звучит болезненно. Или ты предполагаешь, что полиция была электрошоковой, таким образом подавая горожанам ценный моральный урок?

— Не знаю, — безнадежно ответила Вивьен.

— Но как ты считаешь, — спросил доктор Виландер, — что твое множество старых женщин на самом деле делали?

— Понятия не имею, — призналась Вивьен.

— Люди обычно не пишут бессмыслицу, — заметил доктор Виландер, по-прежнему спокойно пыхтя трубкой. — Передай бумагу Джонатану. Возможно, он сможет поведать нам, что все эти люди замыслили.

Джонатан взял бумагу из рук Вивьен. Он посмотрел на нее и засунул в рот еще больший кусок косы, из-под мерцания его зрительной функции потекли слезы.

— Джонатан считает, что это трагедия, — грустно прогрохотал доктор Виландер. — Высоковольтные старухи убили полицию. Давай сюда. Я прочту, — он вырвал бумагу из трясущегося кулака Джонатана и прочел: — Великий Фабер Джон создал четыре контейнера или шкатулки и спрятал каждую из них в одном из Четырех Веков Мира, — он повернулся к Вивьен. — *Фабер* действительно означает *кузнец*, и символ один и тот же, но твои старые леди появились из-за того, что ты не заметила сдвоенный символ века, что всегда означает *время*, или *Век Мира*, если он женского рода. Далее. Шкатулку, сделанную из железа, он скрыл в Железном веке. Вторую, которая была из серебра, он спрятал в Серебряном веке, а третью, которая была из чистого золота — в Золотом веке. Четвертый контейнер был из свинца и был спрятан таким же образом. Он наполнил эти шкатулки значительной частью своей силы и поставил к каждой отдельного хранителя. Таким образом он обеспечил существование Города Времени на протяжении целого Платонического Года... Вот, —

сказал он Вивьен. — Вот это имеет для меня смысл, и дарит Джонатану еще одну легенду из тех, что он так любит.

Джонатан освободил рот и серьезно спросил:

— Как вы думаете, то, что здесь говорится — правда?

— Писавший так считал, — проворчал доктор Виландер. — Он или она верил в это достаточно, чтобы тысячи лет назад поместить бумагу сюда, в защищенное от времени место. Контейнеры силы, о которых здесь говорится — то, что сегодня называют полярностями, конечно же.

— А что такое Платонический Год? — спросил Джонатан.

— Время, которое требуется звездам, чтобы пройти путь обратно к узору, с которого они начали. Иногда оно исчисляется как двести пятьдесят восемь веков. И если Вивьен на секунду посмотрит на диаграмму, вместо того, чтобы позволять своему взгляду соскальзывать с нее, она обнаружит, что это составляет длительность человеческой истории. Вивьен, ты выучишь диаграмму к завтрашнему дню. И, поскольку эта бумага слишком ценна, чтобы ее уносить, ты возьмешь вместо нее копию и переведешь всё как следует — тоже к завтрашнему дню. А Джонатан напишет подробное эссе об Исландской империи.

Вивьен покинула теплую, пахнущую деревом комнату, чувствуя себя такой же мокрой и изжеванной, как кончик косы Джонатана.

— Я думаю, он чудовище! — сказала она, когда они начали спускаться по тысяче ступеней.

Глава 9. Хранитель

Они пошли обратно по площади Эры.

— Ты бы назвала век двадцать частью Железного века? — задумчиво спросил Джонатан.

— Конечно, нет! — возмутилась Вивьен. — Мы используем алюминий, и пластик, и хром. Железный век — это когда жили в хижинах!

— Я только... — начал Джонатан.

Но его прервал резкий звук волынки из центра площади. Толпа туристов, собравшихся вокруг Камня Фабера Джона, заволновалась, указывая на что-то. Вивьен и Джонатан разглядели мелькание скачущего среди них призрака.

— Занимающийся этим студент попадетсЯ, если не будет осторожен, — заметил Джонатан. — Для этого наверняка нужен довольно большой проектор.

— Хочешь сказать: голый грамм — это что-то вроде кино? — с интересом спросила Вивьен — о фильмах она знала всё.

— Голограмма, да. Для создания картинки, которую можно видеть со всех сторон, используются лазерные лучи. Ко времени Войн Разума люди в совершенстве освоили эту технику. Спорю, студент родом именно оттуда.

— Что такое лазерные лучи?

— Особый вид лучей, — ответил Джонатан в самой своей величественной манере.

Вивьен заподозрила, что он просто знает о них не намного больше нее.

К тому времени, как они дошли до центра площади, призрак исчез. Они обогнули толпу и направились к Закрытию Времени. Под аркой их ждал Сэм.

— Мы пойдем за мальчиком, который украл полярность? — спросил он.

— Когда я придумаю, как лучше всего за это взяться, — ответил Джонатан, снова напуская на себя величественный вид. Вивьен сделала вывод, что он имеет представление о том, как найти мальчика, не больше, чем о лазерных лучах. — Я говорил тебе: мы не хотим быть выброшенными в историю. Ты же знаешь, это яйцо плохо работало после того, как мы переместились с ним во времени.

— Пойду поем сливочные пирожные в твоей комнате, пока ты думаешь, — предложил Сэм.

— Нет, не пойдешь, — сказал Джонатан. — Мне надо написать эссе для Виландера.

Сэм обратил широчайшую двузубую улыбку к Вивьен:

— Тогда я пойду в твою комнату и покажу тебе, как работает твой автомат.

— Не сейчас. В любом случае, я знаю, как он работает, — ответила Вивьен, внезапно почувствовав себя заваленной работой. — Мне надо работать с диаграммой, и всеобщими символами, и переводом — кажется, я не буду спать всю *ночь*!

— Круглоглазая зануда и узкоглазый зубрила! — буркнул Сэм. — Ненавижу, когда начинаются занятия. Все становятся скучными!

Он с отвращением тяжело зашагал прочь, шлепая шнурками по булыжнику.

— Теперь он сотворит что-нибудь, чтобы отомстить нам, — сказал Джонатан. — Он всегда так делает.

Вивьен это не слишком волновало. Она гораздо больше боялась, что доктор Виландер опять будет над ней смеяться. Она поспешила в свою комнату и попыталась заставить

работать истощенный мозг. Не получилось. Она целый час провела, пялясь на диаграмму и символы, и единственное, что узнала — то, что функция ручки не похожа на настоящую ручку в самом важном: ее нельзя жевать. Вивьен пришлось встать и попытаться вспомнить объяснения Петулы о том, как работает маленький аккуратный автомат на стене. Сэм нашел бы его глубоко разочаровывающим: он не делал сливочные пирожные. Автомат выдал две жвачки из водорослей и витое печенье со вкусом вишневого ликера. То и другое было питательно и полезно для зубов, но совсем не помогало перегруженному мозгу Вивьен.

— Вот досада! — вздохнула она.

Она включила музыку под названием «Стиль Антарктического бедлама», мрачно вонзила зубы в водорослевую жвачку и попыталась снова.

К ужину Вивьен перевела ту часть ценной бумаги, которую зачитывал доктор Виландер, что вообще-то являлось жульничеством, поскольку она помнила, о чем там говорится. После чего ей пришлось прерваться и переодеться в свежую белую пижаму, которую выложила для нее Петула. Пижамы создала призрачные красные розы на одном плече и в волосах. Вивьен повернулась к зеркалу полюбоваться цветами, прежде чем спуститься и увидеть сегодняшних гостей.

Одним из них оказался мистер Энкиан. Остальными были важные персоны из Континуума или Перпетуума, которых оскорбила студенческая шутка. С первого же взгляда на их лица Вивьен поняла, что Вечному Уокеру придется быть невероятно скучным. И она оказалась права. Мистер Энкиан начал сразу же, как только они сели за стол:

— Вечный, я не позволю, чтобы над нашими традиционными церемониями насмеялись, особенно в это кризисное время, когда все должны твердо стоять за Город Времени. Они посмеялись не только надо мной — и над вами, конечно, — но также над Камнем Фабера Джона. И будто этого недостаточно — Книга Конца Света упала в грязь!

Вечный Уокер встревоженно уставился в дальний угол и пять минут скучно разглагольствовал о «веселье юности» и о том, чтобы «ни в малейшей степени не потворствовать, но стремиться к снисходительной квазиродительской линии поведения».

Мистер Энкиан подождал, пока он замолчит, и сказал:

— Я выдвину в Хронологе предложение. Мои коллеги, присутствующие здесь, проголосуют за него. В будущем мы наложим запрет на всех студентов из века шестьдесят семь или любой другой эпохи с разрушительной технологией.

Вечному Уокеру пришлось уставиться в другой угол и снова загудеть о «сбалансированном смещении студентов из всех возможных эпох». Вивьен наблюдала за ним, пока он говорил, и мечтала, чтобы он вскочил из-за стола и начал с криками бегать вокруг, как утром. Это было бы гораздо интереснее. И она была уверена, что это в одну секунду заткнуло бы мистера Энкиана.

— Мы не берем студентов из Нестабильных эпох, — огрызнулся мистер Энкиан. — И если мы уже наложили запрет на всех с века пятьдесят восемь до века шестьдесят пять, мы легко можем распространить запрет и до века пятьдесят шесть. Виновный родом именно оттуда — я в этом убежден.

— Но если мы так поступим, — ответил Вечный Уокер, кроша еду на своем блюде с таким видом, словно у него болят зубы, — мы рискуем исключить студентов, чья история подразумевает обучение здесь. Что вызовет нестабильность в той эпохе.

— Пожалуйста, — спросила Вивьен, пока мистер Энкиан открывал рот для ответа. — Пожалуйста, почему вы не берете людей из Нестабильных эпох?

Едва произнесла это, она поняла, насколько храбрым поступком со стороны Джонатана было прервать разговор прошлым вечером. Мистер Энкиан пронзил ее взглядом. Вечный Уокер обратил на нее свое выражение зубной боли. Вивьен почувствовала, как лицо становится горячим.

Однако Вечный Уокер, похоже, посчитал ее вопрос совершенно разумным.

— Мы не пускаем их сюда по ряду причин, — ответил он. — Самая важная состоит в том, что Нестабильные эпохи должны оставаться таковыми, чтобы неизменными сохранялись Фиксированные эпохи. Нельзя, чтобы человек, скажем, из века шестьдесят знал, что он может прийти в Город Времени и разузнать о своем будущем. Мы полагаемся на то, что в его эпохе — Третьей Нестабильной эпохе — происходят войны и совершаются изобретения, которые приведут к Исландской империи и следующей Фиксированной эпохе. Если такой человек из века шестьдесят узнает об этом, он или будет сидеть, ничего не делая, решив, что будущее в любом случае обеспечено; либо — что, возможно, еще хуже — он может разозлиться и совершить что-нибудь совершенно противоположное. А проблема с Нестабильными эпохами в том, что даже мельчайшие детали могут изменить течение истории в них. Это понятно?

Вивьен кивнула, пытаясь выглядеть такой же умной, как настоящая кузина Вивьен. По тому, как гневно смотрел мистер Энкиан, она заподозрила, что Вечный Уокер был рад ее вмешательству.

— А что происходит, когда Нестабильная эпоха становится критической? — спросила она, прежде чем мистер Энкиан успел что-либо сказать.

Зубная боль Вечного Уокера утихла, превратившись в обычное страдальческое выражение.

— Когда в истории эпохи происходит достаточно много изменений, они затрагивают Фиксированные эпохи перед и после нее — как в веке двадцать в данный момент. Как ты можешь предположить, изменения катятся сначала вперед. У нас сейчас проблемы в веке двадцать три, поскольку несколько изобретений, которые должны были появиться тогда, появились уже в 1940 году. Но нестабильность начинает откатываться и назад тоже. Патрулю Времени приходится много работать, чтобы обеспечить Римскую империю...

Мистер Энкиан вскочил на ноги, его острое желтое лицо исказилось.

— О, это уже *слишком*! — закричал он.

— В самом деле, мистер Энкиан! — произнесла Дженни самым сердитым тоном, какой Вивьен от нее слышала.

— Нет. Я имел в виду. Это, — мистер Энкиан указал на закругляющийся угол комнаты. — Нарост.

Он был так сердит, что с трудом говорил.

Все повернулись в ту сторону. Там обнаружился студенческий призрак времени. Джонатан проглотил еду и сунул в рот косу. Вивьен обеими руками поспешно закрыла лицо, чтобы никто не увидел, как она смеется. Какие же нахальные студенты! Высокий сумасшедшего вида мужчина в высокой шляпе с мягкими полями, явно спроецированный сюда как фильм, стоял возле полукруга стены, хитро глядя на них, напоминая слегка встревоженного придворного шута. Вивьен успела уже хорошо запомнить его длинное безумное лицо.

— Уходи, — велел мистер Энкиан, по-прежнему наставляя на него палец.

Придворный Шут в ответ умоляюще протянул к нему руки. Его хитрый взгляд

превратился в безумную усмешку.

Родители Джонатана переглянулись. Вечный Уокер прочистил горло и встал.

— Довольно, — произнес он. — Выключи свой прибор, пожалуйста.

Усмешка Придворного Шута погасла. У него появилось такое же агонизирующее выражение, как у Вечного. Его рот открылся, словно он собирался заговорить.

— Я сказал: немедленно убери это изображение, пожалуйста, — повторил Вечный Уокер. — Иначе предстанешь перед Хронологом за неуважение.

Призрак закрыл рот, выглядя смирившимся. Он склонил голову перед Вечным и отступил назад сквозь стену, оставив слабое остаточное изображение своей странной долговязой фигуры — будто после ослепления солнцем.

— Довольно реалистичная голограмма, — сказал кто-то.

— По крайней мере, на этот раз они исключили кошмарную волынку! — добавил кто-то еще.

И все начали обсуждать фальшивого призрака или успокаивать мистера Энкиана, который, похоже, считал, что это оскорбление ему лично. Вивьен ничего не говорила весь оставшийся ужин. Теперь, когда она ясно и подробно рассмотрела явление, она поняла, почему его лицо показалось ей знакомым. Это было то же лицо, под той же шляпой с мягкими полями, которое она видела проходящим через один из шлюзов на реке Время, игнорируя паническое бегство остальных призраков времени, устремляющихся в обратную сторону. Вивьен попыталась вспомнить, где видела это лицо до того.

— Не думаю, что это голый грамм, — сказала она Джонатану позже.

— Да, но голография века пятьдесят шесть безумно реалистична, — ответил он и продолжил писать эссе.

— Или это и не голый граф! — пробормотала Вивьен, когда доползла до собственных заданий.

Перевод получался вдвойне бессмысленным. На этой стадии мозг Вивьен иссяк и начал спорить с ней. Какой смысл так биться, говорил он, всё равно она скоро отправится домой к маме, и лучшее, что она может сделать — подумать над тем, как туда попасть. Не прямо сейчас! — поспешно добавил мозг. Еще одна мысль убьет его. Но она обязана хотя бы сидеть, испытывая успокаивающее чувство тоски по дому, вместо того чтобы продолжать учить кошмарную диаграмму.

Вивьен немного виновато подобрала диаграмму. Действительно, за прошедшие два дня она едва ли мгновение провела, тоскуя по дому, за исключением недолгого времени ночью. Всё из-за двух призраков времени в коридоре. Вивьен знала, что не может отправиться домой, пока не побывает с Джонатаном где-то еще, а потом вернется в Город Времени. И как только она поняла это, она также поняла: весьма маловероятно, чтобы она отправилась куда бы то ни было и обратно, а потом домой, не встретившись снова с доктором Виландером. А доктор Виландер заставит Джонатана рыдать от смеха за ее счет, если только она не справится лучше, чем в прошлый раз.

Этого было достаточно, чтобы заставить Вивьен усердно склониться над исторической диаграммой. Той ночью она заснула, бормоча:

— Первая Нестабильная эпоха — от 300 года нашей эры до 2199 года. Вторая Нестабильная эпоха — с 3800 года по 3950 год. Третья Нестабильная эпоха — с 5700 года по 6580 год. Четвертая Нестабильная эпоха — о, какая же история *длинная!*

А когда Вивьен проснулась утром, голова всё еще кружилась от почти выученных

фактов.

Когда она спускалась по лестнице, Вечный Уокер пролетел мимо нее вниз в шуршащем плаще цвета сливы.

— Элио! — крикнул он. — Элио!

Вивьен поспешила за ним, уверенная, что предстоит еще одна церемония и еще одна суматоха. Но всё выглядело совсем иначе. Элио ждал в вестибюле вместе с отцом Сэма.

— О, ты перехватил его. Хорошо! — сказал Вечный, устремляясь к ним. — Есть новости об этом голопроекторе?

— Патруль Времени работает над этим, сэр, — ответил Элио.

— Одновременно с тысячью других дел. У проектора должен быть собственный блок питания. Он не черпает энергию из Города, — сообщил мистер Донегал и кивнул Вивьен: — Привет.

К удивлению Вивьен, Вечный Уокер тоже кивнул ей:

— Доброе утро.

После чего утащил мистера Донегала и Элио в свой кабинет, оставив Вивьен в разочаровании из-за того, что больше не будет беготни.

Она всё еще надеялась и прислушивалась, когда они с Джонатаном отправились в Продолжительность.

Сэм как обычно ждал у фонтана на Закрывании Времени.

— Я не разговариваю с вами обоими, — заявил он. — Вы ушли без меня.

— Мы должны были выполнить задания доктора Виландера, — сказал Джонатан.

— Я имел в виду не это, дурак! Я имел в виду: вы ушли без меня туда, откуда возвращались ваши призраки времени. Бесстыжие бледные подлецы, вы оба!

— Нет, мы не уходили, — возразила Вивьен.

— Сам ты дурак! — Джонатан зашагал к арке, ведущей на площадь Эры. — Мы там еще не были.

— Значит, скоро будете, — Сэм плелся за ним под шелканье шнурков. — Какая разница? Я знаю, вы собираетесь.

— Я бы ушел без тебя прямо сейчас, если бы имел хотя бы малейшее представление, чем мы занимались! — сердито бросил Джонатан через плечо.

— И ты не имеешь право обвинять нас за то, чего мы еще не делали! — добавила Вивьен так же через плечо.

К кирпичной стене под аркой прислонилось привидение Придворного Шута. Длинное безумное лицо повернулось к ним, когда они ступили туда. Джонатан чуть не врезался в Вивьен, поскольку оба до последней минуты смотрели в другую сторону. Они запнулись, останавливаясь, и вытаращились. В полутьме под аркой фальшивого призрака было сложнее разглядеть, но в то же время он почему-то казался гораздо более плотным. Он возвышался над ними обоими, пристально глядя на них.

— Ну, я вас *обвиняю!* — Сэм ступил под арку за ними следом.

Увидев привидение, он остановился. Его голос стал громким шепотом:

— Выглядит жутко реально!

Джонатан сглотнул:

— Но он не реальный. Если попытаешься коснуться его, твоя рука ударится в стену.

Рот Придворного Шута растянулся в широчайшей улыбке.

— Испытай меня, — предложил он.

Его голос был далеким и невнятным, как у человека, говорящего в другой комнате. Он вытянул длинную призрачную руку почти до лица Джонатана. Джонатан поспешно увернулся от нее, отступив назад.

Таким образом, Вивьен оказалась впереди.

— Я попробую, — глубоко вздохнув, произнесла она и потянулась вперед к вытянутой руке, неловко хватаясь за нее, словно лунатик.

И ее рука что-то встретила. Это вызывало у Вивьен приступ страха, какой испытываешь, когда внезапно оказываешься лицом к лицу с большой свирепой собакой. Не то чтобы призрак был свирепым. У нее просто возникло ощущение, что он ненавидит, когда к нему прикасаются. Рука, до которой она дотронулась, была не совсем плотная, но и пустотой она не являлась. Она была холодной, а ткань рукава — шершавой. И хотя ладонь Вивьен не прошла сквозь руку, она знала, что плоть и ткань состоят из чего-то гораздо более разреженного, чем должны бы.

— Я вас чувствую, — произнесла она и обнаружила, что шепчет. — Вы не голый грамм, да?

— Нет, я настоящий, — ответил призрак странным приглушенным голосом. — Вы все можете прикоснуться и поверить.

Его улыбка исчезла, и он стал грустным, но терпеливо стоял, протягивая руку, пока Джонатан, а затем Сэм подходили, чтобы коснуться шершавой ткани его рукава. Сэм немного ткнул пальцем — призрак терпеливо снес и это. Сэм испуганно отступил. Джонатан прочистил горло, но его голос всё равно звучал придушенным.

— Это... в некотором роде плотное.

Призрак убрал руку, и некоторое время они просто смотрели друг на друга, поскольку всем, включая призрака, нужно было прийти в себя после эксперимента.

— Чего вы хотите? — наконец, спросил Джонатан.

— Рассказать о моей проблеме, — ответил призрак.

Удрученная нить его голоса будто дула вокруг арки и доносилась сразу с нескольких направлений. Возможно, подумала Вивьен, голос просто растекся в пространстве, как весь призрак.

— Я пытался добиться, чтобы люди в Городе послушали меня. Но без моей Шкатулки у меня здесь мало субстанции, и они принимали меня за призрака.

— Ну, вы не можете винить людей за то, что они так подумали, когда вы скакали вокруг, играя на волынке, прямо посреди церемонии, — заметил Джонатан.

Призрак покачал головой с грустной озадаченной улыбкой.

— Правда? У меня плохо с памятью. До вчерашнего вечера я не помнил, что должен поговорить именно с вами. Тогда я пришел и попытался, но могущественный человек прогнал меня во имя Хронолога, и у меня не осталось иного выбора, кроме как уйти.

— Хотите сказать, вам нужны *мы*? — недоверчиво спросил Джонатан.

— Что вы такое? — спросил Сэм. — Если вы не призрак на самом деле?

— Я сам. Я — тот, кто был поставлен охранять Железную Шкатулку. И я не справился. Вы видели, как я не справился. Вы видели, как Шкатулку вырыли и украли.

— О! — произнесли они хором.

А Вивьен подумала: «Конечно!» Это же человек с длинными ногами, который так легко пробежал мимо них наверх Тора, крича им поторопиться. Тогда он выглядел гораздо более плотным. Она посмотрела вниз на его почти плотные ноги, стоявшие на булыжнике. Теперь

она узнала заостренные ботинки. Судя по выражению лиц Сэма и Джонатана, они тоже узнали его.

— Но почему вы исчезли? — спросил Сэм. — Вы просто позволили мальчику влезть и украсть ее!

Хранитель Железной Шкатулки безнадежно протянул большую бледную руку.

— Я сделал, что мог. Когда я увидел, что намечается кража, я побежал в ранние дни Железного века, а оттуда — обратно в поздние дни, и на бегу тянул нити истории. В первые века Города Времени это призвало бы могущественную помощь его народа, но выделенное Городу время заканчивается, и это ослабило силу моего призыва. Только вы двое ответили на него.

Сэм и Джонатан неловко переглянулись.

— Тогда я заплел вора в нити истории и обернул их вокруг любого в Железном веке, кто способен помочь, чтобы притянуть их друг к другу. И пришла только одна девочка, а вы трое прибыли слишком поздно.

Длинное лицо выглядело отчаянно грустным.

— А почему вы пришли сюда? — спросила Вивьен.

— Я не знал, что еще делать, — признался Хранитель. — Когда Железная Шкатулка покидает свой тайник, Железный век заканчивается, и я должен вернуться в Город. Так что я прибыл в Город Времени в надежде, что моя Шкатулка возвращена на свое место в Гномоне. Но ее там нет. Ее украли.

— Мы знаем. Мы тоже ничем не помогли, — Джонатан был так удручен, что стал похож на Вечного Уокера. — Слушайте, Город Времени в самом деле приближается к концу? Мы *ничего* не можем сделать?

Хранитель грустно посмотрел на него.

— Он движется к своим последним дням. Великий Год почти закончился, да. Но если получится предупредить Хранителей остальных трех Шкатулок, и Серебряная, Золотая и Свинцовая будут в сохранности принесены в Гномон, тогда первые дни могут начаться заново.

— Значит, мы... — начал Джонатан, но Вивьен нетерпеливо перебила его:

— *Кто* этот вор? Повелительница Времени?

Длинное бледное лицо Хранителя повернулось к ней с выражением крайнего упрека. Он медленно и грустно покачал головой и одновременно начал исчезать в стене арки. И вот они уже смотрели на ряды узких красных кирпичей с остаточным изображением длинноногой фигуры на них. Вивьен готова была пнуть себя. Она ощущала жар и холод и слабость в ногах, как бывает, когда сказал нечто абсолютно ужасное. Хотела бы она знать раньше, что это прозвучит так ужасно. Между тем Джонатан грыз косяк и всё еще выглядел таким же страдающим, как его отец, а Сэм, похоже, до сих пор задерживал дыхание. Он с ревом выдохнул.

— Не стойте здесь просто так! *Сделайте* что-нибудь!

— Да, но сначала мы должны подумать *как*, — ответил Джонатан.

Он пошел наружу — к площади Эры, хмурясь и жуя косяк. Вивьен последовала за ним. Судя по шлепанью шнурков, Сэм шел позади.

— Если это действительно был Хранитель Железной Шкатулки, а не еще одна студенческая шутка, — добавил Джонатан.

— Нет, он был слишком грустный, — возразила Вивьен. — И слишком настоящий.

— Значит, дела обстоят не так, как мы думали.

— И тот мальчик не имеет никакого отношения к Повелительнице Времени, — сказал Сэм. — Так что давай думай. Нам нужны сейчас идеи твоего типа.

Джонатан обернулся, огрызнувшись:

— Я думаю. Но сначала моему мозгу необходимо приспособиться. Кроме того — ты вот знаешь, где находятся остальные Шкатулки? Ты имеешь хоть какое-нибудь представление, который кусок тысяч лет истории является Золотым веком? Или Свинцовым веком? Нет, думаю, не знаешь. Так что — заткнись!

Они с Вивьен продолжили идти по площади, сопровождаемые тяжелым дыханием и выразительным шлепаньем шнурков. Но, конечно же, они собрались вместе вокруг Камня Фабера Джона в центре. Джонатан уставился на целую паутину новых трещин, растянувшуюся от вчерашних.

— Думаю, Город Времени действительно приближается к своим последним дням, — несчастно произнес он. — Что нам делать? Как мы найдем других Хранителей?

— У меня есть небольшая идея, — нерешительно сказала Вивьен.

Джонатан развернулся к ней, а Сэм вскинул голову, уставившись на нее. Она почувствовала себя дурочкой.

— Ну... если двадцатый век — часть Железного века, а я полагаю, он *должен* быть, раз Железная Шкатулка украдена из него, и он является частью Нестабильной эпохи, так? Вам не кажется, что остальные три века могут быть тоже Нестабильными эпохами?

Она присела на корточки и разложила подковообразную диаграмму доктора Виландера на треснутом камне. К этому моменту она уже довольно прилично ее изучила. Длинные белые промежутки и более короткие серые. И, как она помнила, серые куски равномерно распределились по истории — будто специально. Впервые в жизни она обнаружила, что учеба приносит хоть какую-то пользу.

— Смотрите.

Джонатан выпустил косу из зубов и опустил ее на колени, чтобы посмотреть.

— Но других Нестабильных эпох семь, нет, восемь.

— Шесть из них маленькие — всего лишь около ста лет, — заметила Вивьен.

— Только три длинные, — произнес Сэм, обдавая их дыханием словно ветром — он лежал на животе, поместив подбородок почти на диаграмму.

— И все они на расстоянии примерно в тридцать столетий друг от друга, — сказал Джонатан. — Я никогда раньше не замечал, — он ткнул пальцем в Третью Нестабильную эпоху: от 5700 до 6580 года. — Значит, эта *может* быть Серебряным веком, поскольку следует за Железным. И... — его палец двинулся по кругу к последнему длинному серому куску. — ...Эта может быть либо Свинцовым веком, либо Золотым. Но значит, четвертый век должен быть одним из коротких. В любом случае, стоит посмотреть в Третьей и Девятой Нестабильных эпохах — что там? — от века девяносто два до века сто...

Их прервал громкий звон колокола из Продолжительности. Несколько оставшихся детей со всех ног бежали по краю площади Эры.

— О, великое Время! — воскликнул Джонатан. — Я никогда так не опаздывал!

Они вскочили. Вивьен сгребла диаграмму и сложила ее, когда они помчались по плитам. Они опоздают. Колокол замолчал задолго до того, как они добрались до Продолжительности.

— Ты догадалась, В.С.! — выдохнул Джонатан на бегу. — Но нам понадобится помощь,

чтобы разобраться, какой век какой. Давай разговорим Виландера.

Тем утром школа показалась Вивьен не такой уж плохой, даже несмотря на то, что она опоздала. Возможно, потому что теперь она знала, чего ждать. Она провела довольно много времени, используя функцию ручки, чтобы рисовать длинноногих мужчин в высоких мягких шляпах, и размышляя о бедном грустном Хранителе Железной Шкатулки. Она заинтересовалась, чем может заниматься в Городе Времени не совсем реальный человек. Наверное, появляется и исчезает в поисках помощи. Выходит, в итоге это не студенческая шутка...

Потом Вивьен стала думать о том, что сказал Хранитель. Звучало так, будто он не мог схватить вора сам. Возможно, он стал слишком призрачным — теперь, когда Город Времени приближался к концу своих дней. Значит, он вызвал волну хаоса в двадцатом веке и истории перед ним, пытаясь получить помощь, но всё, чего добился — заставил отца Сэма и Патруль Времени зря тратить время, охотясь за ним.

«Мы должны рассказать им о воре!» — с беспокойством подумала Вивьен. Хранитель, похоже, считал, что вор попытается украсть все Шкатулки, или полярности, или что они такое. И, возможно, он прав. Зачем красть лишь одну, если можешь перемещаться по времени так, как тот мальчик? Возможно, сейчас он движется к Серебряному веку. Но как заметил Джонатан, если они кому-нибудь расскажут об этом, у них будут неприятности. И никто не стал слушать намеков Джонатана. Почти единственное, что они *могли* — сами пойти предупредить остальных Хранителей, то есть то, чего хотел Хранитель. Они смогут это сделать, если временное яйцо будет работать как следует. Но сначала они должны узнать, куда отправляться. Джонатан был прав. После обеда им придется добиться, чтобы доктор Виландер рассказал им.

Вивьен ожидала, что Джонатан захочет пораньше побежать к доктору Виландеру. И потому была удивлена, когда вовсе не видела его в течение всего перерыва на обед. В двенадцать тридцать пять, согласно ее поясным часам, его по-прежнему нигде не было видно. Вивьен подождала еще несколько минут, после чего вырвалась из нетерпеливой толпы, которая хотела послушать о войне. Жутко нервничая, она направилась в Перпетуум одна.

Джонатан обнаружился на лужайке со статуями снаружи Континуума. Он прислонился к внушительной статуе женщины без рук, увлеченно разговаривая с одним из студентов: тем молодым человеком, который предлагал чаевые за фильм о Хранителе, прерывающем церемонию. Вивьен помнила короткий белый килт и мускулистые ноги. Разговаривая с Джонатаном, молодой человек растянулся на траве, удобно согнув одну из мускулистых ног над громадной ступней статуи. Из этого положения он заметил Вивьен раньше Джонатана и дружески помахал ей.

— О, неужели уже так поздно? — спросил Джонатан. — Леон, это моя кузина В.С. Познакомься с Леоном Харди, В.С., он из века сто два.

Леон Харди изящно поднялся на ноги.

— Рад знакомству, Ви, — улыбнулся он, обнажив два ряда белых зубов на загорелом лице.

Вивьен немало смутилась. Он ужасно походил на кинозвезду.

— Разве сто и какой-то век не Нестабильная эпоха? — с сомнением спросила она.

— Сразу после окончания Девятой, — ответил Леон. — Последняя Фиксированная эпоха перед Депопуляцией — но она происходит через несколько столетий после моего

времени. Мое время занято исправлением беспорядка, оставленного Кончиной Европы. Это захватывающее время, полное новых технологий, и я прибыл сюда, чтобы изучить всю Науку, какую смогу.

— Нам пора идти, — сказал Джонатан.

— Иначе Виландер спустит вас по всем лестницам Перпетуума, — засмеялся Леон. — Я слышал, он однажды угрожал этим Энкиану. Хорошо, юный Джонатан. Плата за отчет очевидца на подходе. Ожидай новостей от меня через пару дней.

«Так вот о чем они говорили!» — подумала Вивьен. Она шагала рядом с Джонатаном по сводчатому коридору Континуума, размышляя, почему люди, которыми так восхищаешься в качестве кинозвезд, не нравятся в реальной жизни.

— Что он подразумевал под платой? — спросила она.

— Расскажу позже, — ответил Джонатан.

Вивьен посмотрела на него и поняла, что он идет своей самой упругой и величественной походкой. «О, нет! — подумала она. — У него опять появилась одна из этих его идей! Надеюсь, он не собирается теперь похитить кого-нибудь еще!»

Глава 10. Церемонии

Большинство лестниц Перпетуума они преодолели бегом. Похоже, это был один из тех дней, когда опаздываешь повсюду. Даже с помощью функции снижения веса Вивьен с Джонатаном ворвались в РЕДКИЙ КОНЕЦ, опоздав почти на пять минут. Доктор Виланде сидел, зажигая трубку. Он всего лишь пристально посмотрел на них сквозь дым, но оба не смели пошевелиться или заговорить, пока он не проворчал:

— Вижу, вы, по крайней мере, не собираетесь тратить еще больше времени на ничтожные оправдания. Садитесь. Вивьен, как дела с переводом?

— Вторая часть — странная, — признала Вивьен.

— В таком случае продолжай и сделай ее осмысленной, пока я потрошу твоего кузена, — прогрохотал доктор Виландер.

Вивьен старалась изо всех сил, слушая, как щелкают книжные кубы и как зубы Джонатана грызут волосы. В пахнувшей деревом странной комнате царила умиротворенная атмосфера — слишком умиротворенная. Отдышавшись, Вивьен постепенно осознала, что Джонатан почти ничего не спрашивает, а те вопросы, которые он все-таки задает, не имеют ничего общего с Нестабильными эпохами. У Вивьен возникло неотвязное чувство, что что-то неправильно. Она не имела ни малейшего представления, почему Джонатан не стал выуживать информацию о Четырех Веках, но решила, что ей стоит попытаться самой. Если она осмелится, конечно.

— Э... — произнесла Вивьен.

Доктор Виландер повернул к ней громадную голову:

— Да?

Встретив взгляд маленьких умных глаз, смотревших на нее сквозь дым, Вивьен струсил.

— Я не знаю, означает ли этот символ «комичный» или «старый», — сказала она.

— Попробуй «причудливый» — это значит и то, и другое, — проворчал доктор Виландер и вернулся к Джонатану.

Вивьен вздохнула и попыталась погрызть функцию ручки. Ее зубы щелкнули на пустоте. «*Давай!* — велела она себе. — Спроси! Будь изобретательной, или ты никогда не вернешься домой к маме». Не помогло. Она слишком боялась доктора Виландера, чтобы сказать что бы то ни было, пока он не повернулся к ней всем корпусом.

— А теперь послушаем дальнейшие приключения кузнеца и умножающихся с бешеной скоростью старых леди.

— Но сначала... — едва произнесла это, Вивьен ощутила тот же приступ страха, который испытала, когда прикоснулась к почти плотной руке Хранителя, однако заставила себя продолжить: — Прежде чем я начну читать, не могли бы вы, пожалуйста, рассказать мне о Нестабильных эпохах? Я имею в виду, как определяется, что они таковые. И всё о них.

Ну, вот и всё. Вивьен трясло, а Джонатан уставился в свой лист, продолжая писать, делая вид, будто не имеет к этому никакого отношения. Но она знала, что это важно.

— Пытаешься оттянуть час расплаты, а? — проворчал доктор Виландер.

Но, спокойно выпустив клуб дыма из трубки, он поразмышлял над тем, что сказать.

— Поскольку ты сама только что прибыла из одной из них, полагаю, ты должна быть озадачена, — заметил он. — Невозможно понять, что они Нестабильные, если живешь в них.

Их можно определить только снаружи — здесь, в Городе Времени. И не только никто в Нестабильной эпохе не знает, что случится в их будущем — *никто вообще* не знает. Оно может изменяться изо дня в день, — он положил трубку на стол и сцепил толстые волосатые ладони на громадном колене. — Но оставим эпоху, из которой ты прибыла. Это кошмарная неразбериха, особенно сейчас. Давай возьмем более близкую. Рассмотрим Город Времени.

— Город Времени! — воскликнула Вивьен.

Джонатан был так поражен, что бросил делать вид, будто он ни при чем, и развернул стул, чтобы присоединиться к разговору.

— Но Город Времени не Нестабильный!

— Что и требовалось доказать, — проворчал доктор Виландер. — Ты не знаешь этого, потому что живешь в нем. Конечно, он Нестабильный, мальчик! Если бы ты смог оказаться снаружи времени и истории, ты бы обнаружил, что прошлое и будущее Города так же изменчиво, как прошлое и будущее века двадцать. Почему, ты думаешь, у нас есть записи каждого года истории и почти ни одной о самом Городе? Потому что эти записи останутся верными, конечно же. И *ты* знаешь, что произойдет в Городе завтра? Нет. И я не знаю.

— Но мы *знаем*! — возразил Джонатан. — Мы знаем погоду и какие церемонии назначены...

— Церемонии! — прорычал доктор Виландер. — Вероятно, их изобрели, чтобы заставить людей *чувствовать*, будто они знают, что случится завтра. Это единственная польза, что я когда-либо видел в них. Или, возможно, когда-то в них заключался смысл. О, я допускаю: Город Времени — самая небогатая событиями и *кажущаяся* стабильной Нестабильная эпоха, но только и всего. Возможно, мы можем надеяться на небольшой кризис, когда он подойдет к концу — и поскольку на данный момент он почти прошел круг к собственному началу, этот конец не за горами, — но у меня есть предположение, что он просто иссякнет во время той или иной церемонии. Пока этот глупец Энкиан жалуется, что его поставили в процессии слишком низко. Ха!

— Вы сказали, он возвращается к собственному началу? — спросила Вивьен.

— Да. Передай мне диаграмму.

И когда Вивьен протянула доктору Виландеру диаграмму, он показал, что имел в виду, проведя большим квадратным пальцем по подкове от левого конца, помеченного «Каменный век», до правого с надписью «Депопуляция Земли».

— Город просуществовал целую длину истории, — большой палец остановился на пустом пространстве между началом и концом истории. — Вот. В данный момент он движется в разрыв, где почти наверняка он начался. Когда он достигнет середины этого разрыва, — палец постучал по самому верху диаграммы, — он, вероятно, распадется. Конечно, люди пытаются придумать способы предотвратить это. Проблема в том, что мы не знаем, что произойдет. Возможно, ничего. Или, возможно, он станет критическим, как век двадцать, из которого ты прибыла.

Джонатан бросил на Вивьен испуганный взгляд.

— О, — произнесла она: не совсем то, что она пыталась разузнать, но в любом случае знать это стоило. — Если он станет критическим, он увлечет за собой всю историю?

— Это одна из многих вещей, которые мы не знаем, — ответил доктор Виландер. — Нет смысла смотреть так испуганно, девочка. Ты здесь ничего не можешь поделать. И довольно этого. Теперь перевод. Пропусти первый кусок — ты наверняка запомнила его — и зачитай

остальное.

Вивьен вздохнула, поскольку первый кусок был единственной частью, в которой имелся смысл, и начала:

— Первый Офицер Патруля Времени...

— Хранитель, — поправил доктор Виландер. — Полагаю, это прогресс по сравнению со старыми леди. Нужное слово — Хранитель.

— Хранитель, — покорно повторила Вивьен, — в Железном веке находится на холме и является высоким мужчиной с причудливой (правильно?) погодой и скучными рубашками...

— Причудливым характером и темной одеждой, — произнес доктор Виландер.

— Что идет ему в первую очередь.

Вивьен внезапно осенило, что она читает описание того самого Хранителя, которого они встретили утром. О, если бы она могла сделать текст более осмысленным! Возможно, если он будет достаточно бредовым, доктор Виландер вырвет бумагу из ее рук и прочитает сам. Но этому не суждено было случиться.

— Нет, *нет!* — прервал доктор Виландер. — Как и полагается Хранителю раннего Века. Продолжай.

Вивьен вынуждена была, запинаясь, продолжить — доктор Виландер поправлял чуть ли не каждое слово — и в процессе постараться извлечь смысл. Джонатан даже не пытался делать вид, будто выполняет данное доктором Виландером задание. Вивьен заметила, как расширились за мерцанием зрительной функции его глаза, глядя на нее поверх косы, жадно ожидая каждого следующего слова. К ее облегчению, он догадался записывать на запасном листке заменителя бумаги по мере того, как она, спотыкаясь, продвигалась вперед. Позже, когда они медленно спускались обратно по лестницам, а Город Времени появлялся наискось так и эдак вокруг них — однажды даже почти над их головами, — он зачитал записанное вслух.

— Вот оно, — сказал Джонатан. — «А второй Хранитель находится в море, которое высохло, и весь в серебре, что приличествует Веку, в котором создают и убивают необыкновенными способами». Интересно, почему? «Третий Хранитель молод и силен и всецело является человеком Золотого века. Он одет во всё зеленое, поскольку живет в лесу, покрывшем город, который когда-то был великим. А четвертый Хранитель отправляется тайно, чтобы никто не догадался, где лежит Свинцовая Шкатулка, поскольку она самая ценная из всех». О, во имя Времени, В.С.! Ты идиотка! Почему ты не сказала, о чем это?

Вивьен сосредоточила взгляд на блеске Тысячелетия, лежащего на боку у зеленого горизонта.

— Я не могла понять ни строчки, — ответила она. — Я понятия не имела, что здесь говорится, как найти Шкатулки.

— Да, но здесь говорится *недостаточно*, — недовольно произнес Джонатан. — Знание, что Железная Шкатулка находится на холме, не больно много дает, если только не знаешь изначально, где этот холм. И существует около десяти морей, высохших в то или другое время. Что касается городов, которые когда-то были великими, я сходу могу назвать сорок, начиная с Трои и заканчивая Миннеаполисом. Однако, если я дам это Леону Харди, он может что-нибудь выяснить.

— Почему? Что ты ему рассказал? — спросила Вивьен.

— Ничего, на самом деле. Я действовал весьма хитро. Но он предложил мне всё, что я захочу, в обмен на рассказ о Хранителе, проходящем в танце сквозь церемонию, так что я

попросил его поискать в записях легенды о Шкатулках. Студенты могут рыться в любых разделах Перпетуума, и никто не спросит, что они делают, вот я и подумал, он может найти, где и когда спрятаны полярности.

Вивьен сильно встревожилась. Может, Леон Харди в самом деле милый, но он старый — достаточно старый, чтобы не снисходить до вещей, которые кажутся важными детям их с Джонатаном возраста.

— Надеюсь, ты попросил его никому не рассказывать.

— Он это понимает, — беззаботно ответил Джонатан, ныряя в следующий лестничный пролет, который перевернул купол Годов вверх ногами. Купола-близнецы Науки теперь скрыли из вида Тысячелетие. — И я убедил его в любом случае сосредоточиться на Девятой Нестабильной эпохе, поскольку он сам родом из близкого к ней времени и много о ней знает. Видишь? Утром в Продолжительности мне пришла в голову отличная идея. Думаю, *сначала* мы должны предупредить Хранителя последней Шкатулки, чтобы он был готов задолго до того, как туда доберется вор, и, возможно, мы убедим его помочь нам найти двух остальных. Но прежде нам надо узнать, где он находится. Ты понимаешь?

Это имеет смысл, согласилась Вивьен. Но она по-прежнему чувствовала себя неудобно. Пришлось напомнить себе, что, судя по их призракам времени в коридоре, они с Джонатаном сделают что-то в этом роде — и, по-видимому, безопасно и успешно. Потом она напомнила себе, что Джонатан сумел весьма ловко вытащить ее с вокзала в 1939 году так, что никто не заметил. Эта мысль настолько успокаивала, что Вивьен почти забыла: похищение само по себе было ошибкой.

Войдя во дворец Аннуарий, они обнаружили, что готовится еще одна церемония. Вестибюль был усеян золотыми шляпами и украшенной драгоценными камнями обувью. Где-то наверху топали ноги и кричали голоса. Джонатан бросил один взгляд на бардак и тихо исчез. Вивьен даже не заметила, как он ушел, поскольку в этот момент по лестнице слетела толпа с Вечным Уокером во главе.

— Не *эта* золотая шляпа! — проревел Вечный Уокер. — Мне нужна Ампорийская Митра, идиот! И куда, черт возьми, дели Ампорианскую Ризу?

Он развернулся и устремился по вестибюлю к утренней. Все остальные ринулись за ним. Элио пробежал позади толпы, размахивая золотой, похожей на жилет вещью. Самой последней, семеня, спустилась Дженни. Она, видимо, тоже участвовала в церемонии, поскольку была наполовину одета для нее: в сине-сиреневое платье, узкое до колен и расклешенное книзу, — и выглядела обеспокоенной больше, чем обычно.

— О, Вивьен! — воскликнула она. — Будь умницей — найди ему Ампорийскую Митру. Она должна быть *где-нибудь*. Мне тоже надо одеться. Это одна из действительно крупных церемоний, и мы не смеем опаздывать.

— Как она выглядит? — спросила Вивьен.

— Как золотая водосточная труба, — ответила Дженни через плечо, когда засеменила обратно наверх.

Вивьен охотно устремилась на поиски. Это было гораздо веселее, чем беспокоиться о Шкатулках и их Хранителях, и давало ей чудесную возможность порыться в тех частях дворца, где она еще не бывала. Пока она искала, толпа людей время от времени пронеслась мимо — впереди Петула махала чем-то пушистым, а позади Элио размахивал золотой жилеткой. Иногда они бежали, наступая Вечному на пятки. Иногда Вечный пробегал сам по себе, требуя Митру, или Совмещающий Посох, или горностаевые котурны^[8]. Каждый раз,

когда он появлялся, хихиканье поднималось в горле Вивьен, и ей приходилось прятаться за ближайшую дверь, чтобы посмеяться.

Так она в итоге и нашла Ампорийскую Митру. Очередная комната, в которой она спряталась, оказалась ванной. По крайней мере, Вивьен думала, что это ванная, судя по мокрым отпечаткам ног Вечного на пробковом полу. Но в своей части двадцатого века она никогда не встречала ничего похожего на громадную стеклянную ванну, стоявшую где-то посередине между полом и потолком, полную зеленой, кипящей точно в котле воды. Взгляд зацепился за нечто, похожее на золотую водосточную трубу на другой стороне стеклянной ванны, и сначала Вивьен подумала, что это *и есть* просто золотая труба. К счастью, она была так изумлена ванной, что обошла ее вокруг. И там на влажном полу лежала шляпа.

Вивьен схватила ее и присоединилась к погоне, размахивая шляпой и крича Вечному Уокеру, что нашла ее. Но он просто пронесся вперед и не обратил ни малейшего внимания. После того, как все промчались наверх на чердак, а затем снова вниз и, похоже, собирались вернуться на чердак, смех настолько душил Вивьен, что у нее совсем не осталось дыхания. Так что она просто подождала в вестибюле, пока все не примчатся обратно.

Вечный Уокер появился первым, несясь к ней вниз по лестнице — один горностаевый котурн хлопал на его ноге, а другой он держал в руке.

— Где Ампорийская Митра? — проревел он.

Вивьен глубоко вдохнула, чтобы перестать смеяться.

— *Здесь!* — крикнула она и задержала остаток дыхания в попытке подавить хихиканье.

Но это не помогло. Когда она впихнула шляпу в свободную руку Вечного, смех вырвался наружу. Она практически фыркнула ему в лицо. После чего ей пришлось согнуться пополам, по щекам потекли слезы.

— О, о, о! — произнесла она. — Вы такой *забавный!*

Вечный Уокер замер в абсолютной неподвижности, одарив ее самым страдающим своим взглядом. Пока он стоял и смотрел, Петула сбежала по лестнице и протянула ему Совмещающий Посох. Элио прорвался сквозь толпу других людей, в беспорядке тянущихся за ней, и набросил ему на плечи золотую, похожую на жилетку вещь.

— Ампорианская Риза, сэр, — произнес он.

Он единственный из всех не задыхался.

Вечный Уокер обратил страдающий взгляд к Элио. После чего обвел глубоко раненным взглядом остальных отставших и зашагал к своему кабинету, хлопая котурном. Все спокойно последовали за ним, неся свои части регалий. Вивьен осталась, чувствуя себя точно так же, как утром, когда сказала Хранителю то, чего не следовало говорить.

— Вы не должны были смеяться, мисс, — серьезно объяснил Элио, прежде чем последовать за другими. — Не в лицо, то есть. Вечный, как и все рожденные люди, нуждается в адреналине, а работа у него страшно скучная. Я обычно стараюсь перед каждой церемонией положить в неправильное место хотя бы один предмет одежды.

Теперь Вивьен скорее плакала, чем смеялась.

— Он простит меня?

— Не знаю. Никто прежде не смел смеяться над ним.

Чувствуя себя пристыженной, Вивьен просидела в утренней, пока во дворце не установилась тишина. Только тогда она вышла в вестибюль. Как она и ожидала, Джонатан беззаботно спускался по лестнице, делая вид, будто он по чистой случайности снова появился как раз в тот момент, когда суматоха закончилась.

— Пойдем посмотрим церемонию, — предложила Вивьен.

Она чувствовала, что должна это Вечному Уокеру.

— Ты правда хочешь? — удивился Джонатан. — Она будет ужасающе скучной.

Но он любезно пошел с ней на площадь Эры, где они втиснулись в ряды туристов возле стеклянной аркады. Они подошли вовремя, чтобы увидеть, как нарядная группа Патрульных Времени марширует из здания Патруля и занимает позицию рядом с Камнем Фабера Джона. Люди в красных, белых и синих мантиях колоннами выходили из других зданий и арок и тоже занимали позиции. Затем появились процессии. Среди множества людей, передвигающихся мелкими шагами из-за узких мантий, Вивьен разглядела Дженни, теперь завернутую в просторный розовато-лиловый плащ. Она увидела мистера Энкиана, важно шагающего во главе ряда Библиотекарей в синих мантиях. Здесь была и группа студентов в пыльно-зеленых одеяниях. Похоже, участие принимали все. Даже доктор Виландер — возвышающийся в поношенной фиолетовой мантии. Теперь Вивьен поняла, почему он столько времени проводит, сидя в РЕДКОМ КОНЦЕ. Он довольно сильно хромал.

Она видела, как отец Джонатана медленно шагает следом — величественный и золотой, с поднимающейся над его головой высокой шляпой-трубой.

— Что эта церемония изображает? — спросила Вивьен.

— Понятия не имею, — ответил Джонатан.

— В таком случае ты должен узнать, — заметил строгий мужчина рядом с ними.

Он явно был туристом — в респектабельных драпировках в сине-желтую клетку. Он сложил свой Информационный Листок и вытянул его перед Джонатаном.

— Это первая из Четырех Церемоний Основания Города. Она очень старая — возвращается к самому началу и отмечает первые мгновения, когда Город Времени был отделен от истории. Ты должен гордиться тем, что видишь ее, мой мальчик. Мы приехали специально для этого, — он забрал Информационный Листок и с беспокойством добавил: — И здесь *говорится*, что положенный по прогнозу дождь задержится до конца церемонии. Надеюсь, это так.

Значит, Город действительно вернулся ко времени, когда был основан, подумала Вивьен. Она ощутила внезапное беспокойство. Еще одна процессия начала извиваться от Вековой площади. Эта, похоже, состояла из обычных людей — все были одеты в простые бледные пижамы, и у каждого вокруг шеи висела некая цепь. Солнце сверкало на цепях и вспыхивало на пряжках и начищенных сапогах Патрульных Времени. Отец Джонатана полыхал золотом среди ярких мантий. Не было ни малейших признаков дождя, о котором говорил турист, но он приближался, нависая над церемонией — так же как конец всего нависал над Городом Времени. Что случится со всеми этими людьми, если Город Времени просто рухнет?

Видимо, Джонатан подумал о том же.

— Я не хочу, чтобы всё это исчезло, — сказал он.

— Не исчезнет. Мы что-нибудь предпримем, — ответила Вивьен. — Хранитель призвал нас к этому.

Но церемония продолжалась. Сэм нашел их и пять минут постоял рядом, после чего громко зевнул и ушел. Вивьен чувствовала, что после сказанного туристом будет некрасиво тоже уйти. Так что она развлекалась, нажимая кнопки на своем поясе. Функция времени — они наблюдают здесь уже больше часа, — функция ручки, отчет о погоде — через две минуты начнется дождь, — функция снижения веса — на этом месте строгий турист одарил

ее весьма упрекающим взглядом, — и наконец, кредитная функция. На ее ладони засветилось: «00.00». Вивьен пораженно уставилась на цифры. Она заново нажала кнопку, и еще раз. Функция по-прежнему показывала: «00.00».

— Джонатан! В чем дело? Вчера утром здесь была сотня, а я еще ничего не *потратила!*

— Спроси Элио. Должно быть, какая-то ошибка. И ты только посмотри туда!

Вивьен посмотрела, куда кивнул Джонатан. Все важные люди сформировались в новую процессию, во главе которой гордо вышагивал мистер Энкиан. Доктор Леонов, Высший Ученый, шел позади мистера Энкиана, рядом с громадной фиолетовой массой доктора Виландера. И бедный безумный Железный Хранитель тоже присоединился к процессии. Шляпа с мягкими полями подпрыгивала, и он с крайне серьезным лицом точно копировал важный шаг мистера Энкиана. Возможно, он думал, что так следует ходить. Доктор Леонов бросил на него сомневающийся взгляд, а потом, видимо, решил, что это призрак времени или еще одна студенческая шутка. Доктор Виландер, должно быть, пришел к такому же выводу, поскольку вовсе не обратил внимания на Хранителя и просто продолжал мрачно хромать, неотрывно уставившись в напыщенную спину мистера Энкиана. Довольно много людей заметили. Волна позабавленного бормотания пронеслась по той стороне площади. Однако мистер Энкиан был чересчур поглощен собственным величием, чтобы заметить.

А потом стеной полил дождь. Вивьен обрадовалась предложению уйти. Строгий турист и его жена подняли над головами сине-желтый навес и остались смотреть, но Вивьен с Джонатаном побежали к Закрытию Времени, мимо раскрывавшихся вокруг них зонтиков всех возможных форм и размеров. Элио тоже смотрел церемонию. Они встретились с ним под аркой, пробившись сквозь толпу укрывшихся там промокнувших людей. К этому времени дождь колотил по булыжникам Закрытия Времени и лился по всем водостокам зданий. Они втроем помчались ко дворцу Аннуарию.

Там, когда они стояли, капая на узорный мраморный пол, Вивьен воспользовалась возможностью рассказать Элио о кредите на ее поясе. Элио попросил посмотреть на него. Вивьен сняла тяжелый намокший ремень и передала его. Вода закапала на него с бледных прямых волос Элио, когда он пропустил пояс сквозь пальцы. Он выглядел раздосадованным.

— Я взвесил шансы, — сообщил он, — и решил, что нам не нужна функция защиты от дождя. Мои расчеты основывались на том, что мы окажемся снаружи только во время двух процентов годовых ливней. Но я забыл: два процента столь же мокрые, как и любой другой дождь. Нет, этот пояс в прекрасном рабочем состоянии. Ошибка должна быть в городском компьютере, — он вернул Вивьен пояс. — Я проверю компьютер завтра. Прямо сейчас я буду занят. Вечный вернется очень мокрым и очень сердитым.

Однако Вивьен выяснила, что не так с ее поясом, на следующее утро, задолго до Элио. Это было сырое, синее утро после дождя. Они с Джонатаном отправились в школу и обнаружили, что Сэм не ждет их как обычно у фонтана. Вивьен показалось, что она видела, как он прячется под аркой. Но Джонатан быстро возразил:

— Нет, это, должно быть, Леон. Я попросил его встретить меня там, если он что-нибудь найдет. Иди спроси про Сэма — вон тот дом, — пока я говорю с Леоном.

И с развевающейся за спиной косой он побежал к арке, явно сильно взволнованный.

«Хм, — подумала Вивьен, пока шла к дому из розового кирпича, на который указал Джонатан. — Похоже, Джонатан не хочет, чтобы я знала, о чем он говорит с Леоном Харди. Интересно, почему?»

Она остановилась и посмотрела на парадную дверь дома Донегалов. Она не нашла ни

молотка, ни звонка. Но наверняка должно быть какое-то другое устройство. Пока Вивьен стояла, думая, что делать, дверь открылась и, заправляя верх своей пижамы-униформы за пояс, вышел отец Сэма, явно собиравшийся на работу.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Я ждал тебя. Нет смысла звать Сэма. Он не пойдет сегодня в Продолжительность. Боюсь, он устроил себе очередную оргию со сливочными пирожными, доведя себя чуть ли не до смерти.

Как только отец Сэма сказал это, Вивьен поняла, что случилось с ее поясом.

— О, — произнесла она. — Спасибо.

И она повернулась к арке. Но мистер Донегал закрыл дверь и в самой дружелюбной манере шагнул к ней. Это заставило Вивьен чувствовать себя ужасно неловко. Во-первых, она была жутко зла на Сэма. Во-вторых, она хотела услышать, что Леон Харди говорит Джонатану. А самое главное, она поняла, что сильно стесняется отца Сэма. От него исходило ощущение яростной энергии, какого она не встречала в других людях Города Времени. Вивьен была уверена: это то ощущение, которое исходит от человека, наделенного большой властью, который отдает приказы и которому подчиняются, что тревожило само по себе. Но она помнила, что мистер Донегал вроде как ее дядя, и приложила все силы, чтобы улыбнуться ему, как племянница.

— Я думала, у Сэма нет кредита, — сказала она.

— Нет. Вчера вечером во время церемонии он пробрался в Здание Патруля и покопался в моем компьютере. Добился, чтобы он выдал ему ленту чьего-то чужого счета — хитрый маленький чертенок! — мистер Донегал говорил сурово, но Вивьен видела, что в глубине души он немало гордится Сэмом. — Он не говорит, чей это был счет. Не смогли из него вытянуть.

«Но я знаю! — подумала Вивьен. — Просто потому, что он дулся из-за того, что мы с Джонатаном уйдем без него, а мы еще даже не *ушли!*» Она разозлилась на Сэма больше, чем когда-либо. Но она ничего не сказала мистеру Донегалу, поскольку хотела сама отомстить Сэму.

— Сколько он съел? — спросила она.

— На сто единиц, можешь себе представить?

Вивьен могла. Это стало последним доказательством. Она хотела бы рассказать Джонатану, который стоял под аркой, разговаривая с Леоном Харди. Но, к ее разочарованию, оба обернулись, увидели Вивьен и мистера Донегала, идущих по Закрытию Времени, и направились на площадь Эры, продолжая бурно что-то обсуждать.

— Я хотел поговорить с тобой, — сказал мистер Донегал, — о веке двадцать.

— Да? — нервно произнесла Вивьен.

— Он становится совершенно критическим. Теперь затронута и Первая Мировая война. Волна откатилась назад до события, называемого англо-бурская война. В настоящий момент вторая война начинается в тридцать седьмом году. Там становится довольно-таки скверно. Я не стану тебе лгать, но я также и не хочу, чтобы ты беспокоилась.

«Но я *беспокоюсь!*» — подумала Вивьен, когда они вошли под тень арки. Она забыла о Сэме и о Джонатане с Леоном Харди. Она могла думать только о том, что с ее родителями.

Они вышли на яркий свет площади Эры, где маленькие фигуры Джонатана и Леона стояли за Камнем Фабера Джона.

— Твои родители в безопасности, — добавил мистер Донегал.

Будто прочитал мысли Вивьен, вот только он имел в виду не тех родителей.

— Наблюдателям дается полная защита, и Патруль Времени постоянно приходит проверять. Не отрицаю, я был немного сердит на твоего отца из-за того, как он задержался с докладом об ухудшении, но это не значит, что я пренебрегаю им или Ингой. Я отправляю в Хронолог запрос Нулевого Часа, чтобы отозвать всех Наблюдателей из этой эпохи. Я подумал, тебе захочется узнать, что Хронолог выполнит запрос, только они слегка задержатся из-за всех этих Церемоний Основания. Это не могло произойти в худшее для нас время! Но не беспокойся. Твои родители в целости и сохранности вернутся в Город Времени самое большое через три-четыре дня.

— С-спасибо, — сумела выговорить Вивьен.

Они пошли дальше к Камню Фабера Джона. Мистер Донегал продолжал говорить Вивьен смутно слышала, как он рассказывает, что Патруль Времени все еще не нашел источник всех проблем, и подозревала, что он скажет, что Вторая и Третья Нестабильные эпохи тоже в беспорядке, но она уже не слушала. Когда он, наконец, бодро похлопал ее по плечу и рысью — прямо как Сэм — направился к Зданию Патруля, ноги Вивьен почти отказывались двигаться. К этому моменту Джонатан находился уже у дверей Продолжительности. Вивьен видела, как Леон помахал ему и зашагал вдоль края площади, мимо вереницы детей, спешащих к Продолжительности. Приложив громадное усилие, она смогла пересечь остаток площади. Она была настолько встревожена, что почти не могла четко мыслить.

Через три-четыре дня Ли вернутся, и настоящая кузина Вивьен с ними. Почему-то она никогда не задумывалась о такой возможности. Довольно глупо с ее стороны. Дженни еще несколько дней назад говорила об отзыве Наблюдателей.

— Я жила, — выдохнула Вивьен, — в — как это мама называет? — в раю для дураков. Вот кто я: дура в раю. Как *глупо!*

Она обрадовалась школе, отвлекающей ее от этих мыслей, несмотря на то, что утренние уроки оказались не столь оживленными без Сэма, производящего шум каждые несколько минут. Но по крайней мере всеобщие символы отвлекали от размышлений о Ли. Вивьен почти с нетерпением ждала занятий с доктором Виландером после обеда, поскольку с ним в самом деле очень сложно думать о постороннем.

А потом где-то в середине утра на поясе Вивьен вспыхнула кнопка сообщений. Она гордилась тем, что заметила это, учитывая, чем была занята ее голова. Она нажала на кнопку, и пустое пространство стола засияло словами:

«Хэйкон Виландер — В. Ли. Прости — забыл о мерзкой церемонии сегодня после обеда. Увидимся завтра».

«Вот досада! — подумала Вивьен. — Теперь мне на целых полдня не остается никаких занятий, кроме беспокойства!»

Но как только она вошла в обеденную комнату, Джонатан схватил ее за руку.

— Поешь что-нибудь и возвращайся во дворец, — прошептал он. — Леон встретит нас в веке сто один.

Вивьен посмотрела на него и поняла, что на нем костюм с ромбами. Она посмотрела на себя. Ее костюм был коричневатого-оранжевым с белыми каймами, что должно быть не сильно заметно в темноте коридора. Но теперь она узнала его, как костюм, который носил ее призрак. А Сэм довел себя до болезни.

«Вот оно! — взволнованно подумала она. — Я должна пойти и вернуться. После чего, если повезет, я смогу уйти прежде, чем здесь появится настоящая Вивьен Ли!»

Глава 11. Золотой век

Джонатан сразу же умчался, но Вивьен, прежде чем уйти, угостилась четырьмя сливочными пирожными. Единственное, о чем она сожалела — она не успеет отомстить Сэму. Если не считать этого, приятные мысли переполняли ее, пока она, доедая последнее сливочное пирожное, шла по площади Эры. Возможно, к вечеру она будет дома. Вивьен уже видела, как рассказывает маме, насколько ужасна кухня Марти, и как мама понимающе относится к этому и позволяет ей остаться в Льюисхэме, несмотря на бомбежки. Как папа приходит домой на выходные и очень удивляется. Этих чудесных мечтаний было достаточно, чтобы заставить Вивьен немного подпрыгивать, пересекая площадь. А выйдя на Закрытие Времени, где не было никого, кто мог бы увидеть, она протанцевала вокруг фонтана, размахивая палочкой от сливочного пирожного.

— Что тебя задержало? — спросил Джонатан.

Он ждал возле двери с цепями, ромбовидные карманы его костюма выпячивались. Вивьен видела, что его лихорадит от нетерпения.

— Извини, — ответила она без малейшего сожаления.

Лучшее в путешествиях во времени (Вивьен поняла это почти сразу же) — то, что можно по пути потратить несколько часов и всё равно прибыть точно вовремя.

— *Зачем* нам встречать Леона Харди в сто первом?

Джонатан потащил ее по коридору.

— Он знает всё о Темных девятых. Он говорит, нам понадобится защитное снаряжение, чтобы отправиться туда, и он достанет нам его из ближайшего Фиксированного века, в который сможет проникнуть. Но ему, конечно, придется уйти через официальный временной шлюз внизу реки, так что сам он не может попасть в Нестабильную эпоху. И он подойдет к ней так близко, как может. Он страшно любезен.

Джонатан остановился и со знанием дела пнул тайную дверь. Она плавно повернулась. Они протиснулись внутрь и нажали кнопки освещения на своих поясах. Винтовая лестница больше не казалась ни бесконечной, ни пугающей.

— А зачем мы отправляемся в Темные девятые? — спросила Вивьен, пока они спускались.

— Это одна из длинных Нестабильных эпох, — ответил Джонатан. — Так что это либо Свинцовый, либо Золотой век. Я подумал, мы должны найти Хранителя и убедить его, чтобы он принес полярность обратно в Город Времени, прежде чем до нее доберется вор, как сказал Железный Хранитель.

Вивьен это показалось хорошей мыслью. На самом деле, когда она соскользнула с последней ступени в маленькую комнату, где по-прежнему мерцала аспидная плита, а одежда двадцатого века лежала там, где они ее сбросили, она подумала, что давно говорила об этом Джонатану.

Джонатан подобрал яйцообразное управление из ниши и аккуратно положил себе в карман. Там что-то звякнуло.

— Что ты еще взял? — спросила Вивьен.

— Металлоискатель, карту, компас, фонарик, аварийные пайки. Я собираюсь сделать всё, как следует. А теперь помолчи, пока я фокусирую сознание на Леоне.

Джонатан сосредоточился. Ничего не произошло.

— Леон Харди, — произнес он вслух — по-прежнему ничего. — *О, нет!* — воскликнул Джонатан. — Управление истощилось!

— Этого не может быть, — сказала Вивьен. — Мы возвращались назад — то есть наши призраки времени возвращались.

Джонатан вынул яйцо из кармана и поднял его, держа перед лицом.

— Леон Харди, — громко и медленно произнес он. — Первый год века сто один.

Это решило дело. Аспидная плита озарилась светом — таким тусклым, что поначалу они едва заметили, что яйцо сработало. На них подул холодный ветер, сильно пахнущий опилками и мокрой травой. Джонатан выключил свет на поясе и осторожно двинулся вперед. Когда Вивьен выключила свой и ощупью последовала за ним, она услышала, как где-то поблизости громко и ясно поет черный дрозд. «Забавно, что здесь еще остались черные дрозды! — подумала она, оглядываясь в поисках Леона Харди. — Если это, конечно, действительно другой конец истории. Выглядит, как любое пасмурное утро где угодно».

Леон Харди сидел на упавшем дереве прямо позади них. Когда глаза Вивьен привыкли к освещению, она увидела, как он встает, дрожа и растирая руки. Короткий килт, который он носил, совсем не выглядел теплым.

— Вы сделали это! — произнес он тихим осторожным голосом. — Я начал задаваться вопросом, появитесь ли вы здесь, прежде чем люди пойдут на работу. Я достал вещи и сидел на них полночи. Позвольте помочь натянуть их.

Рядом с его ногами лежала куча, похожая на древесную кору. Леон подобрал часть ее, и оказалось, что это верхняя половина своего рода доспехов. Было слишком мало света, и рассмотреть удалось только то, что они тусклые, со складками на сгибах локтей и плеч.

— Нам в самом деле это нужно? — спросил Джонатан.

— Сто процентов! Там, в девяностых орудуют банды диких людей и диких собак, и Время знает, что еще. У нас в этой эпохе до сих пор с ними проблемы.

Он торопливо — будто осталось мало времени — помог им застегнуться в доспехи. Они были сделаны из упругого гибкого материала, которого Вивьен прежде не встречала, и оказались гораздо тяжелее, чем она предполагала. Нижняя часть закрывала только ноги спереди, чему Вивьен порадовалась. В противном случае она не смогла бы ходить. Всё это время свет разгорался, и она заинтересовалась, какого цвета доспехи. Похоже, они могли быть красными.

По мере того, как свет становился ярче, Джонатан делался всё более и более беспокойным. Вивьен знала, это из-за его страха перед обширными открытыми пространствами истории. Но Леон принадлежал истории, а он тоже казался всё более и более беспокойным. Вивьен уловила его нервозность, когда он попытался пошутить:

— Джонатан говорит, в Аннуарии есть парочка ваших призраков времени, так что вы оба, похоже, вернетесь назад, в доспехах или без них. Он говорит, ты знаешь Лондон.

— Верно, — ответила Вивьен.

Ей тоже передалось беспокойство, и она постоянно пыталась осмотреть местность вокруг. Видимо, они находились на крупной лесопилке. Повсюду лежали поваленные деревья. Штабеля досок закрывали место, где они стояли, от остальной части двора.

— Что ж, Шкатулка находится в Лондоне, — сообщил Леон, снова привлекая ее внимание. — Это точно. И я уверен, вы обнаружите, что она Золотая. Но записи, которые я просматривал, упоминают три места, и я понятия не имею, в котором она окажется. Дом Бук о чем-нибудь говорит тебе?

— Букингемский дворец? — предположила Вивьен.

— Второе место — Спавелз, — поспешно продолжил Леон. — Это что-нибудь значит?

— Собор Святого Павла? — с сомнением произнесла Вивьен.

— И Лоненсан — это третье.

Почти рассвело. Леон склонился над Вивьен, так что их лица оказались совсем близко. Ее нервозность стала сильнее, чем когда-либо.

— Лоненсан, Лоненсан, — произнесла она, отведя взгляд от Леона, пока пыталась думать.

В траве — там, где протащили деревья — остались глубокие борозды. Темная куча рядом со штабелями досок превратилась в безмятежно-терпеливую лошадь, которая, должно быть, перетаскивала деревьев.

— Лоненсан. О, *поняла!* Лорд Нельсон! Это колонна Нельсона на Трафальгарской площади.

Леон сверкнул ей улыбкой и повернулся помочь Джонатану с застежками на ногах.

— Значит, у вас есть три места, — сказал он ему. — Есть у тебя какие-нибудь соображения, где может находиться Свинцовая Шкатулка? Мои поиски не помогли мне понять.

«Джонатан *рассказал* ему немало!» — подумала Вивьен, ощущая еще большую тревогу. Теперь она видела, что доспехи Джонатана красные. Опустив взгляд на свои собственные, она услышала, как за штабелями досок кто-то поет.

Леон чуть ли не подпрыгнул и украдкой огляделся. После чего он поспешил к лошади, так терпеливо стоявшей рядом с досками, отвязал ее и повел за собой, сопровождаемый цокотом громадных круглых копыт.

— Забирайтесь, — велел он. — Быстро.

Они посмотрели на каурую лошадь с ужасом. Она была гигантской. Крупнее, чем самая большая ломовая лошадь, которую Вивьен когда-либо видела. Наверное, новая порода.

— Надевайте шлемы и забирайтесь, — нетерпеливо повторил Леон. — Приближаются рабочие.

Джонатан подобрал тяжелый шипастый шлем. В розовом утреннем свете он казался кровавым.

— Но это создание не пройдет в наш временной шлюз, — сказал он. — Это всего лишь крошечная комната.

— Но ты сказал мне, что у тебя есть одно из старых управлений. С ним ты можешь отправиться в девяностые прямо отсюда. Или ты хочешь, чтобы пришел мастер и увидел, как мы крадем лошадь? Конокрадство — серьезное преступление в этой эпохе.

Из-за штабелей досок теперь доносились несколько новых голосов. Кто-то желал доброго утра, но по меньшей мере один сердито ругался.

— Где этот коричневый лесовоз? — расслышала Вивьен среди ругательств. — Кто-нибудь видел мою проклятую лошадь?

Вивьен и Джонатан натянули шлемы на головы. Леон подвел лошадь к поваленному дереву, и как-то — главным образом, потому что мужчина за досками кричал всё более сердито — Джонатан с Вивьен сумели взобраться сначала на дерево, а потом на широкую скользкую спину лошади. Седла не имелось, а лошадь была такая громадная, что Вивьен не могла никак сжать ее ногами. Ей пришлось вцепиться в панцирь Джонатана, в то время как он одной рукой схватил гриву лошади, а другой нащупывал яйцеобразное управление. К

счастью, лошадь оказалась спокойной как стол. «Очень высокий стол», — подумала Вивьен, глядя на лицо Леона далеко внизу. Леон улыбался им с громадным облегчением.

— Дом Бук в Лондоне, год девяносто тысяч пятьсот, — произнес Джонатан.

И они были там. Во всяком случае, Вивьен предположила, что там. Разгорался рассвет, просвечивая зеленым сквозь густой летний лес. Вместо стоявшего в розовом свете Леона повсюду были деревья — громадные древние деревья, покрытые мхом и рядами больших, похожих на уши грибов, растущих вдоль их стволов. Стоял грибной запах лесной чащи, вокруг слышались шорохи, скрипы, отдаленные пронзительные крики и хлопанье крыльев — звуки простирающегося на многие мили леса. Джонатан почувствовал эти мили и нервно заерзал. На мгновение Вивьен заинтересовалась, что Леон в этот момент говорит человеку, искавшему лошадь, но движение Джонатана привлекло ее внимание к облаку мошкеры, окружившему их с лошадью. И их доспехи в самом деле оказались красными. На фоне плотной зелени деревьев они ярко сияли, точно кровь.

— Значит, Лондон сейчас зарос деревьями? — спросила Вивьен.

— Верно. В следующей эпохе, где мы только что были, эти деревья рубят, — глухо ответил из-под шлема Джонатан.

Внезапно обнаружив себя в лесу, лошадь наострила уши. Их голоса, возможно, вызвали у нее мысль, что она должна куда-нибудь пойти. И она пошла вперед по неровной почве. Ее спина качалась под ними, словно волосатая лодка на море. Вивьен почувствовала, что соскальзывает. Она схватилась за алые плечи Джонатана. Тогда они оба начали медленно сваливаться в сторону по широкому правому боку лошади.

— На помощь! — вскрикнула Вивьен.

— Отпусти! Нажми кнопку снижения веса! — отчаянно велел Джонатан.

Вивьен процарапалась под жесткие доспехи и как-то сумела найти кнопку. И ее вес внезапно стал таким, каким был бы без доспехов. Перебросив одну руку через лошадь, она сумела сесть прямо, и Джонатан сумел сделать то же самое. Но теперь странный плавающий эффект поясов заставлял их медленно соскальзывать назад, к хвосту лошади. Джонатану пришлось вцепиться в гриву, а Вивьен — снова схватить его за плечи. Таким образом они более-менее закрепились. Лошадь, довольно-таки равнодушная ко всему этому карабканью на ее спине, продолжала медленно шагать вперед между деревьев.

— Мы должны остановиться, посмотреть карту и использовать металлоискатель, — сказал Джонатан. — Как остановить лошадь?

— Натяни поводья, — ответила Вивьен.

— У нее нет никаких поводьев. Только ремень вокруг морды.

— Стой! — закричала Вивьен. — *Тпру!* — а когда это не произвело на лошадь никакого впечатления, она напрягла мозг и крикнула: — Arrêtez-vous ^[9] — на случай, если лошадь говорит по-французски.

Но судя по эффекту, она могла оказаться и глухой. Деревья продолжали проплывать мимо, а громадные копыта продолжали хрустеть опавшими листьями и лишайником. Джонатан испробовал метод, который срабатывал на его автомате: стукнул лошадь по широкому коричневому плечу и ударил ее пятками. Единственным результатом стало то, что лошадь пошла немного быстрее.

— Смотри! — отчаянно произнес Джонатан.

До этого Вивьен не верила по-настоящему, что этот лес мог быть Лондоном, или что они едут по остаткам Букингемского дворца. Но Джонатан указывал туда, где дерево упало

набок, выдрав большой круг корней и земли. В разрыве под кругом она увидела старый позеленевший кусок каменной стены.

— Это может быть там! — воскликнул Джонатан. — Стой, ты глупое, связанное временем животное!

Но лошадь продолжала неуклонно идти, а деревья неуклонно проплывали мимо, пока они не выехали на более открытое пространство, где копыта давили ежевику и устало плелись по вереску. Вскоре после этого Вивьен заметила, что они поднимаются по маленькому круглому холму. «Если это в самом деле Букингемский дворец, — подумала она, — то холм должен быть той декоративной каруселью на дороге снаружи».

На полпути вверх холма лошадь немного ступила в сторону. Они мельком увидели в траве, почти под копытами какое-то животное, подпрыгнувшее и помчавшееся прочь, на бегу огрызаясь через плечо. Оно было желтоватым и вызвало у Вивьен тот же приступ страха, какой она испытала, когда коснулась Железного Хранителя.

— Дикая собака, думаю, — произнес Джонатан, и его голос звучал так же потрясенно, как Вивьен себя чувствовала.

Лошадь спокойно топала, поднявшись по холму, а потом спустившись с другой стороны. Вивьен увидела простиравшийся впереди Мэлл^[10]. Почему-то у нее не возникло в этом сомнений, хотя он сжался в длинную тропинку мокрой зеленой травы, тесно окруженную могучими старыми деревьями. Тропинка была слишком прямой, чтобы быть чем-либо кроме Мэлла. Лошадь довольно быстро спустилась к нему и, как только добралась до травы, остановилась и начала есть. Джонатан чуть не слетел вниз через ее голову.

— Что теперь? — спросил он.

— Мы можем слезть, — предложила Вивьен.

— Но тогда она просто убредет, и мы никогда не заберемся на нее снова.

Похоже, у них не оставалось выбора, кроме как сидеть и ждать, пока лошадь закончит насыщаться. Они сидели, а туча мошгары, сопровождавшая их с тех пор, как они появились, пробралась под доспехи и кусалась. Вивьен начала думать, что им будет лучше без лошади. Она как раз собиралась это озвучить, когда Джонатан перед ней напряженно застыл.

— Смотри, — сказал он. — Туда, налево.

Вивьен посмотрела и тоже застыла. Там, среди деревьев стояли люди. Кем бы они ни были, они держались очень тихо и были одеты в тусклые зеленоватые лохмотья, так что Вивьен могла заметить их, только когда кто-нибудь шевелился. Один из них пошевелился, чтобы переложить отвратительно выглядящее самодельное копье в тощей руке. Другой пошевелился, чтобы поправить блестящий нож во рту, и это позволило ей разглядеть дикое бородатое лицо.

— Возможно, им нужна лошадь, — с легкой дрожью в голосе произнес Джонатан. — Чтобы съесть.

Они сидели высоко на лошади, бросаясь в глаза в своих сияющих красных доспехах, чувствуя себя ужасно беспомощными. Они могли только надеяться, что лошадь решит закончить трапезу раньше, чем люди наберутся храбрости для нападения. Но лошадь спокойно продолжала набивать рот травой.

— О, шевелись, лошадь, пожалуйста! — прошептала Вивьен.

И лошадь вдруг зашевелилась. Она подняла голову. Ее уши наострились, а потом повернулись вперед, словно два рычага переключения передач в машине. Затем она издала звонкое ржание и костедробильной рысью бросилась вниз по зеленому Мэллу. Джонатан с

Вивьен подпрыгивали, скользили и цеплялись. Вивьен больно укусила себе язык. Деревья проносились мимо. Одно хорошо — они быстро оставляли позади прячущихся в засаде людей.

Лошадь сорвалась в галоп.

— Что она *делает*? — выдохнул Джонатан.

Ответ пришел, когда они разглядели среди деревьев впереди серые разбитые остатки Арки Адмиралтейства. Другая лошадь, до того скрытая за левым выступом арки, свернула на Мэлл и галопом неслась прямо на них. Всадник на ее спине носил тот же тип доспехов, что и они, за исключением того, что его были черные с зелеными прожилками для маскировки. Он держал длинное, тяжелое на вид копьё, зажатое под правой рукой, и оно целилось прямо на них.

— Стойте, стойте! — закричали они хором. — *Друзья!*

Всадник обратил на их слова не больше внимания, чем лошадь. Он с грохотом несся на них, разбрасывая комья грязи, летевшие из-под копыт, в то время как их лошадь доверчиво бежала навстречу другой лошади. Джонатан развернулся и яростно пихнул Вивьен. Оба соскользнули по боку лошади и кувырком слетели на землю. Благодаря функции снижения веса падение прошло абсолютно безболезненно. С этого момента всё происходило будто в замедленной съемке. Вивьен видела, как их лошадь неуклюже остановилась, выглядя озадаченной, а удар всадника прошел мимо. Она успела подумать: «О, почему Джонатан *вечно* умудряется попасть в неприятности!» — пока приземлялась и пыталась встать на ноги.

Джонатан позади нее изо всех сил старался поднять шлем с глаз. Часть доспехов на правой ноге Вивьен перевернулась вокруг колена, словно шина. Снова упав, она увидела, как всадник тянет свою лошадь к длинной колее в коричневой земле. Пока она пыталась перевернуть доспехи вокруг ноги на прежнее место, он развернул лошадь и галопом помчался обратно. Теперь его копьё было нацелено вниз, прямо на Джонатана. В следующий момент всадник оказался между Вивьен и Джонатаном. Она услышала хрустящий удар, а над топчущими ногами лошади увидела, как копьё пролетает неправильный полукруг, направляясь к ней. Вивьен бросилась назад. Она на мгновение разглядела лицо всадника — пустое, неприятное, бледное лицо с прищуренными глазами и без капли жалости. Кем бы он ни был, он точно не Хранитель, подумала она. А потом копьё обрушилось на ее шлем, и некоторое время после этого она уже ни в чем не была уверена.

Вероятно, прошло около минуты. Когда Вивьен села, всадник исчез, как и их лошадь. Джонатан полусидел в кусте на краю Мэлла, раскинув руки, глядя на нее широко распахнутыми и странно мутными за мерцанием зрительной функции глазами. На его груди в доспехах осталась глубокая вмятина. Поскольку они были красными, Вивьен не могла понять, течет ли у него там кровь. Но, когда Джонатан заговорил, из уголка рта у него точно потекла кровь.

— Думаю, он убил меня, — произнес он спокойным прозаичным тоном. — Моя грудь вся разломана.

Кровь, текущая из уголка его рта, была гораздо ярче, чем доспехи.

Вивьен свернула доспех со своей ноги и, не веря, поползла к нему. «Этого не могло случиться! — подумала она. — Два призрака времени означают, что мы *вернулись!*» А потом она подумала: это Нестабильная эпоха. Что угодно может произойти. И она поняла, что, совсем как Сэм и Джонатан, когда они похищали ее, она относилась ко всему

происходящему как к приключению. А оно внезапно стало весьма серьезным.

Две большие черные вороны спланировали с деревьев и устроились в кусте над головой Джонатана, выжидающе глядя на него вниз. «Сначала они выклевывают глаза!» — подумала Вивьен. Она не осмеливалась прикоснуться к Джонатану. Она не знала, что делать. Не переставая думать, она запрокинула голову и закричала:

— Помогите, помогите, *помогите!*

— Хорошо. Я иду, — раздраженно произнес кто-то, пробираясь сквозь подлесок позади Джонатана. Вороны, услышав голос, перелетели с куста на ветку наверху. — И перестань кричать, — резко добавила женщина. — В этом лесу полно бандитов, — она продралась сквозь ежевику на открытый участок, оставив на кустах кусок своей зеленоватой юбки ручной вязки, и опустилась на колени рядом с Джонатаном. — Я пришла так быстро, как смогла. Но я не хотела, чтобы он увидел меня. О-хо-хо, выглядит ужасно!

— Мне не так больно, как можно подумать, — заметил Джонатан прежним спокойным прозаичным тоном.

— И хорошо, — ответила женщина.

У нее были свернутые в узел светлые волосы, и она была бы красивой, если бы не выглядела столь потрепанной и обеспокоенной. Выражение на смуглом, покрытом морщинами лице напомнило Вивьен о Дженни и маме, и оно стало еще более обеспокоенным, когда женщина положила ладонь на впадину в груди Джонатана.

— Он в самом деле собирался убить тебя, да? — пробормотала она. — Посмотрим, что можно сделать.

Она глубоко вдохнула. Впадина вздулась и шумно выпрямилась. *Бац-вжиг.* Джонатан вздохнул с громадным облегчением и поднял руку, чтобы вытереть кровь со рта.

— Не двигайся, — велела женщина. — Это ребра и грудная кость, но остается еще исправить ключицу, не говоря уже обо всех разорванных мышцах.

Она продолжала держать ладонь на его груди. Джонатан замер с поднятой рукой. Некоторое время спустя цвет и вид его лица улучшились, хотя глаза по-прежнему казались мутными.

— Теперь как будто всё в порядке, — произнес он.

— Так и есть, — женщина убрала руку. — Но некоторое время двигайся осторожно. Кости и плоть исцелены, однако сотрясение всё еще с тобой.

Она взяла Джонатана за руку и помогла ему подняться на ноги. Вороны взлетели с ветки и с отвращением захлопали крыльями, улетая вдоль Мэлла.

— Как вы это сделали? — спросила Вивьен, чувствуя головокружение.

Женщина одарила ее усталой улыбкой. Она стащила с Вивьен шлем и положила ладонь на синяк на ее голове.

— Хм, похоже, это цело, — пробормотала она. — Здесь могла быть трещина, но не думаю, что она есть.

Головная боль, которую Вивьен до сих пор не замечала, внезапно исчезла.

— Как вы это делаете? — повторила она.

— Как я делаю... — рассеянно произнесла женщина. — Полагаю, это из-за того, что мы здесь далеко в истории. С течением времени многое узнается. Куда вы двое пытались дойти?

— К Колонне Не... Лоненсан.

— Тогда снимите эти глупые доспехи, и я пойду с вами.

— Но... — начал Джонатан.

— Никаких «но», — перебила женщина в своей раздражительной манере. — Они маячат, словно воспаленный палец. Если кто-нибудь увидит их, они решат, что вы собираетесь убить их, и попытаются убить вас первыми. Такова здесь жизнь. Кто бы ни дал вам их, он совершил ужасную ошибку.

Чувствуя себя пристыженными, они расстегнули доспехи и бросили их в кусты. На мгновение Вивьен почувствовала себя невесомой, а потом ужасно тяжелой.

— Кажется, мой пояс разрядился, — сказала она.

— Только функция снижения веса, — ответил Джонатан. — Как и у моего. Выключи ее — пусть перезарядится.

— Вы *собираетесь* идти? — нетерпеливо позвала женщина.

Она слушала и наблюдала за кустами так, словно слышала, что кто-то приближается.

Они торопливо пошли с ней вдоль оставшейся части Мэлла и между деревьев, растущих на обломках Адмиралтейства. За Аркой лес раскрывался в просторную квадратную поляну, немного меньше, чем, как помнила Вивьен, была Трафальгарская площадь. Здесь не осталось зданий, чтобы показать, что это и *есть* Трафальгарская площадь. Поляну окружали высокие деревья. Она поднималась плавным уклоном, пестря старой травой и несколькими цветами.

Женщина вздохнула и стала немного менее встревоженной.

— Здесь безопаснее, — сообщила она. — Бандиты обычно не выходят на открытое пространство. Но идите осторожно. И топайте. Здесь есть змеи.

Почва под травой была очень неровной. Время от времени под ногами оказывались старые квадратные камни. Они, топая, пробирались следом за женщиной, и вокруг раздавались разнообразные шорохи, которые могли быть змеями, а могли — просто ветром в траве. Вивьен нашла это довольно пугающим. По тому, как Джонатан вертел головой туда-сюда, она видела, что он напуган обширным открытым пространством и, возможно, бандитами тоже. Вивьен поймала себя на том, что восхищается его мужеством. Возможно, для него всё начиналось как приключение, но он честно старался довести дело до конца.

Примерно в середине поляны женщина остановилась и указала на высокое скопление кустов: большей частью дикие розы и боярышник.

— Здесь, — сказала она. — Вы не сможете подойти прямо к нему. Наблюдатель хорошо охраняет.

Она села на прямой вал, который мог быть частью упавшей колонны, и повернулась спиной к кустам.

— Вы не идете? — спросил ее Джонатан.

Она непреклонно покачала головой и плотнее запахнула свой самодельный плащ.

— Он не замечает меня. Не знаю, зачем я пришла сюда, — она вздохнула. — Полагаю, потому что здесь спокойно. Вы идите. Возможно, он примет вас во внимание.

Джонатан и Вивьен протопали к кустам, которые росли у них над головой на некоей возвышенности. «Это и *есть* остаток Колонны Нельсона», — поняла Вивьен. Они споткнулись о крутые каменные ступени под травой, и Джонатан схватился за холмик, который даже покрытый землей и травой имел форму крупного каменного льва. Они встали. И снова споткнулись. Почему-то они не могли подняться на последний каменный уступ. После еще двух попыток они поняли, что не смогут добраться до самих кустов.

— Есть кто-нибудь? — позвала Вивьен.

Переплетшиеся кусты шиповника над ними немного покачнулись. Несколько розовых лепестков слетели вниз. Вивьен ощутила приступ страха — она начала уже узнавать этот тип

страха. Она подняла взгляд, чтобы увидеть невероятно крупного молодого человека, стоявшего, скрестив руки, на уступе перед кустами, изучающе глядя на них сверху вниз. Он вызвал у нее ассоциации с деревенским парнем. У него было тяжелое обветренное лицо. Светлые волосы под шаловливой зеленой шляпой крайне нуждались в расческе. Он жевал соломинку. Он выглядел очень сильным и очень основательным. И не имел ничего общего с нереальным видом бедного печального Железного Хранителя, но он *носил* свободную зеленую рубашку и узкие зеленые брюки.

— Он одет в зеленое, поскольку живет в лесу, покрывающем город, который когда-то был великим, — процитировал Джонатан. — Вы Хранитель Золотой Шкатулки?

Молодой человек переместил соломинку на другую сторону рта.

— Меня называют Наблюдателем за Золотой, — произнес он грубым гроыхающим голосом. — И если это то, что вы имеете в виду, то да — это я. Кто вы?

— Мы из Города Времени... — начал Джонатан.

— Тогда вы слишком рано, — перебил молодой человек. — Я знаю свое дело. Когда Город расположится в разрыве между началом и концом времени, тогда я принесу Золотую в Город, и не раньше. Не беспокойтесь. Я буду здесь.

— Но он сейчас почти достиг разрыва, — сказала Вивьен.

— И мы уверены: кто-то пытается украсть Шкатулки, — добавил Джонатан. — Он заполучил Железную Шкатулку. Мы видели, как он забрал ее. Мы пришли предупредить вас...

— Мило с вашей стороны, — молодой человек переместил соломинку обратно в левый угол рта. — Но я знаю о нем всё, спасибо. Он уже две недели рыщет здесь и возле Спавелза и Дома Бук. Он знает, что Золотая — в одном из этих мест, но не знает, в каком именно. Так что я остаюсь здесь, в этом клочке времени вместе с ним. Он не получит возможности подобраться к Золотой.

— Но у него есть Железная — не поможет ли это ему против вас? — спросила Вивьен.

Наблюдатель пожал плечами:

— Только возможно. Золотая сильнее, чем Железная когда-либо была.

— Из того, что сказал сегодня утром мистер Донегал, я поняла, что сейчас он почти заполучил Серебряную, — сказала Вивьен. — Я невнимательно слушала, но, если он украдет и эту, не может ли он стать слишком сильным для вас?

— *Возможно*, — признал Наблюдатель, сморщив крестьянское лицо. — Но он опоздал. Ты сама сказала, что Город почти достиг середины разрыва. Когда это произойдет, я принесу Золотую, и она соединится со Свинцовой, а Золотая и Свинцовая вместе втрое сильнее, чем две остальные. Нет, нет причин беспокоиться. Всё будет в порядке.

— Послушайте, — произнес Джонатан. — Город в плохом состоянии. Он может разрушиться. Камень Фабера Джона весь потрескался с тех пор, как украли Железную Шкатулку. Я думаю, вы должны забрать Золотую в Город *сейчас*, на всякий случай. Или мы можем забрать ее, если хотите.

Наблюдатель выплюнул соломинку и засмеялся:

— И разбалансировать всё время? Нет, спасибо. Золотая отправится, когда отправлюсь я, и мы оба остаемся здесь до правильного момента. Когда башенные часы пробьют двенадцать в последний день, я буду там. Но спасибо за предупреждение.

Он развернулся, собираясь пойти обратно между кустов шиповника. Джонатан поспешно позвал:

— Тогда, пожалуйста, скажите, в какой Нестабильной эпохе спрятана Свинцовая Шкатулка. Скажите, где находится Серебряная Шкатулка. Мы должны предупредить и тех Хранителей.

Наблюдатель одарил его настороженным взглядом через плечо.

— Угу. Я на это не поведусь. Если вы знаете, как найти меня, то знаете, и где находится Серебряная. Что касается Спрятанной Свинцовой, если вы сказали правду, что пришли из Города Времени, то можете сами догадаться, где она находится. А если — нет, вы не узнаете об этом от меня!

Он расцепил руки и лениво потянулся, как делают люди, знающие, что очень сильны. После чего он исчез. Кусты слегка колыхнулись, но это могло и почудиться из-за марева. Наблюдатель не проходил через них. Вивьен подумала, что он просто перестал быть в этом конкретном отрезке времени. У нее возникло ощущение, что он ушел недалеко — возможно, около недели назад, чтобы продолжать наблюдать за прячущимся вором, — но он определенно больше не находился там, где находились они.

— Он кажется очень уверенным в себе, — сказала она.

Джонатан прислонился к холмику в форме льва. За мерцанием зрительной функции его глаза казались смазанными, а лицо приобрело странный голубоватый оттенок.

— Не думаю, что у него много мозгов, — заявил он. — Если вор умен, он легко сможет обдурить его. Мы *должны* найти Свинцовую Шкатулку. Если она самая сильная, она *должна* остаться в сохранности!

Вивьен не нравилось, как Джонатан выглядит. Женщина предупреждала, чтобы он двигался осторожно.

— Давай сначала найдем женщину, а потом, возможно, что-нибудь поедим, — предложила она.

Джонатан вяло согласился. Они вернулись на то место, где сидела женщина, но ее там не оказалось. Сначала они подумали, что она ушла совсем. А потом увидели пасущуюся в углу поляны громадную фигуру лошади, которую Леон украл для них. Женщина ковыляла за ней, подобрав платье одной рукой, пытаясь уговорить лошадь подойти. Они сели на вал, который мог быть упавшей колонной, и наблюдали. Раз женщина так спокойно ведет себя, значит, здесь безопасно. Она близко подобралась к лошади, но лошадь хитро передвинулась как раз в тот момент, когда она почти схватила ее. Это повторялось снова и снова. Они достали сытную еду, которую Джонатан взял с собой, и ели, продолжая наблюдать. Сначала они заботливо оставили немного для женщины. Но некоторое время спустя лошадь пробралась в лес, и женщина последовала за ней.

— Эта лошадь прямо как Наблюдатель, — сказал Джонатан. — Она упряма, как... как Сэм, не слушает людей и, возможно, считает себя такой же умной, как Виландер. Но в конце концов женщина поймает ее, я знаю. Как думаешь, в Золотом веке все одарены, как она?

Его голос звучал уже не так уныло, как прежде. Еда пошла ему на пользу.

Они сидели до тех пор, пока не стало очевидно, что женщина не вернется. Тогда они разделили еду, которую оставили для нее.

— Мы так и не поблагодарили ее, — виновато произнесла Вивьен. — А я думаю, она спасла тебе жизнь. Не вернуться ли нам лучше в Город Времени?

К этому времени длинные тени деревьев наискось легли на поляну.

— Полагаю, да.

Джонатан встал и достал из кармана яйцообразное управление.

— Надеюсь, сработает отсюда. Я ни за что на свете не собираюсь идти обратно по этой просеке и снова встретиться с тем бандитом! Поехали. Город Времени — сразу после того, как мы ушли.

Яйцо сработало, но еще медленнее и беспорядочнее, чем когда они возвращались в первый раз. Джонатана и Вивьен тянуло и подвешивало, тянуло и подвешивало снова. Странные виды мерцали перед ними: ряды глиняных хижин, горящий в громадных клубках дыма город, замерзшая река, потом толпа танцующих и размахивающих флагами людей. Однажды Вивьен ясно разглядела большой красный лондонский автобус, но он выглядел не как знакомые ей автобусы. Наконец, когда они уже немало испугались, они оказались в пахнущей камнем темноте, освещенной слабым мерцанием аспидной плиты.

— Слава Богу! — выдохнула Вивьен.

— Ты знала, что мы вернемся, — подавленно произнес Джонатан.

Он достал фонарик и начал взбираться по ступеням.

— Всё неправильно, — сказал он по пути. — Наши призраки выглядели не так, как мы сейчас чувствуем себя. По ним можно сказать, что мы были взволнованны, а я чувствую себя жалким и несчастным, а ты? Мы не принесли ни капли пользы. Он даже не сказал, где Свинцовая Шкатулка. Город Времени явно становится критическим, как век двадцать!

— Не считая того, что двадцатый век стал критическим, потому что кто-то украл Железную Шкатулку, — заметила Вивьен.

И тут правда ударила по ним, будто *щелчком*.

Глава 12. Андроид

— Город Времени — Нестабильная эпоха! — воскликнула Вивьен.

— Самая длинная из них, — ответил Джонатан.

— Значит, Свинцовая Шкатулка должна быть *здесь!* — произнесли они хором.

Оставшуюся часть лестницы они преодолели, не заметив ее. Фальшивая дверь наверху закрылась, пока их не было. Они повернули ее и протиснулись каждый со своей стороны. Джонатан выключил фонарик, и они поспешили по коридору, возбужденно обсуждая свое открытие.

— Вот что он имел в виду, говоря, что Золотая объединится со Свинцовой, — заметила Вивьен.

— Готов поспорить, она где-нибудь в башне Гномон, — сказал Джонатан. — Отсюда и часы, бьющие полдень. Какое облегчение! Мы можем обеспечить ее безопасность.

— Мы можем рассказать кому-нибудь, что она здесь, не выдавая, как мы узнали, — предложила Вивьен.

— Да, и добиться, чтобы к ней приставили нормальную охрану. Нам не нужны старые бабушки из Стражи Аннуария. Нам нужны настоящие Патрульные Времени, знающие свое дело.

— Давай скажем отцу Сэма.

— Давай. Он отнесется ко всему серьезно, а не как Ученые, рассуждающие о полярностях, — согласился Джонатан.

— Это одно и то же. Как думаешь, где Свинцовый Хранитель? Он должен быть в городе. Надо предупредить и его тоже.

— Его будет сложно найти. Старая бумага утверждает, что он хранит тайну, — в этот момент — на полпути по коридору — Джонатан опустил взгляд и обнаружил, что всё еще держит яйцообразное управление. — Проклятье! Я забыл положить его на место.

— Агенты постоянно их теряли, — заметила Вивьен. — Именно так это и происходило. Оба засмеялись.

— Оставлю его пока, — сказал Джонатан. — Нам лучше добраться до Гнома, прежде чем делать что-то еще.

— Похоже, *все* Шкатулки должны вернуться в Гномон, когда Город достигнет конца времени. А Железная не вернется.

— Знаю. Как только позаботимся о Свинцовой Шкатулке, отправимся за Серебряной и заставим яйцо перенести нас туда до появления вора, — Джонатан распахнул дверь с цепями. — И будем надеяться, этот Хранитель немного разумнее Золотого.

Снаружи ждал Леон Харди. В руке он держал штуковину с блестящим соплом и голубой лампочкой посередине. Он нацелил ее на них столь же безжалостно, как всадник копьё. Вивьен сразу поняла, что это ружье, как понял и Джонатан. Они резко остановились и уставились на него. Леон рассмеялся им в лицо, самым неприятным образом обнажив красивые белые зубы.

— Я знал, что он не убьет вас, — сказал он. — После того, как ты рассказал мне об этих призраках времени. Как здорово я отправил вас на лесную тропу в красных доспехах, правда? Как вам понравилась моя голограмма Железного Хранителя? Он убедил тебя, не так ли, Джонатан? Отдайте мне Золотую Шкатулку, и я не стану стрелять.

— У нас ее нет, — ответила Вивьен. — Наблюдатель не подпустил нас к ней.

— Не лги мне, — Леон угрожающе перевел ружье с Джонатана на Вивьен.

— У нас ее нет, — лицо Джонатана снова приобрело голубоватый оттенок, и он стал похож на мертвеца. — Клянусь! Зачем она тебе?

— Затем, что после Свинцовой Шкатулки это самая могущественная вещь на свете, — ответил Леон, — а эту последнюю явно никто не сможет найти. Люди, которые послали меня сюда наблюдать за концом Города Времени, рассказали мне слишком много для их собственного блага — прямо как ты, Джонатан, мой мальчик! Должно быть, всё дело в моем честном открытом лице! — он засмеялся, снова сверкнув белыми зубами, после чего его лицо стало бесстрастным и безжалостным. — Где Золотая Шкатулка?

— У нас ее нет! — ответили они хором, а Вивьен добавила: — Слово разведчика!

Ее охватило вялое тошнотворное ощущение, поскольку она знала: Леон пристрелит их, что бы они ни сказали. Он старался раззадорить себя для этого, потому что они слишком много знали о нем. Казалось странным, что это произойдет здесь, в освещенной солнцем мраморной галерее, с выстроенными по обеим сторонам витринами музея Элио. «Он разобьет много стекла!» — подумала Вивьен.

— Очень хорошо, — произнес Леон, не веря им. — Оба, выверните карманы. И сначала отдайте временное яйцо. Я могу его использовать.

Вивьен оцепенело вывернула карман и протянула нашедшийся там кусок водорослевой жвачки. Джонатан посмотрел на яйцо в своей руке и ошеломленно протянул его. И больше делать было нечего.

От конца галереи раздались шаги, сопровождаемые шлепками шнурков.

— Вы крысы! Вы *ушли* без меня! — пронесся по ней голос Сэма.

Леон подпрыгнул — они все подпрыгнули — и развернулся. Как только он пошевелился, кто-то, сидевший среди музейных витрин позади Леона, прыгнул и бросился на него — так быстро, что движение получилось смазанным. В следующее мгновение левая рука Элио оказалась на горле Леона в удушающем захвате, а правая с хрустом схватила руку, в которой он держал ружье. Спокойное лицо Элио смотрело поверх плеча Леона, рядом с его разъяренным и испуганным лицом.

— Кто-нибудь выньте, пожалуйста, ружье из его руки, — вежливо попросил он.

Джонатан выглядел так, словно сейчас упадет в обморок, Вивьен чувствовала себя точно так же. Пока она осторожно вытаскивала оружие из белых раздавленных пальцев Леона, появился Сэм и вытаращился на них.

— Что происходит? — спросил он.

Он еще не до конца оправился после сливочных пирожных — его лицо было желтоватым. Вивьен подумала, что они с Джонатаном в этот момент не слишком отличались друг от друга, и, как это ни нелепо, когда ружье освободилось, ей пришло в голову, как преподать Сэму урок.

Но это позже.

— Что мне с ним делать? — спросила она, неуверенно направив ружье на Леона — тот издал давящийся звук и закрыл глаза.

Элио обошел Леона, отпустив его шею и забрав у Вивьен ружье, которым ткнул в спину Леона.

— Веди себя тихо! — предупредил он и спросил у Вивьен: — Кто этот человек? Почему он делает это?

— Леон Харди. Он студент, — ответил Джонатан слабым надломленным голосом. — Я... я рассказал ему слишком много.

Леон слегка усмехнулся. И Элио заметил.

— В таком случае, лучше избавимся от него немедленно, — сказал он. — Я так понимаю, никто из вас не хочет, чтобы об этих событиях узнал Вечный или Глава Патруля Донегал?

— *Нет!* — воскликнули они хором, и Сэм даже истовее, чем Леон.

Леон, на самом деле, выглядел довольно-таки счастливым. Должно быть, он решил, что Элио отпустит его. Но его лицо изменилось, когда Элио вежливо попросил Вивьен открыть оцепленную дверь. Когда Элио подтолкнул его к коридору, Леон уперся ногами и спросил:

— Что это?

После чего попытался нырнуть обратно через дверь. Но Элио схватил его за запястье, ткнул в него ружьем и продолжил пихать его вдоль коридора так, словно не заметил попытки бегства. Перед замурованной аркой Элио остановился.

— Не могли бы вы открыть, пожалуйста, — попросил он Вивьен. — Надо пнуть третий камень слева в третьем ряду.

Вивьен пнула камень, и фальшивая стена развернулась. Вид двух темных проемов стал для Леона последней каплей.

— Что вы собираетесь делать? — закричал он. — Отвести меня в подземелье и пристрелить? — и, поскольку Элио толкал его к ближайшему проему, он завопил: — Нет, нет, *нет!* — и снова уперся ногами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Элио не обратил внимания. Он просто заставил вопящего, пинающегося Леона пройти сквозь щель и последовал за ним. Вивьен раньше не понимала, насколько Элио силен. Леон был выше него, с сильными мускулами, рельефно выступающими по всему телу, но Элио управлялся с ним так, словно он был размером с Сэма. Посреди борьбы он как-то нашел время включить яркий свет на своем поясе. И продолжил тащить и толкать вопящего Леона вниз по винтовой лестнице.

Когда Вивьен последовала вниз за светом, с Сэмом позади нее и Джонатаном позади Сэма, они слышали, как Леон упирается ногами в стены и пытается зацепиться за потолок, но свет продолжал беспощадно двигаться вниз.

— Отпустите меня! Не стреляйте в меня! Я сделаю всё, что хотите! — вопил Леон.

— Тогда скажите, кто те люди, что послали вас в Город Времени? — спокойно произнес голос Элио.

Последовала короткая пауза.

— Я не могу, — патетично ответил голос Леона. — Он многому научился в Войнах Разума. Мой мозг мне не позволит, — и через мгновение он закричал: — Это правда! *Я не могу!* Клянусь!

— Но у вас есть тайный временной шлюз, — прозвенел голос Элио. — Где он?

— Этого я тоже не могу сказать! — выкрикнул голос Леона. — *Отпустите* меня!

— Возможно, я верю вам, — донесся голос Элио. — Но я не верю, что вы из века сто один, как свидетельствует ваша одежда.

— Нет, нет... Я из века шестьдесят шесть, — пролепетал голос Леона — было ясно, что он рад сообщить хоть что-то. — Я был студентом в Хельсинки, изучал историю и голографию. Вот. Я рассказал вам всё о себе. Вам не надо спускать меня туда, чтобы

застрелить... Эй! Это же их тайный временной шлюз!

Они явно дошли до дна. Вивьен поспешно скользнула вниз по громадным старым ступеням и села на последней, Сэм с Джонатаном устроились позади, глядя вверх ее плеча. Элио отпустил Леона, и тот прислонился спиной к стене. Бледный свет сверкал на ружье и ровно сиял на яйцеобразном управлении в другой руке Элио. Оно было таким же, как то, что по-прежнему держал Джонатан, только немного поменьше размером и вроде бы красноватого цвета.

— Это действительно временной шлюз, — согласился Элио.

Мерцающая аспидная плита исчезла, и сильный запах навоза пахнул им в лицо. Похоже, за плитой находилось довольно примитивное место. Их взорам открылась груда старых деревянных бочек рядом с неравномерно оштукатуренной стеной, развевающееся на веревке белье и заботливо направленное ползучее растение с незрелыми гроздьями. В поле зрения появилась коза, с любопытством уставившись через проем на Элио.

— У вас есть выбор, — сообщил Элио Леону. — Вы можете уйти через этот шлюз или быть застреленным. Что выбираете?

Леон безнадежно махнул в сторону козы:

— Где это место? *Когда* оно?

— Век пятнадцать, — ответил Элио. — Местонахождение — ферма рядом с местечком в Италии под названием Винчи.

— Но это примитивное время! — запротестовал Леон. — И это Нестабильная эпоха! И *ненавижу* коз! Вы же не хотите сказать, что собираетесь выбросить меня *туда*!

— Значит, вы предпочитаете быть застреленным, — произнес Элио и направил ружье прямо в сердце Леону.

— Нет, нет! Я пойду прямо сейчас!

Леон торопливо прыгнул в фермерский двор, приземлившись с хлоппаньем. Они успели увидеть, как коза повернулась, чтобы уставиться на него, прежде чем Элио снова воспользовался яйцеобразным управлением и стена вновь стала мерцающей аспидной плитой.

Элио отвернулся, выглядя удовлетворенным.

— Таким образом, от него мы избавились. Самым чистым способом. Простите, что позволял ему так долго угрожать вам. Он прятал ружье под одеждой, пока шел к двери, а когда я это обнаружил, я не мог быстро сообразить, как напасть на него так, чтобы он не выстрелил в вас. К счастью, вмешался мастер Сэмюель.

На лице Сэма расплылась гордая ухмылка.

— Но почему ты отправил его на эту ферму? — спросил он.

— Потому что, когда вы назвали его имя, у меня возникла одна забавная мысль.

Элио засунул ружье за пояс и вежливо указал на лестницу. Они послушно встали и начали взбираться по ступеням. Элио последовал за ними.

— Я сразу вспомнил одного итальянца из века пятнадцать по имени Леонардо да Винчи. Идеи этого человека всегда считались далеко опережающими свое время, и мне пришло в голову, что причина может быть в этом. Вполне возможно, мастер Леон чувствовал себя потерянным, когда уходил, но уверяю вас: он оставит там свой след. Я понял, что он гений, в тот момент, когда увидел голограмму, которую он назвал Железным Хранителем.

— О чем еще ты знаешь? — устало и подавленно спросил Джонатан сверху.

Казалось, Элио не услышал. Он больше ничего не сказал, пока они не протиснулись мимо фальшивой стены в коридор. И только тогда, поворачивая дверь, чтобы закрыть ее, он произнес:

— Полагаю, нам надо поговорить. Не могли бы вы все пройти в мою комнату?

Они послушно последовали за ним из коридора в галерею. Там Элио открыл дверь между двумя витринами и провел их в заднюю часть дворца, где Вивьен никогда не была. Она чувствовала себя так, словно провинилась в школе и ее ведут к директору. Джонатан и Сэм плелись за ней, явно чувствуя себя точно так же.

Элио открыл дверь и ввел их в просторную комнату на первом этаже, выходящую на узкую полосу сада позади Хронолога. Должно быть, Элио занимал ее все сто лет, что провел в Городе Времени. Мебель представляла собой дикую смесь стилей и цветов, и на каждом предмете мебели лежали вещи. Вивьен уставилась на розовый стол-раму со скульптурой монстра Франкенштейна на нем. Затем ее взгляд переместился на вещь, похожую на подставку для пирожных, чем только не заполненную. На верхней полочке лежала золотая шляпа, набитая всяческими замками и стеклянными шариками. На следующей стоял сосуд с этикеткой «Лунная пыль (Титан)». Глаза Вивьен обратились к свисающей с потолка модели космического корабля, а затем — к экрану на стене, на котором шел немой мультфильм. Она пригляделась и поняла, что это «Белоснежка».

— О! Вы здесь можете достать кино? — воскликнула она.

— Конечно, мисс, — ответил Элио, подходя к своему автомату — внушительных размеров предмету с втрое большим количеством труб и золотой краски, чем у Джонатана. — Город Времени обладает копиями каждого фильма, который когда-либо был создан. Вам лишь надо подать запрос в Башню Былого, чтобы они передали вам тот, который вы хотите.

Вивьен почувствовала себя, как Сэм в предвкушении сливочно-пирожной оргии.

— О, я люблю фильмы!

— Я тоже, — произнес Элио. — Особенно мультфильмы и фильмы ужасов. Но также вы должны позволить мне познакомить вас с эпизодом гонок на колесницах из фильма под названием «Бен Гур». Он высоко стоит в моем мнении, — Элио отошел от автомата и вежливо подал ей пенный фруктовый напиток, а еще один протянул Джонатану. — Стимулирующее. Я считаю, вам это нужно. Пожалуйста, садитесь, — он повернулся к Сэму. — Я не уверен, что прописать вам.

— Ничего, спасибо, — поспешно ответил Сэм — его лицо по-прежнему было нездорового желтого цвета.

Они нашли, где сесть, скинув кукол, автомобильные шины и картины с нескольких пусторамных и пухлых диванов. Джонатан обнаружил вставную челюсть прямо там, где собирался сесть. Он одарил ее долгим подозрительным взглядом, прежде чем рухнуть на противоположном конце дивана.

— Как давно ты знаешь об этом временном шлюзе? — спросил он.

— Четыре дня, — ответил Элио. — Точнее, с того времени, когда мисс Вивьен вышла из двери, которую я считал запечатанной, и попыталась отвлечь мое внимание от своих товарищей.

— О! — произнесла Вивьен, низко опустив голову над своим напитком. — Вы дурачили меня!

— Я чувствовал себя из-за этого немного виноватым, — признал Элио. — Но я хотел

знать факты. Поэтому я подождал до второй половины дня и освежил память о призраках времени, которые несколько лет назад так огорчили госпожу Вечную. Я узнал в них мастера Джонатана и мисс Вивьен и обратил внимание, что одежда мисс Вивьен была не той, в которой она появилась из-за двери. Из этого я заключил, что вы двое в будущем совершите нечто, представляющее громадное значение, и что помешать вам невозможно, так что я не стал этого делать. Тогда я спустился по коридору и обнаружил фальшивую дверь и временной шлюз вниз. И я не думаю, что управление, которым он снабжен, полностью функционально, мастер Джонатан.

Джонатан посмотрел на яйцо, которое по-прежнему держал в руке.

— Нет... оно не возвращает обратно, как следует. Но как ты узнал об *этом*?

Элио достал из кармана свое собственное управление и протянул его. Оно было чуть-чуть меньше, с красноватым блеском, который Вивьен заметила раньше, и на его поверхности располагались разнообразные впадины, предназначенные для пальцев.

— Думаю, — произнес Элио, — ваше — гораздо более старая модель, чем это. Естественно, я совершил пару пробных путешествий через шлюз, используя управление, которое находится у вас. Оно немного не сработало во время моего первого перемещения. Я отправился в век двадцать, где был некоторым образом ошеломлен, обнаружив использование напалма и ракетной техники уже в тысяча девятьсот тридцать девятом году. Так не должно быть. Это подтвердило, что эпоха стала критической, и я поспешил убраться оттуда. Но лишь продвинулся вперед во времени. Это было ужасно неловко. Я оказался в веке двадцать четыре посреди нагой женской вечеринки в бассейне...

Вивьен не могла сдержать смеха. Даже встревоженное лицо Джонатана расслабилось в усмешке.

— Что произошло? — спросил он.

Вивьен с интересом отметила, что андроиды умеют краснеть, как обычные люди.

— Леди возражали, и тогда управление перенесло меня домой, — чопорно ответил Элио. — Учитывая это, возможно, было глупо с моей стороны предпринять на следующий день еще одно путешествие. Но я хотел узнать, стала ли критической и Вторая Нестабильная эпоха. Не стала — возможно, из-за того, что она слишком короткая, хотя и остается варварской. Тогда я снова попытался вернуться в Город Времени, но вместо этого управление направило меня в Третью Нестабильную эпоху...

— Мы теперь наверняка знаем, что это Серебряный век, — прошептал Джонатан Вивьен.

— ...которая находится в состоянии великого переворота и близка к тому, чтобы тоже стать критической. И у меня возникли такие трудности, чтобы вернуться оттуда, что я почти встревожился. Конечно, я мог позвать на помощь Патруль Времени, но тогда я подлежал бы суду за проникновение в запрещенную эпоху. Так что я удвоил команды управлению и был довольно-таки рад, когда оно, наконец, ответило и вернуло меня к шлюзу, — Элио вежливо посмотрел на них троих. — Затем я провел исследования в Городе Времени.

— Что ты имеешь в виду? — с беспокойством спросил Джонатан.

— Я имею в виду, что просмотрел отчеты Наблюдателей из эпохи, которую вы только что обозначили, как Серебряный век.

Джонатан попытался рассудительно кивнуть, чтобы скрыть облегчение от того, что Элио имел в виду только это.

— В них очень мало указаний на беспорядок, который я сам заметил за несколько

минут, — продолжил Элио. — Либо беспорядок начался совсем недавно, либо отчеты неверны. В любом случае происходит нечто странное, — он прошелся к окну, подбрасывая на ладони красное яйцо-управление, и оттуда, как раз в тот момент, когда Джонатан и Сэм ухмылялись друг другу, уверенные, что никто не знает об их приключении в 1939 году, Элио обрушил гром среди ясного неба: — Я также проверил шлюзы. Нет никаких записей о мисс Вивьен Ли, прибывающей в Город Времени. Весьма неосторожно с вашей стороны.

Они вытаращились на него. Сэм пожелтел, а Джонатан побледнел еще больше. Вивьен подумала, что она, наверное, выглядит как нечто среднее между ними.

— Что вы собираетесь делать? — безнадежно спросила она.

— Я уже сделал, — ответил Элио. — Я вставил запись на утро, когда вы появились.

Они продолжали пялиться на него. На экране на стене Злая Королева превращалась в ведьму, что могло соответствовать обстоятельствам, а могло и нет.

— Почему... почему ты это сделал? — наконец, спросил Джонатан.

Элио тоже бросил взгляд на экран.

— Я нарушил закон, тайком путешествуя во времени. Еще одно нарушение казалось уже неважным. Затем, должен признаться, я нарушил закон снова. Я подделал официальный запрос от Вечного в Научный центр Некогда, чтобы во дворец доставили это более новое управление, — он снова подбросил красное яйцо. — Понимаете, мой мозг был в смятении. Конечно, я узнал мисс Вивьен как одного из призраков времени, как только впервые увидел ее. Сопоставив ее со своими воспоминаниями о мисс Вивьен Ли, я уверился, что она не является племянницей Вечного. Но ее присутствие здесь было достаточно важным, чтобы создать призрака времени много столетий назад, и я стремился узнать почему, — Элио серьезно посмотрел на них. — Я говорил вам, что не люблю обнаруживать, что чего-то не знаю. Поэтому я должен выяснить.

— И ты выяснил, — хмуро произнес Джонатан. — Что ты делал — наблюдал за нами, пока мы не отправились?

— Я наблюдал, — вставил Сэм. — И я видел, как она прыгала вокруг фонтана, но был вынужден лежать больным, так что не смог пойти с ними.

— А. Значит, вам не случилось увидеть, откуда появился Леон Харди? — спросил Элио.

— Неа.

— Жаль. Потому что я думаю, на Закрытии Времени находится более одного тайного временного шлюза. Я знаю только, что мастер Харди появился не с площади Эры, как можно ожидать, если бы он использовал шлюз в верхнем течении реки или в здании Патруля Времени. Чиновники в Научном центре Некогда согласились выдать это яйцо-управление только при условии, что я сам принесу его сегодня после полудня. Так я и узнал. Я возвращался с ним, когда увидел мастера Джонатана, а потом мисс Вивьен, проходящих через арку. Это заставило меня поторопиться. Я прошел через арку следующим и тем не менее, когда я вышел на Закрытие Времени, мастер Харди уже был там — впереди меня, направляясь ко дворцу с другой стороны Закрытия. В тот момент я подумал, что, возможно, он сидел у фонтана и ждал...

— Не сидел, — сказал Сэм. — Я впервые увидел его только возле двери в коридор призраков.

— Он пришел туда передо мной, — согласился Элио. — И я предположил, что он собирается встретить мисс Вивьен и мастера Джонатана, когда они вернутся. Признаюсь, я спрятался, чтобы подслушать. Если бы я знал, что у него ружье...

— Спасибо, кстати, — неловко произнес Джонатан. — Он собирался застрелить нас.

Воцарилось молчание. Элио перебрасывал яйцо с ладони на ладонь. Белоснежка на экране откусила от ведьмино яблока. Молчание затянулось, из неловкого превратившись в многозначительное, а потом в невыносимое.

— По-прежнему остается столько всего, чего я не знаю, — наконец, заметил Элио. — Ваша откровенность успокоила бы мой мозг. Хотя, если вы не расскажете, я смогу найти другой способ.

— Расскажите ему, — вставил Сэм. — Я тоже хочу знать.

Вивьен посмотрела на Джонатана. Джонатан сделал усилие, чтобы выглядеть величественно, но не слишком преуспел. Он кивнул. И они рассказали Элио. Элио перестал подбрасывать красное яйцо и стоял неподвижно с отсутствием всякого выражения на лице, впитывая всё с эффективностью, которую Вивьен нашла пугающей. Она задумалась, как она вообще могла верить, что сумеет обмануть его — особенно когда он начал задавать вопросы. Каждый вопрос Элио ухватывался за то, о чем они не упомянули, и вытаскивал эту деталь на свет, так что они выложили ему абсолютно всё. Тем временем Белоснежка с Принцем уезжали вместе. Экран мигнул на мгновение, и начался другой, незнакомый Вивьен мультфильм — о кроликах.

Последний вопрос Элио зацепился за нечто, чего они даже не замечали.

— Как мастер Харди узнал о местонахождении Золотой Шкатулки?

— Из записей, — ответил Джонатан. — А что?

— Он солгал. Даже я этого не знаю, а я в течение многих лет просматривал записи в Перпетууме, Континууме и Некогда, а потом в Тысячелетии и Башне Былого и всех других местах, о каких только мог подумать. Я нашел многое о полярностях и несколько старых отчетов, говорящих о Шкатулках, но нигде ни одного упоминания о том, где они спрятаны. И, однако, мастер Харди выяснил это за полдня. Ясно, что у него есть другой источник информации, которым он воспользовался, чтобы вы принесли ему Золотую Шкатулку. Или, если это не удастся, чтобы мисс Вивьен определила для него Лоненсан.

— И он использовал ту голограмму, чтобы заинтересовать меня, — мрачно произнес Джонатан. — Но она была такой реалистичной! Полагаю, мы не должны верить ни одному сказанному ею слову.

— А, нет, существо, с которым вы говорили, было настоящим, — Элио слегка нахмурился — большая часть его громадного мозга сосредоточилась на чем-то другом. — Когда голограмма появилась во второй раз, я потрудился пройти сквозь нее, и она не обладала ни малейшей плотностью. Даже искусство века шестьдесят шесть не может сделать картинку плотной. Это лишь доказывает, что наниматели мастера Харди приводили его в Первую Нестабильную эпоху — возможно, чтобы расспросить настоящего Хранителя. Но это второстепенный вопрос. Главное, что смущает меня — я не догадался, что Свинцовая Шкатулка находится в Городе Времени. Хотя теперь, когда вы обратили на это внимание, я, разумеется, понимаю, как Шкатулки работают. Я должен был понять раньше. Это заставляет меня чувствовать себя весьма неумным.

— В таком случае я чувствую себя идиотом, — сказал Сэм. — *Как* они работают?

— Как магниты на циферблате часов, естественно. Я найду диаграмму истории и покажу вам.

Элио быстро прошелся по комнате в поисках, переворачивая диваны, открывая шкафы и поднимая громадные кучи хлама. В итоге он лег на живот и посмотрел под мебелью.

Диаграмма закатилась под автомат. Элио вытащил ее и развернул на полу.

Вивьен увидела теперь уже привычную подкову известного времени — с надписью «Каменный век» слева, возле начала и «Депопуляция» справа, в конце. Элио ткнул пальцем в разрыв наверху, прямо в его центр.

— Город Времени начинается здесь, — сообщил он. — Как часовая стрелка на часах в полдень. И, как часовая стрелка, он движется справа налево — в противоположную от истории сторону. Он должен так двигаться, чтобы не смешаться с обычным временем. Однако что-то должно толкать его по кругу. Поэтому он обеспечен мощным двигателем. Это Свинцовая Шкатулка. Но Свинцовой Шкатулке, как любому двигателю, для работы необходимо топливо, поскольку двигаться назад сквозь время — крайне противоестественно. Так что остальные Шкатулки помещены по кругу истории через равные промежутки, чтобы подхватывать Город, когда он подходит, и бросать его дальше. Сначала вступает Золотая — около трех часов, образно говоря. И она самая сильная, поскольку город еще недолго двигался и надо преодолеть большое количество временной инерции. Она притягивает Свинцовую и бросает его к Серебряной — расположенной около шести тридцати, — которая в свою очередь бросает его к Железной. Железная — самая слабая, поскольку (теперь это очевидно для меня) Город должен замедлиться и остановиться, когда вернется к концу времени — снова в полдень.

— Почему это? — возмущенно спросил Джонатан. — Я думал, он будет двигаться вечно!

— Предполагаю, Шкатулки должны быть перезаряжены и снова возвращены на места, — ответил Элио. — Или, возможно, маленький кусочек времени, в котором находится Город, должен быть заменен свежим кусочком. Этого я наиглупейшим образом пока не знаю. Однако что мне *ясно* — так это то, что вся система находится в опасности теперь, когда украдена Железная Шкатулка. Мы должны подумать, что с этим делать.

Они сидели, глядя на него, пытаясь вообразить Город Времени, остановившийся, точно сломанные часы, неспособные снова пойти. «Все эти люди и здания! — подумала Вивьен. — Что случится с Джонатаном, и Сэмом, и Элио, и Дженни?» И она вспомнила обезумевших призраков времени, бьющихся в шлюзы на реке. «Они пытались выбраться! — подумала она. — И было слишком поздно, потому что Город сломался!» Явное доказательство того, что Город действительно сломается. И они ничего не смогут сделать.

— Город является Нестабильной эпохой, — заметил Элио, увидев их лица. — Наше будущее не определено. Из этого следует, что мы можем что-то сделать. Во-первых, мы можем определить местоположение Свинцовой Шкатулки и обеспечить ее безопасность. Мы также должны разобраться, как она работает. Здесь есть Историки и Ученые, которые могут выяснить — или я сам могу. Но мне нужно будет изучить одну из других Шкатулок, чтобы понять, как они взаимодействуют. Похоже, единственная, до которой мы имеем возможность добраться — это Серебряная.

Джонатан поднялся на ноги.

— Давайте отправимся немедленно. Если мы попадем туда раньше вора...

Элио покачал головой:

— Мастер Джонатан, вы не в состоянии. Вы были на пороге смерти, и я не должен бы задерживать вас разговорами. Мы можем отправиться в любой момент и, тем не менее, прибыть раньше вора. Остается еще два дня до того, как город достигнет своего начала. За два дня многое можно сделать. Вы должны отправиться в постель.

Теперь, когда Элио указал на это, стало заметно, что Джонатан явно слабее, чем когда-либо. Он вцепился в спинку дивана.

— Но...

— Но ничего, — сказала Вивьен. — Ты выглядишь ужасно.

— Но у меня по-прежнему оно, — Джонатан поднял яйцо. — Я должен положить его обратно.

— Это было бы весьма неразумно, — ответил Элио. — Если кто-нибудь еще найдет шлюз и воспользуется им, штука может не сработать гораздо серьезнее и выбросить этого человека в историю. Давайте поместим ее туда, где она не принесет вреда, — он вынул яйцо из пальцев Джонатана и спрятал его в золотую шляпу на подставке для пирожных, зарыв в стеклянные шарики и замки. — Вот. Оставим для экстренных случаев, — после чего он взял Джонатана за предплечье и вывел из комнаты — гораздо мягче, чем он вел Леона к временному шлюзу, но столь же непреодолимо. — Мы уложим вас спать, и я сообщу госпоже Вечной, что у вас небольшой жар.

Джонатан протестовал всю дорогу до своей комнаты. Сэм пошел следом, тоже протестуя.

— Я иду с вами, когда вы отправитесь за Серебряной! Вы не имеете права бросать меня позади!

— Вы пойдете, — пообещал Элио. — Но сначала дайте мне время для подготовки. Серебряный век по меньшей мере столь же опасен, как Золотой.

Если Элио надеялся отделаться от Сэма этими словами, он совершил ошибку. Сэм утверждал, что не боится, и продолжал утверждать, пока Вивьен помогала Элио укладывать Джонатана в постель. Как только Джонатан оказался под одеялом, на его лице появилось выражение громадного облегчения.

— Великое Время! Как хорошо! — произнес он. — Чувствую себя так, будто был на ногах целую неделю!

— Ночь сна вернет вам силы, — заверил Элио и ушел сказать Дженни, что у Джонатана жар.

Сэм, к тайному восторгу Вивьен, скрючился на стуле-раме.

— Я тоже ужасно себя чувствую, — пожаловался он. — Весь мой желудок — болезненная гадость.

— Так тебе и надо, — заявил Джонатан, поворачиваясь спиной к ним обоим. — Иди в постель и оставь меня в покое.

Сэм вздохнул и встал. «Вот оно!» — подумала Вивьен.

— О, Сэм, — сладко произнесла она. — Прежде чем ты уйдешь, не мог бы ты запустить автомат Джонатана для меня? Я хочу сливочное пирожное и не знаю, как его получить.

Сэм не увидел в ее просьбе ничего особенного. Он устало проплелся к автомату, поколотил по трубам и попинал медные завитушки, пока клапан, наконец, не открылся, обнаруживая знакомый горшок с палочкой.

— Держи, — сказал Сэм.

— А ты не хочешь? — спросила Вивьен, беря горшок.

Сэм, к ее громадному удовольствию, по-настоящему содрогнулся.

— Не раньше, чем завтра.

— Тогда ты съешь это. Сейчас. В качестве наказания за то, что украл все мои деньги.

Она схватила Сэма за затылок, прежде чем он смог пошевелиться, и начала пихать

сливочное пирожное ему в рот. Сэм орал, пинался и отбивался изо всех сил. Но он был меньше Вивьен, и она управлялась с ним почти так же легко, как Элио с Леоном. Каждый раз, когда он издавал вопль, она засовывала сливочное пирожное ему в рот. Если он закрывал рот, она засовывала пирожное ему за шиворот. Джонатан перевернулся под одеялом обратно и хохотал до слез.

— Я прямо-таки почувствовал себя лучше! — сказал он, когда Вивьен решила, что Сэм достаточно расплатился за сотню кредитов, и отпустила его.

— А я — хуже! — хмуро произнес Сэм. — Думаю, ты на всю жизнь вызвала у меня отвращение к сливочным пирожным.

По его реакции Вивьен с удовольствием заметила, что правильно поняла его характер. Сэм признавал справедливое наказание, когда сталкивался с ним. Он не станет пытаться отомстить снова.

Глава 13. ГНОМОН

Вивьен ушла в свою комнату, чувствуя себя почти столь же истощенной, как Джонатан. Вот в чем настоящий недостаток путешествий во времени. Они вернулись лишь пять минут спустя после того, как покинули Город Времени, но между тем провели полдня в Золотом веке и пережили там несколько страшных испытаний. А в Городе до конца дня оставалось еще несколько часов. Вивьен позволила двери закрыться, безмерно радуясь, что у доктора Виландера не было возможности дать ей новые истощающие мозг задания.

Из прикроватной Палубы донесся голос Элио:

— Мисс Вивьен, я заказал, чтобы в вашу комнату ретранслировали подборку моих любимых фильмов. Просто нажмите белую кнопку на вашей Палубе, и начнется первый.

— Спасибо, Элио. Вы просто ангел.

— Рад был услужить.

Вивьен уселась на парящем покрывале кровати. Большая разница, когда им помогает кто-то столь умелый, как Элио. И все-таки она подозревала, что Элио воспринимает происходящее как приключение — точно так же, как она сама раньше. Теперь-то она знала: это серьезно. Закрывая глаза, она до сих пор видела Джонатана, полулежащего в том кусте. И была еще одна тревожная мысль. Если Город Времени окончательно сломается, это может непоправимо повредить всю остальную историю. И что тогда станет с мамой и папой? «Теперь я *должна* остаться, — подумала Вивьен, — и сделать всё возможное, чтобы исправить положение. Здесь никто, кроме меня, не заботится об истории».

Но нажав белую кнопку, она забыла о своих тревогах. Вивьен устроила себе кинооргию. Она смотрела фильмы, созданные до того, как она родилась, и фильмы, которые будут созданы намного позже времени ее жизни. Она забыла бы спуститься на ужин, если бы Петула не зашла напомнить ей. А кроме того Вивьен забыла, что Джонатана на нем не будет. Она вошла в столовую, витая в облаках, и резко спустилась на землю, когда увидела, что кроме нее там только Дженни и Вечный Уокер. Они тоже выглядели довольно уставшими после Церемонии Основания.

— Я заглянула к Джонатану, но он спал, — встревоженно сказала Дженни. — Как тебе кажется, он сильно болен?

Вивьен обнаружила, что усовершенствовала искусство лгать, говоря правду. Ей не пришлось даже задумываться.

— Вначале ему было довольно плохо, но скоро стало лучше, — чинно ответила она. — Он почувствовал себя гораздо лучше, как только оказался в кровати. Он смеялся.

— О, хорошо. Значит, это не так уж серьезно.

Вечный не разговаривал с Вивьен, но постоянно бросал на нее странные страдающие взгляды. «Ох! — подумала она. — Он не забыл, как я смеялась над ним вчера». Она молча слушала их разговор. Похоже, Железный Хранитель снова присоединился к процессии. Бедняга! Однако на этот раз мистер Энкиан видел его. Он так разозлился, что даже отказался прийти на ужин и позволить себя успокоить.

— Я почти благодарна тому студенту, кем бы он ни был, — сказала Дженни. — С Энкианом в подобном настроении ужасно тяжело.

«Но это не студент! — подумала Вивьен. — Леон Харди оказался в далеком прошлом задолго до того, как церемония закончилась, так что он не мог работать со своим

граммофоном. Значит, Элио прав. *Это настоящий Хранитель».*

— Я не перестаю надеяться, — мечтательно произнес Вечный Уокер, — что однажды Виландер свернет Энкиану шею. У него длинная тонкая шея — идеальная, чтобы ее сломать. Я бы свернул ее сам, если бы мне хватало сил.

И он бросил на Вивьен еще один страдающий взгляд. Вивьен поспешно опустила взгляд в тарелку, чтобы не засмеяться.

Ближе к концу ужина Дженни спросила:

— Кстати, Вивьен, Джонатан сказал тебе, что завтра и послезавтра занятий в школе не будет?

— Он забыл. А почему?

— Чтобы дети могли посмотреть церемонии. На последние приходят все. Город Времени на эти два дня просто застопорится.

Это выражение неприятно поразило Вивьен. И не слишком помогло, когда Дженни добавила:

— Но доктор Виландер просил передать тебе, чтобы ты приходила к нему после обеда, как обычно.

Значит, у них будет целое утро на поиски Свинцовой Шкатулки в Башне Гномон.

На следующий день Вивьен встала пораньше и зашла к Джонатану, проверить, достаточно ли он хорошо себя чувствует, чтобы пойти с ней. Джонатана у себя не было. Не было его и внизу в утренней, и ни в одном месте, где Вивьен искала. Сначала она не могла понять. А потом по дворцу разнесся топот бегущих ног и крики.

— О, нет! — воскликнула Вивьен. — Он раноначал!

— Действительно, мисс, — сказал Элио, пробегая мимо с тяжелым плиссированным пальто в руках. — Церемония начнется только в десять тридцать.

«У Джонатана, наверное, чутье!» — подумала Вивьен, глядя, как Элио уносится по холлу. Он бежал совсем не так быстро, как мог бы — теперь она знала это. Он подыгрывал Вечному. Но она не сомневалась: если Вечный действительно будет опаздывать, Элио начнет двигаться с молниеносной скоростью и соберет его вовремя.

Вивьен развернулась, чтобы вернуться в утреннюю, и чуть не налетела на Вечного Уокера, который несся в противоположную сторону. На нем не было ничего кроме бледно-зеленого нижнего белья и красного шарфа. Волосы выбились из узла на затылке и свисали над ухом. Вивьен почувствовала, что начинает смеяться. Она обогнула его, чтобы быстро скрыться. Но Вечный Уокер качнулся назад, будто она едва не сбила его с ног, и обвиняюще указал на нее пальцем:

— Ты. Найди мои Семиотические Тапочки — быстро!

— Как... как они выглядят? — дрожащим голосом спросила Вивьен, кусая щеки.

— Черные, со скрученными носками и платиновой вышивкой. Они должны быть где-то наверху. Здесь внизу их нигде нет. Поторопись, девочка! — Вечный пронесся мимо нее и помчался вверх по лестнице, стуча длинными голыми ступнями.

Вивьен протопала по лестнице следом, прижав ладонь ко рту, пытаясь не смотреть на развевающийся красный шарф и волосатые ноги. «Должно быть, это его месть за мой смех! — подумала она. — Я умру, пытаясь не захихикать!»

Наверху лестницы Вечный развернулся.

— Не ходи за мной! — неразумно рявкнул он. — Иди туда. Я поищу здесь.

И он запрыгал прочь по лестничной площадке с перилами. На полпути он снова

развернулся и увидел, что Вивьен стоит на том же месте, беспомощно зажав рот обеими руками.

— Что ты *делаешь*? — заорал он. — Ты бесполезна, бесполезна! Я опоздаю! — и начал пляску ярости и разочарования.

Вечный Уокер в зеленом нижнем белье, скачущий, прыгающий и машущий руками — это было уже слишком для Вивьен. Взвыв, она согнулась пополам над перилами.

— Не время страдать от морской болезни, — крикнул Вечный.

Вивьен сумела поднять голову. Вопли Вечного дали возможность дворцовым помощникам найти его. С одного конца лестничной площадки на цыпочках приближалась Петула со свертком вышитых одеяний, а остальные подкрадывались с другой стороны, надеясь зажать Вечного в ловушку между ними и засунуть его в вещи, которые они несли. Но Вечный продолжал скакать, маша руками на Вивьен, его пучок совсем развязался и развеивался, как коса Джонатана.

— Ищи тапочки! — рявкнул он на нее.

Вивьен продолжала смеяться, но теперь она смеялась с изумлением. «О, Небо! — подумала она. — Он *знает*, что забавный, и *хочет*, чтобы я смеялась!»

— Только если вы не спрятали их сами! — крикнула она в ответ.

— Я никогда не прячу вещи. Это получается само собой, — проревел Вечный.

Он ускользнул от Петулы в прямо-таки балетном прыжке именно в тот момент, когда Петула была уверена, что схватит его, и помчался прочь по кругу лестничной площадки.

— Тапочки! — прокричал его голос на расстоянии. — Куда этот глупец Элио дел мое Кавказское пальто?

Вивьен вытерла глаза, шмыгнула носом и поковыляла за остальными, когда они ринулись вслед за Вечным. Тапочки нашлись на полпути наверх на следующем лестничном марше, и Вечный должен был знать, что они там. Вивьен подобрала их и присоединилась к погоне. «Думаю, все до сих пор воспринимали его чересчур серьезно, — подумала она, спеша наверх по лестнице. — Возможно, он сам воспринимал *себя* серьезно, пока я не начала смеяться, и он понял, что ему это нравится!»

Какова бы ни была причина, Вечный Уокер тем утром превзошел сам себя. Он носился по коридорам, нырял вниз по лестницам, перепрыгивая через две ступеньки, швырял золотые шляпы в ванную и обувь в людей. Он кричал. Он танцевал. И каждый раз, когда они, казалось, загоняли его в угол, он ускользал от всех рук, пытавшихся протянуть ему облачения и брюки, словно они принадлежали множеству призраков времени, и уносился в новом направлении, громко требуя различные предметы одежды. Вивьен ослабела от смеха. Дженни постоянно появлялась, чтобы присоединиться к охоте, сама на разных стадиях процесса одевания, и некоторое время спустя она подхватила смех Вивьен. Ей пришлось, пошатываясь, уйти, пряча лицо в ладонях. Одна из молодых помощниц Петулы вскоре стала не лучше Вивьен, и они потеряли одного из мужчин, которые полировали полы, когда он вынужден был сесть на черной лестнице, чтобы захохотать. В итоге почти все корчились в припадках смеха. Даже в уголках губ Элио появились складки, когда он поймал Вечного Уокера в холле и твердо засунул его в плиссированное пальто.

К этому моменту почти наступило время начала церемонии. Снаружи, на Закрытии Стража Аннуария в алом и золотом выстраивалась в линию, а Сэм стоял на ступенях дворца, глядя внутрь сквозь стеклянные двери и ухмыляясь до ушей — его лицо снова стало розовым и пышущим здоровьем. Вечный Уокер спокойно стоял, позволив Элио прикрепить красный

шарф к его головному убору. Он смиренно влез в плиссированные брюки, которые Дженни передала ему, и позволил всем подавать ему разнообразные жезлы и цепи, которые шли с одеждой. Последним делом он по очереди поднял каждую ногу, чтобы Вивьен могла надеть на них Семиотические Тапочки. Когда она встала, он одарил ее необычайно страдающим взглядом. Она была уверена, что это заменяет Вечному подмигивание.

Элио прошелся щеткой по жесткому пальто и благополучно отправил Вечного Уокера наружу — навстречу Страже Аннуария. Дженни шла следом. Затем он повернулся к Вивьен:

— Мы все немало повеселились. Не могли бы вы исследовать Гномон, мисс, пока я изучаю другие возможности?

— Да, я как раз собиралась, — ответила Вивьен. — Но я не могу найти Джонатана.

Элио кивнул на лестницу. Джонатан спускался по ней — невозмутимый и величественный, и такой же здоровый, как Сэм.

— Пошли, — сказал он.

Вивьен подумала, что он неправильно относится к своему отцу. На самом деле, теперь, задумавшись над этим, она поняла, что ни разу не видела, чтобы они разговаривали друг с другом. Когда Вивьен с Сэмом и Джонатаном пошли через Закрытие за последними Стражами Аннуария, она попыталась исправить положение.

— Почему ты всегда исчезаешь, когда твой отец готовится к церемонии? — спросила она. — Тебе стоило бы остаться. Это так забавно! У меня живот болит от смеха!

— Я не собираюсь стоять и наблюдать, как мой отец выставляет себя идиотом, — высокомерно ответил Джонатан. — Я Ли, в конце концов.

— Он очень *хороший* идиот! — возразила Вивьен.

Но по лицу Джонатана она поняла, что он не простит ей, если она скажет что-нибудь еще. Так что она сдалась.

Они пробирались к Гномону сквозь увеличивающуюся толпу людей. Сказанное Дженни оказалось правдой. Хотя здесь присутствовали тысячи туристов, более чем половина собравшихся были в пижамах Города Времени. Когда они добрались до авеню Четырех Веков, толпа стала еще плотнее, а сама авеню была огорожена веревками, вдоль которых стояли Патрульные Времени. Зигзагообразная лестница наверху Холма Бесконечности тоже была огорожена веревками, и стражи в разноцветных униформах стояли вдоль них на протяжении всего пути наверх.

— Тьфу ты! — произнес Джонатан. — Я забыл, что церемония сегодня проходит здесь. Придется обойти вокруг и подойти сзади.

Они снова стали прокладывать себе дорогу — навстречу всем остальным. Вивьен с сожалением посмотрела назад. Играл оркестр. Авеню великолепно выглядела с развевающимися на арках лентами света, с чудно подобранным сочетанием цветов. Дети в толпе держали флаги и длинные палочки, издававшие музыкальный перезвон. Эта церемония казалась занятой.

— Так и есть, — сказал Сэм. — Не беда. Мы можем посмотреть ее на следующий год.

«Но я не могу!» — подумала Вивьен как раз в тот момент, когда Джонатан заметил:

— Следующего года может и не *быть*, если мы не найдем Шкатулку.

Это заставило Вивьен подумать, что Джонатан — единственный не похожий на Сэма человек в Городе. В глубине души Сэм считал, что всё в порядке. Да, Сэм маленький, но даже Элио думал, что всё будет хорошо. И все остальные просто продолжали заниматься обычными делами, хотя и знали, что возник кризис — будто Город Времени будет

существовать вечно. Конечно, большинство из них мало что могли сделать. Но как-то ожидаешь, что *некоторые* должны бы и обеспокоиться!

У них ушло немало времени, чтобы, проталкиваясь и протискиваясь, пробраться к задней части Холма Бесконечности. Здесь все улицы были пустыми, и Джонатан быстро провел их к высоким позолоченным железным воротам, которые открывались на длинный лестничный марш.

— Ворота держат закрытыми, — сообщил Джонатан, — чтобы люди не знали, что есть другой путь к Гномону, но это не запрещено.

Лестница шла прямо среди декоративных кустов, растущих по всему Холму Бесконечности. Джонатан пустился по ней бегом. Вивьен включила функцию снижения веса, но даже при этом запыхалась, когда они добрались до Башни. Этим утром она уже пробежала вверх и вниз больше лестниц, чем хотелось бы.

— Сегодня доступ запрещен, — сказала Страж Аннуария возле маленькой двери напротив лестницы. — Здесь скоро будет процессия.

В Башню вели двенадцать дверей, и перед каждой, насколько Вивьен могла видеть, по стойке смирно стоял Страж Аннуария. Она начала думать, что если Свинцовая Шкатулка *действительно* в Гномоне, она в любом случае достаточно хорошо охраняется.

Джонатан умудрился состроить жалобный вид:

— Но мы должны попасть внутрь! Доктор Виландер сегодня устраивает нам контрольную по Гномону. Он велел нам сходить сюда.

— Доктор Виландер? — уважительно произнесла Страж. — Не тот, с кем я хотела бы ссориться. Посмотрю, можно ли сделать исключение.

Она открыла дверь и сунула голову внутрь, чтобы поговорить с кем-то. Некоторое время спустя из следующей двери в ряду выглянули две головы посмотреть на них. Они принадлежали Патрульным, которые хорошо знали Сэма и которые пропустили их внутрь.

Круглая комната в основании башни была пуста, если не считать спиральной колонны в центре. Росписи на стенах между двенадцатью дверями изображали цветущие деревья, наполовину скрывающие виды Города Времени. С одного взгляда становилось понятно, что здесь нельзя ничего спрятать. Пол представлял собой одну громадную круглую каменную плиту. «Если Шкатулка под ним, мы никогда ее не найдем!» — подумала Вивьен.

— Он хочет, чтобы мы осмотрели всю башню, — прогудел по комнате голос Сэма.

— Хорошо, сынок, — ответил Патрульный. — Это можно устроить.

Они получили целую экскурсию. Путь наверх башни шел по центральной спиральной колонне. Патрульный поставил ногу на одну из выемок, вырезанных в колонне, и начал подниматься наверх, обходя ее по кругу. Когда его голова оказалась рядом с раскрашенным потолком, освободилось место для Сэма, чтобы поставить ногу на выемку и тоже начать подниматься. Вивьен последовала за Сэмом, а Джонатан — за ней. Они чудесным образом прошли сквозь потолок — там, где казалось, нет никаких проемов, через которые можно пройти — и наверх, в место, заполненное светом. Вивьен пришлось зажмуриться. Снова открыв глаза, она увидела, что они поднимаются по спирали внутри чего-то вроде стеклянной колонны. Затем они попали в место, где свет так сбивал с толку, расщепляясь и отражаясь, что Вивьен не могла понять, что вызывает такой эффект. А некоторое время спустя они вышли на Пагоду Времени, на самом верху Гномона. Испытывая легкое головокружение, Вивьен уставилась сквозь ажурные арки на простирающийся перед ней Город Времени. Она могла видеть струи фонтанов в Маятниковых Садах, поднимающиеся и

оппадающие позади купола Годов, и изящную стрелу Башни Былого перед странным кривобоким Перпетуумом. Можно было даже разглядеть вдали покатуую золотую крышу Хронолога, а серая крыша напротив, наверное, принадлежала дворцу Аннуарий. За ним расстилались зеленые поля до того места, где небо неожиданно заканчивалось.

Из следующей арки открывался изумительный вид на авеню Четырех Веков до самого Тысячелетия у ее начала, и на процессию церемонии, находящуюся где-то на полпути по ней. Большую часть Пагоды занимал громадный колокол Часов Полудня. Они сразу поняли, что Шкатулка не спрятана в колоколе. Он был сделан из чего-то прозрачного — вплоть до гигантского языка, — и солнце ослепительно отражалось от него в южную арку.

— Лучше не задерживаться здесь надолго, — предупредил их Патрульный. — Когда он начнет бить, можно оглохнуть: порвет барабанные перепонки.

Джонатан проверил похожие на кружево камни вдоль всей Пагоды, но она была слишком открытой, чтобы спрятать здесь что бы то ни было. Какой-то турист попытался спрятать палочку от сливочного пирожного в одном из самых широких отверстий, и Патрульный тут же нашел ее. Он сурово достал ее, прежде чем направиться вниз по лестнице, идущей спиралью снаружи башни. Эту изящную лестницу огораживала высокая стена, так что с нее открывался вид только на небо. Ее невозможно было разглядеть с земли, которая виднелась далеко внизу, поскольку следующий этаж занимал половину высоты башни.

— Часовые механизмы, — гордо объявил Патрульный, свернув с лестницы и войдя в высокий и узкий дверной проем.

Все механизмы были сделаны из стекла и все двигались. Вивьен окинула изумленным взглядом сияющие зубцы, медленно поворачивающиеся, чтобы соединиться с прозрачными храповиками, и стеклянные стержни и пружины — сотни и сотни, — каждая блестела и двигалась и каждая каким-то образом соединялась с гигантской стеклянной колонной в центре, которая тоже медленно-медленно поворачивалась. «Мы поднимались по этой колонне!» — подумала Вивьен, ослепленная радужным мерцанием и ошеломленная прозрачными зеленоватыми глубинами стекла. Но здесь совершенно негде что-то спрятать, поскольку всё было насквозь прозрачным. Даже стены между длинными узкими окнами были сделаны из чего-то наполовину прозрачного. Сквозь них проникал свет почти цвета сливочного пирожного. Любая свинцовая вещь бросилась бы в глаза как чернильное пятно.

Мерцание поверх глаз Джонатана сгустилось, защищая его от света, но Вивьен видела, как его глаза разочарованно сузились, когда они развернулись, чтобы снова последовать за Патрульным. Патрульный не хотел, чтобы они и здесь оставались надолго, поскольку Часы Полудня и в этой части могли оглушить.

— Фабер Джон хотел показать, что она здесь не спрятана, — хрипло прошептал Сэм.

— Ш-ш! — прошептала Вивьен в ответ, хотя всё пространство заполнял слабый перезвон двигающегося стекла и Патрульный скорее всего не мог услышать.

Внешняя лестница шла к земле, но до следующего этажа имелась и лестница внутри стены, поскольку башня становилась толще у основания. Комната внизу когда-то, должно быть, представляла собой наблюдательный пункт, поскольку в ней по всему кругу располагались широкие окна, но сейчас из нее сделали маленький музей — довольно скучный. Единственной необычной вещью являлась стеклянная колонна в центре, всё время медленно вращающаяся. Однако Свинцовая Шкатулка легко могла быть помещена сюда как музейный экспонат. Они нетерпеливо устремились к ближайшей витрине.

— Это один из самых первых автоматов, — сообщил Патрульный, остановившись возле машины рядом с дверью. — И всё еще работает! Кто-нибудь хочет сливочное пирожное?

Сэм содрогнулся.

— Э... нет, спасибо, — ответил Джонатан. — Мы... э... мы должны работать.

Он включил функцию ручки. Пока они ходили вдоль витрин, он притворялся, будто очень занят, делая заметки на помятом листе, который выудил из кармана.

Вивьен шла впереди него и быстро поняла, что и здесь нет ничего, похожего на Шкатулку. Большинство вещей когда-то принадлежали Фаберу Джону. Шляпа, похожая на Ампорийскую Митру Вечного Уокера, но для гораздо более крупной головы — она лежала на боку, так что Вивьен могла увидеть, что внутри нее ничего нет. Очень большая поношенная печатка. Золотая медаль в виде звезды. Листок с заметками всеобщими символами. Документы. И совершенно ничего интересного. Вивьен слонялась вокруг стеклянной колонны и ждала, когда Джонатан сдастся.

В колонне располагались четыре ниши — примерно на уровне глаз Вивьен. Она увидела каждую по очереди, пока колонна медленно вращалась, а мальчики тщательно исследовали каждую витрину. Вивьен обошла вокруг и снова посмотрела на ниши. Все они были разными — явно созданные специально, чтобы вместить четыре вещи, неодинаковые по форме и размеру. Одна была плоской, квадратной и довольно большой. «Железная Шкатулка!» — подумала Вивьен. Обе ниши по бокам были овальными — одна маленькая, а другая большая. «Спорю, эти для Серебряной и Свинцовой!» — подумала Вивьен. Но она никак не могла определить, какая из них какая. Четвертое углубление, на противоположной от квадратной ниши стороне, предназначалось для чего-то высокого с несколькими ребрами. «Золотая!» — подумала Вивьен. По крошечным выбоинам в этой и в большой овальной нишах, она поняла, что две Шкатулки должны быть красиво украшены.

— Для чего эти углубления? — спросила она Патрульного, чтобы убедиться.

Он посмотрел слегка смущенно.

— Ну, предание гласит, что они предназначены для полярностей Фабера Джона. В конце времени полярности должны вернуться в колонну. Конечно, это лишь предание, но мы держим их пустыми на всякий случай.

— Ты должен был это знать, — сказала Вивьен Джонатану.

Он порозовел и нацепил свой самый величественный вид.

— Когда живешь здесь, Гномон оставляешь туристам. Пошли. Процессия уже почти добралась до башни.

— Из этого окна у вас будет лучший вид на Город, — сказал Патрульный, подумав, что Джонатан торопится увидеть церемонию. — Приглашаю вас посмотреть отсюда вместе со мной.

— О, хорошо! — сказал Сэм.

Он протиснулся между витриной с шляпой и витриной с перчаткой и прижался лицом к окну за ними. Вивьен тоже протиснулась туда, устроившись рядом с ним. Джонатан вздохнул и оперся о витрину с шляпой.

Они смотрели прямо на зигзагообразную лестницу на холме. Процессия как раз достигла ее основания, и пожилой Страж Аннуария, который шел впереди, неся громадное золотое копьё, начал взбираться по ней. Следом шел отец Джонатана, нестигаемый и высокий в своем плиссированном пальто и длинном головном уборе. А позади него двигалась масса людей в мантиях всех цветов — со знаменами, штандартами, источающими

красный дым горшками и большими перьевыми веерами. Когда Вечный поставил ногу на нижнюю ступень, раздался ужасающий шум, прогрохотавший сквозь комнату и сквозь их головы. Музейные витрины завибрировали.

— Здесь вступают часы, — пояснил Патрульный, опершись на витрину рядом с Джонатаном. — Должен сказать, Вечный знает, как рассчитывать время своих церемоний. Идеально!

Вечный начал взбираться. Вдруг рядом с ним возникла фигура в зеленом, тоже пытаясь взойти по ступеням.

— Всего лишь Призрак Бесконечности, — успокаивающе произнес Патрульный.

Вивьен с трудом перенесла вибрацию от часов. Она кивнула, потом потрясла головой, чтобы прояснить ее. Едва она успела привести голову в порядок, когда шум раздался опять. Казалось, он сотряс всю башню. Внизу Вечный Уокер взбирался мимо Призрака Бесконечности, не глядя на него. Остальная часть величавой, красочной процессии шла следом, не обращая внимания на отчаявшегося зеленого человека — вокруг, рядом и сквозь него. Часы забили снова. И один человек в процессии заметил борющегося зеленого призрака. Вивьен периодически могла разглядеть его — серую фигуру среди разноцветных мантий, наклонившуюся, чтобы протянуть призраку руку помощи. Он казался озадаченным, когда рука прошла сквозь призрака, и он пытался снова и снова, с каждым разом всё более умоляюще. Призрак Бесконечности просто продолжал изо всех сил карабкаться по ступеням, а процессия игнорировала обоих. Часы пробили четыре, пять, шесть, пока величавые люди поднимались мимо них.

— Железный Хранитель, — прошептал Сэм, своим дыханием заставив запотеть стекло.

— Бедняга, — пробормотала Вивьен.

Она сочувствовала Железному Хранителю больше, чем когда-либо. Похоже, он не мог понять, что старается коснуться лишь призрака. Она знала, почему он продолжает попытки. Борющийся человек являлся призраком Наблюдателя за Золотой. «Он попытается принести Золотую в башню, и что-то будет останавливать его!» — подумала Вивьен. Она повернулась посмотреть на Джонатана. Он тоже узнал Наблюдателя и побледнел от тревоги.

Но часы продолжали бить, а процессия продолжала взбираться. Они потеряли Призрака Бесконечности и Железного Хранителя, когда великолепный расчет времени привел Вечного Уокера наверх лестницы точно в тот момент, когда пробил двенадцать, и настоящие люди в красочных регалиях загородили им вид ступеней.

— Боюсь, нам пора идти, — вежливо произнес Джонатан.

— Я остаюсь, — сказал Сэм.

— Ладно. Но нам с В.С. надо поесть, прежде чем мы пойдем к доктору Виландеру.

Джонатан с Вивьен поблагодарили Патрульного и покинули музейную комнату по ступеням снаружи башни. Таким путем они вышли к задней части и избежали церемонии.

Голова Вивьен по-прежнему гудела от вибраций колокола, а ноги тряслись. Когда они спустились, ей показалось, будто твердая земля Холма Бесконечности дрожит.

— Звук колокола производит такое действие на некоторых людей, — сказал Джонатан. — Это пройдет. Ну — что ты думаешь? Шкатулки настолько очевидно там нет, что я думаю, она *может* быть там.

— Ты слишком мудришь, — ответила Вивьен, едва сдержавшись, чтобы не добавить: «Как всегда!» — вместо этого она терпеливо произнесла: — Тот, кто построил башню, пытался показать людям, что Шкатулка где-то в другом месте. Сэм так и сказал. Обычно он

бывает прав насчет таких вещей.

— В таком случае, он слишком мудрит, как и ты. У нас нет ни малейшего представления, где еще искать. Ты должна сегодня спросить доктора Виландера.

— Ты спроси его.

— Нет, ты. В прошлый раз ты прекрасно его разговорила, и будет лучше, если это сделаешь ты. Предполагается, что я всё знаю о Городе Времени.

— Но ты лучше знаешь, как подтолкнуть его к нужному.

Они спорили по этому поводу, пока ели мороженное с креветками и морскими водорослями на площади Эры, и всё это время Вивьен продолжала чувствовать, будто земля дрожит. «Не может быть, что это *всё еще* из-за часов!» — подумала она и спросила:

— Джонатан, ты точно не чувствуешь, что земля вроде как трясется?

Взгляд, который Джонатан бросил на нее, ясно дал понять, что он чувствует.

— Я надеялся, это колокол.

— Значит, Город подходит к концу времени. Это оно.

— Да, но которое *оно*? Он дрожит, потому что замедляется или потому что ломается?

Когда они встали и пошли через площадь, пробираясь сквозь толпы людей, расходящихся после церемонии, Джонатан сказал:

— Ты *должна* спросить Виландера. Как-нибудь похитрее. Это срочно.

— Почему я?

Спор начался заново и продолжался весь путь наверх по лестницам Перпетуума, и казалось, будто ступени дрожат тем сильнее, чем выше они поднимаются.

— Ты должна это сделать, — сказал Джонатан, когда они завернули в ГЕРОДОТИУМ, — потому что ты нравишься ему.

— С чего ты взял? — спросила Вивьен; темное дерево вокруг них скрипело и сдвигалось. — Он только пронзает меня взглядом, ворчит и высмеивает меня!

— Он высмеивает только тех, кто ему нравится, — заявил Джонатан, чем и завершил спор.

Когда они постучали в дверь РЕДКОГО КОНЦА, Вивьен согласилась спросить.

Но как только они вошли внутрь, ее нервы сдали. Среди теплого запаха дерева и книг, доктор Виландер сидел в своем мохнатом пиджаке, зажигая трубку и глядя на них сквозь дым маленькими умными глазами — будто он ни разу не пошевелился с тех пор, как они видели его в последний раз. Только потертая фиолетовая мантия, брошенная поверх стопки кубов с записями, показывала, что доктор Виландер перемещался, чтобы принять участие в церемонии.

— Сегодня я займусь с вами Войнами Разума, — прорычал он сквозь облако дыма. — Приступим. Это самый неприятный эпизод, который когда-либо происходил в какой-либо Фиксированной эпохе. Его последствия чувствуются сквозь всю последующую Нестабильную эпоху и продолжаются до возникновения Исландской Империи. Проконсультируйся со своей диаграммой, Вивьен, и назови мне основные факты о Войнах Разума.

Вивьен посмотрела на диаграмму. Она предполагала, что должна начать расспросы с невинного: «Доктор Виландер, почему дрожит земля?» Но здесь она не чувствовала дрожи. Она не могла думать ни о чем, кроме того что доктор Виландер не проявляет ни малейших признаков симпатии ни к одному из них. Ненависть и презрение казались более подходящими словами для описания того, как он смотрел на нее.

— Прежде чем она начнет, — вмешался Джонатан, заметив затруднение Вивьен, — она хочет кое-что спросить у вас.

«Вот гад!» — подумала Вивьен.

— В таком случае, ей лучше самой говорить за себя, — проворчал доктор Виландер. — Давай, Вивьен. Можешь использовать язык глухонемых, если тебе так удобнее.

«Высмеивает меня, — подумала Вивьен. — Неужели это правда означает, что я ему нравлюсь?» Он сглотнула:

— Это... это по поводу той бумаги, которую вы дали мне переводить. Почему в ней говорится, где найти три Шкатулки, а где найти Свинцовую — нет?

— Предполагаю, потому что меньшие Шкатулки притягиваются Свинцовой и сами найдут ее. Нет смысла искать Войны Разума в Каменном веке. Ты обнаружишь их в веке пятьдесят семь.

— Да, но предположим, что-то пошло не так и *необходимо* найти Свинцовую Шкатулку. У вас есть какие-нибудь идеи, где Фабер Джон мог поместить ее?

— Мы не станем тратить время, играя в Отними туфлю^[11] с легендарными предметами, — резко ответил доктор Виландер. — Но раз уж об этом зашла речь — скажи мне, что означает имя Фабера Джона?

Вивьен вздохнула. Каждый раз, когда она пыталась спросить о чем-нибудь доктора Виландера, он неизменно менял направление разговора. Похоже, нет смысла больше пытаться. Она так разозлилась, что на мгновение забыла, что должна изображать Вивьен Ли.

— Смит, — ответила она. — Оно означает скучное старое Джон Смит.

Ее слова спровоцировали целую лекцию со стороны доктора Виландера:

— Скучное? Имя нашего основателя *скучное!* Это самое почетное имя из всех! В те времена, когда появились имена, имя Смит надо было заслужить, и заслуживал его самый одаренный человек в округе. Первый Смит был гением, который изобрел, как обрабатывать метал. Люди приходили к нему за наукой и магией. Он был не просто сильным, если ты это имеешь в виду. Он создавал вещи. И он знал, как поместить в эти вещи мощь так, чтобы они точно исполняли свое предназначение. Он осмеливался изучать подобные материи и использовать свое знание. Но если ты имеешь в виду, что Смит — распространенное имя, тем самым ты утверждаешь, что среди человеческого рода замечательно много одаренных людей, и это вовсе не скучно. А теперь, пожалуйста, рассмотрим Войны Разума.

И они рассмотрели. Вивьен решила, что они отвратительны. Раньше она и не представляла, что с человеческим разумом можно сотворить такие жестокие вещи. Под влиянием разнообразного воздействующего на сознание оружия все нации, о которых она знала, исчезли навсегда, что расстроило ее так же сильно, как само оружие. Никогда еще она не была так рада убраться из жаркой, пахнущей деревом пещеры в РЕДКОМ КОНЦЕ.

Однако Джонатан всё время явно думал о чем-то другом. Когда они спускались по вибрирующим лестницам, он сказал:

— Если он прав насчет того, что остальные Шкатулки притягивают Свинцовую, то мы *должны* добыть Серебряную, чтобы найти ее.

— Но Серебряный век идет сразу после Войн Разума, — с ощущением дурноты произнесла Вивьен.

— Да, я знаю, — Джонатан отмел это в своей самой величественной манере. — Но без нее мы никуда не продвинемся. Если только, конечно, Элио не сумел разузнать больше, чем мы.

Глава 14. Серебряный век

Элио и Сэм ждали их на Закрывании Времени возле фонтана, вода в котором из-за дрожания земли вся покрылась пересекающейся рябью. Элио выглядел недовольным. На его гладком лбу появилась складка, но это не имело никакого отношения к сотрясению земли.

— Я порылся в записях, — сказал он, — и там нет ни малейшего намека на то, что знал Леон Харди. Мне не стоило так торопиться изгонять его в Италию. К тому же существо наблюдающее за Золотой Каской — полный болван!

— Хочешь сказать, ты был в Золотом веке? Сегодня? — спросил Джонатан.

— Если бы мы встретились с тобой до этого! — воскликнула Вивьен. — Призрак времени, который взбирается по лестнице к Гномону — Наблюдатель за Золотой.

— И этого я тоже не знал, — Элио нахмурился еще сильнее. — Значит, он решил прийти сюда, вопреки всем моим словам.

Он казался таким расстроенным, что Вивьен осмелилась похлопать его по руке. Прикоснуться к нему оказалось совсем не то, что прикоснуться к Железному Хранителю. Рука Элио ощущалась как обычная человеческая рука.

— Думаю, нам лучше побыстрее найти Серебряную Шкатулку, — встревоженно произнес Джонатан.

— Да, — согласился Элио. — Сейчас и отправимся.

Они прошли ко дворцу мимо призрака времени в церемониальных одеяниях, который, видимо, был предыдущим Вечным.

— Мой визит в Золотой век вылился в напрасную трату огромного количества энергии, — сообщил Элио. — Среди деревьев прятались дикие люди, которые приложили немало усилий, чтобы убить меня, потом появился вооруженный человек на лошади, который, похоже, считал своим долгом убить нас всех. А когда я ускользнул от них и добрался до Лоненсана, Наблюдатель стоял, жуя травинку, и не желал отвечать ни на один мой довод. В любом случае, мне пришлось поспешно исчезнуть, поскольку человек на лошади вернулся, — Элио вздохнул и, когда они вошли в холл дворца, добавил: — Надеюсь, в Серебряном веке нам повезет больше.

Никто ничего не сказал. Вивьен подумала, что если судить по ее собственным чувствам, Джонатан и Сэм сейчас надеются, что им что-нибудь помешает туда отправиться.

— Мастер Джонатан, — произнес Элио. — Вы еще не сказали, какое место в Третьей Нестабильной эпохе мастер Харди указал вам для поисков Серебряной Шкатулки.

Джонатан нацепил величественный вид и беспечно заявил:

— О, разве?

Они завернули за угол в галерее, где в ярком свете стало заметно, что Джонатан покраснел.

— Ты крыса! — закричал Сэм. — Ты опять ходил без меня!

— Так *вот* куда ты исчез сегодня утром! — воскликнула Вивьен.

— Мастер Джонатан, вы сильно рисковали, — с упреком произнес Элио. — В той эпохе постоянно идет война. К тому же вы должны были использовать поврежденное управление, поскольку рабочее весь день оставалось со мной.

— Да, но я положил его обратно в шляпу. И нечего пронзать меня взглядом, Сэм. Я ничего не нашел. Там была лишь соленая пустыня и ни единой души вокруг. Понимаете, я

решил, что стоит отправиться туда на сто лет раньше вора, чтобы уж наверняка. Но не смог обнаружить ни малейших признаков Хранителя, даже когда я кричал, и никакой возможности определить, где находится Шкатулка. Всё зря.

— И яйцо сработало как следует? — спросила Вивьен.

— Нет. Когда я попытался вернуться, оно перенесло меня в Золотой век, довольно близко к Лоненсану. И я видел там *тебя*, Элио. Я так и подумал, что это ты, но ты так быстро бежал через поляну, что я не был уверен.

— Но в итоге оно вернуло тебя обратно? — спросила Вивьен.

— Очевидно. Иначе меня бы здесь сейчас не было. Но на это ушла целая вечность, и я вернулся только перед самым уходом родителей на церемонию. Я успел прилично испугаться.

— И правильно, — сказал Элио. — На этот раз используем мое управление. И мы прибудем за пять минут до того, как вор доберется до Шкатулки, поскольку ясно, что у него есть информация, которой нет у нас, и он может привести нас к месту. То есть, мастер Джонатан, если вы будете столь великодушны сообщить нам, куда идти.

— В Балтийское море, — признался Джонатан. — Леон сказал, век шестьдесят четыре — самое лучшее время, поскольку на тот момент море уже сто лет как высохло и еще сто лет таковым останется, — и он назвал координаты, которые ничего не значили для Вивьен.

Но Элио понял и посмотрел с сомнением:

— Надеюсь, мастер Харди дал вам правильные ориентиры. В том веке, как бы ни протекала история, это всегда военная зона, и, как я уже говорил, я нашел эту эпоху весьма поврежденной. Однако, — добавил он более радостно, — я буду рядом, чтобы позаботиться о вашей безопасности, и я добыл нам всем защитную одежду. Сюда.

Он подвел их к витринам на дальнем конце галереи. Вивьен остановилась перед той, в которой лежал ее собственный багаж. Теперь он выглядел пыльным и чужим, и совершенно бесполезным.

— Элио, — позвала она, — если мы добудем Серебряную Шкатулку и с Городом Времени будет всё в порядке, мне понадобится это, когда я вернусь домой.

Элио остановился, повернув голову и уставившись на багаж с явным сожалением:

— Раньше у меня никогда ничего не было из века двадцать. Но, конечно, вы можете забрать это, когда вам понадобится.

Вивьен почувствовала, что это причиняло ему настоящую боль.

«Но это мое!» — подумала она, когда Элио прошел дальше к витрине с марсианскими сапогами. Теперь там вместо них находились четыре плоских серебристых пакета. Табличка гласила: «Нейлоновые чулки века двадцать четыре (мужские)». Элио открыл витрину, вынул пакеты и перевернул табличку. На другой стороне было написано: «Экспонат на реставрации». Он протянул им пакеты и направился к оцепленной двери.

Желудок Вивьен скрутило, и скручивало всё сильнее с каждым шагом к подземной комнате. Ее пальцы дрожали, когда она открывала пакет при свете от пояса Элио. Наружу выскользнула странной формы одежда, тонкая как паутина.

— Это костюмы для защиты разума из века пятьдесят шесть, — сообщил им Элио. — Я достал их оттуда, поскольку костюмы Войн Разума тогда были самыми лучшими. Натяните их на голову и лицо, а остальному просто дайте соскользнуть к ногам.

— Почему они покрывают всё тело? — спросил Сэм. — *Мой* мозг — в голове.

— Но по всему вашему телу проходят нервы, которые ведут к голове. Воину разума

достаточно найти незащищенный нерв, — объяснил Элио. — Костюмы не допустят этого. Они также до некоторой степени защитят от другого оружия, при условии, что вы не будете слишком близко.

Это заставило Вивьен почувствовать себя более шатко, чем когда-либо. И от того, что земля даже здесь внизу по-прежнему немного дрожала, становилось только хуже. Вивьен натянула странную одежду на голову. Сквозь нее было легко дышать, и она ощущалась на плечах и дальше по всему телу как легчайшее прикосновение. Вивьен развела руки, чтобы посмотреть на себя, покрытую мягкими серебристыми складками. «Мы не сможем далеко уйти, заплетаясь в этой штуке!» — подумала она. Но после паузы, во время которой одежда, должно быть, приспособилась к ней, она внезапно сжалась вокруг Вивьен.

— Поднимите каждую ногу по очереди, — велел Элио.

Вивьен подчинилась, и серебряная ткань быстро сжалась на подошвах ее обуви. И она вся оказалась покрытой серебряной паутиной. Остальные тоже были серебряными с ног до головы. Лица Джонатана и Сэма, смотрящие на нее сквозь паутину, казались расплюснутыми и белесыми.

— Я не слишком хорошо вижу, — произнес Джонатан. — Похоже, костюм подавляет мою зрительную функцию.

— Тогда держитесь рядом со мной, — сказал Элио.

Проникающий сквозь костюм свет от пояса делал его похожим на светящееся привидение.

— Вы все должны держаться рядом со мной. Я сделаю всё возможное, чтобы обеспечить вашу безопасность, а, как вы знаете, мои возможности вдвое больше, чем у рожденного человека.

Он поднял руку с красным яйцеобразным управлением, казавшимся размытым под костюмом, и указал на мерцающую аспидную плиту.

Плита исчезла, став дверью, открывающейся в ослепительно яркий свет. Белый-белый песок простирался до самого бледно-голубого неба. Они шагнули в дверь, и их ноги захрустели и заскользили по чему-то, похожему на иней. Возможно, это соль, оставшаяся от высохшего моря, подумала Вивьен. Здесь было холодно. Костюм нисколько не защищал от пронизывающего ледяного ветра. Она отвернула лицо от ветра и белого света, и поняла, что белая местность вовсе не была плоской пустыней. Синие тени обнаруживали множество возвышенностей и ям. Некоторые из них представляли собой рвы правильной формы, напомнившие Вивьен о траншеях Первой мировой войны.

Зрительная функция Джонатана затемнилась на ярком свете. Он почти вслепую вертел головой.

— Что происходит? Это место было плоским, когда я приходил сюда сегодня утром.

— Кто-то выкопал множество ям, — сообщил ему Сэм.

Зазвучал чей-то голос. Он отрывисто произносил у них над головой слова на незнакомом языке.

— *Ложись!* — велел Элио и бросился плашмя на белую землю.

Они упали рядом с ним. Белизна была ледяной. Место, где упала Вивьен, оказалось склоном, так что она покатилась, а потом заскользила. В итоге она оказалась лежащей на спине на некотором расстоянии от остальных, глядя в безоблачное небо. Практически над ней висела полупрозрачная штука вроде надувной лодки, плывущая по воздуху на высоте около пятидесяти футов. «Леон Харди солгал нам! — подумала Вивьен. — Он хотел, чтобы

нас убили!» Она не смела пошевелиться. Лодка была голубоватой, и Вивьен могла видеть сквозь нее подошвы людей. Пустые, расплющенные лица, покрытые чем-то желтоватым — должно быть, такими же, как у нее, костюмами для защиты разума, — всматривались вниз сквозь тусклые пузыри на краях лодки.

Голос снова отрывисто заговорил, и лодка выстрелила по ним. Что бы это ни было, оно спускалось беловатой рябью. Вивьен закричала. На мгновение, прежде чем костюм отразил удар, возникло ощущение, будто что-то вытягивает содержимое ее головы. Потом она просто лежала, смотрела на белую рябь и надеялась, что у остальных костюмы тоже сработали как надо.

Огонь прекратился, но не потому, что люди в лодке закончили. С высоты с тихим свистом ветра очень быстро спускалась другая лодка — слегка зеленоватая, — чтобы атаковать первую. Первая лодка поднялась еще на пятьдесят футов и ушла в сторону. Как только она передвинулась, Вивьен увидела третью лодку, отличную от двух первых, розовато-лилового оттенка, стремительно падающую на них. Обе более низкие лодки рванули в стороны, а затем обратно, чтобы атаковать розовато-лиловую. Все три кружили по небу — вверх и вниз, и вокруг друг друга, — яростно сражаясь в абсолютной тишине, если не считать слабого свиста ветра. Вивьен никогда и представить не могла подобных приемов ведения войны. Поскольку они целились не в нее, костюм не совсем блокировал огонь. Рябь наискось проходила сквозь Вивьен, принося спокойные голоса безумия, смешки ярости, гимны злобы, крики изнеможения, звоночки смерти, свист отчаяния и громкие песни ужаса. И всё без малейшего звука. Вивьен приходилось лежать на холодной земле и терпеть это — во всей его вывернутой неправильности.

Потом, в той части неба, которую она могла видеть между своими серебристыми ногами, Вивьен заметила облако серо-голубого дыма. Оно подплыло ближе — быстрое и высокое, — вытекая то в одну, то в другую сторону, и прощупывая, будто что-то искало, пока не обнаружило три сражавшиеся лодки. Тогда оно зазмеилось к ним, хватая их, точно громадная сероватая перчатка. Все три лодки неистово рванулись в попытке убраться с его пути. Одна со свистом взмыла вертикально вверх, и из нее выпал человек. Вивьен слышала, как он издал настоящий вопль, когда рухнул на землю. Вторая лодка шла низко и пронеслась мимо в двух футах над Вивьен, вихляя, качаясь и распыляя рябь, словно в ней что-то сломалось. Последняя лодка набрала скорость и устремилась в противоположном направлении. Облако нырнуло и погналось за ней. Две секунды спустя в голубом небе и сверкающей белой пустыне абсолютно никого не осталось.

Сэм перекатился по склону над Вивьен.

— Сколько сторон в этой войне? — спросил он.

— Одно Время знает! — ответил Джонатан, ползя на четвереньках. — Это было отвратительно!

Он встал, дрожа.

Вивьен поднялась, стуча зубами, и помогла подняться Сэму. Элио встал последним. Он медленно поднялся, явно испытывая боль, и к их ужасу, большая часть его костюма под правой рукой стала синей и расплавилась.

— Ничего страшного, — сказал он. — Просто что-то с той низко летавшей лодки. Я в порядке. Я был создан так, чтобы выдерживать напасти. Давайте найдем Шкатулку, пока не появились еще воюющие.

Он распечатал свой костюм с другого от расплавленной синевы бока и вытащил

маленькое светящееся устройство. Костюм после этого запечатался сам по себе.

Сэм забыл о своем страхе.

— Эй! Это же металлоискатель из века сто десять! У папы есть такой. Он говорит, в наши дни его невозможно достать ни за какие деньги. Как ты завладел им? Можно мне?

Сэм добился своего, поскольку Элио хромал и покачивался, а Джонатан спотыкался, вытянув руки, словно лунатик. Учитывая, что его зрительная функция затемнилась на ярком свете, а поверх нее лежала вуаль костюма, он почти ничего не видел. В конце концов, он с отвращением отключил ее.

Сэм уверенно настроил металлоискатель на поиск серебра и, тяжело ступая, пошел расширяющимися кругами.

— Папа говорит, нет ничего лучшего этого, — крикнул он. — Можно найти иголку в стоге сена. Держитесь рядом. Он уже что-то показывает!

Они старались поспевать за Сэмом, когда он затопал туда, откуда пришло облако, но идти было тяжело. Соленый песок представлял собой множество ям и замерзших холмиков, рвов и насыпей. В одно мгновение они скользили вниз по сверкающему склону, а в следующее вынуждены были перепрыгивать через глубокую синюю траншею. Большую часть времени Вивьен приходилось помогать Джонатану. Она пыталась помогать и Элио, но тот отмахнулся от нее.

— Со мной всё хорошо, — выдохнул он. — Моя работоспособность несколько не уменьшилась.

Вивьен не верила ему. Лицо Элио, смутно просматривающееся сквозь костюм, похоже, скривилось от боли. «Что Вечный Уокер сделает, если окажется, что Элио серьезно ранен?» — подумала она, когда Сэм направил металлоискатель на склон высокого белого холма впереди, и тот издал сильный четкий писк.

— Нашел! — заорал Сэм. — Она здесь! Элио, ты взял что-нибудь, чем копать?

— Вам не придется ничего копать, — произнес мягкий голос с вершины холма.

Они вскинули головы, чтобы посмотреть на стоявшего там серебристого человека. Насколько они могли понять, это была женщина. Ее нелегко было разглядеть, поскольку она состояла из слоев и слоев ниспадающей серебристой белизны. «Весь в серебре, — подумала Вивьен, — что соответствует веку, в котором люди создают и убивают необыкновенными способами. Она создана из слоев костюма для защиты разума!» Под серебристыми слоями Вивьен едва могла различить приятное лицо.

— Вы Хранитель Серебряной Шкатулки? — спросил Сэм.

— Верно, — ответила женщина.

В ее голосе чувствовался не то мелодичный ритм, не то след иностранного акцента. Вивьен различила, как ярко-красные губы раздвинулись в улыбке, когда Хранительница спросила:

— А вы зачем ищете меня и мою Шкатулку за два дня до срока?

— Ее пытается украсть вор, мадам, — ответил Элио.

Его голос звучал натянуто и скрипуче. Вивьен была уверена, что ему очень больно.

— Это вызовет разрушение Города Времени и, вероятно, сделает всю историю крайне нестабильной. Поэтому мы думаем, вы должны немедленно забрать Шкатулку в безопасность Города Времени, где она позволит нам раскрыть устройство остальных Шкатулок, а в особенности Свинцовой.

Джонатан обеими руками прикрыл глаза от света в попытке разглядеть Хранительницу.

— Она срочно нужна нам, — сказал он. — Понимаете, мы думаем, Шкатулки притягивают друг друга, и если это так, Серебряная поможет нам найти Свинцовую до того, как станет слишком поздно.

— У вас нет Свинцовой Шкатулки? — удивленно спросила Хранительница.

— Пока нет, мадам, но мы знаем, что она в Городе Времени, — ответил Элио.

— Свинцовая Шкатулка в Городе Времени, — объявила Хранительница, ее голос — сильный и успокаивающий — разнесся по пустыне. — Ее можно найти, используя Серебряную, чтобы притянуть ее. Очень хорошо. Если вам так необходима Серебряная, я нарушу данные мне предписания и отдам вам Шкатулку сейчас.

К их громадному облегчению и удивлению, ее длинная серебристая рука вытянулась среди разлетающихся драпировок, держа крупную, блестящую яйцеобразную штуку. Когда Элио неуклюже проковылял наверх по холму и взял Шкатулку, Вивьен увидела, что она красиво декорирована кружевными фигурами. Ей стало стыдно оттого, что Шкатулка сильно напомнила ей Пасхальное яйцо.

Но в следующее мгновение Вивьен забыла об этом. Краем глаза она уловила белую вспышку движения. Она обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть маленькую серебристую фигурку, скользнувшую вдоль синей тени ближайшего рва и карабкающуюся среди холмиков позади него.

— *Вор!* — завопила Вивьен и бросилась за ним.

Когда она неслась вдоль рва и прыгала среди холмиков, кто-то крикнул:

— *Вивьен!*

Она не обратила внимания. Серебристая фигура теперь находилась в поле ее зрения, и от нее отражалось солнце. Мальчик бежал во весь дух по неровной почве, но Вивьен знала, что бегаёт быстрее него. В прошлый раз она почти поймала его. Он каким-то образом раздобыл себе костюм для защиты разума, но с ним не было Железной Шкатулки, и Вивьен была уверена: это значит, что на этот раз он не сможет ускользнуть в другое время. «Во времени перемещают Шкатулки!» — подумала она во внезапном озарении. Ее замерзшие ноги отогрелись, а холодный воздух отдавался болью в груди. Она закрыла рот и радостно неслась по меняющейся неровной поверхности. Вор бросил взгляд назад, увидел, что она догоняет, и отчаянно свернул в сторону.

А потом земля провалилась под Вивьен. Что-то того же цвета, что белый песок, разорвалось под ее бегущими ногами, а потом с мокрым лопающимся звуком развалилось вокруг нее на части. Вивьен падала в глубокую яму. К ее собственному удивлению, пальцы сами нашли под костюмом кнопку снижения веса и нажали ее вовремя, чтобы не дать ей ничего сломать. Она стала легкой, когда ударилась о серые камни на дне ямы, подпрыгнула и снова опустилась, и осталась лежать там, глядя на изорванный рисунок голубого неба далеко вверху.

— Ох, тьфу ты, *проклятье!* — произнесла Вивьен — вор обхитрил ее и снова скрылся.

— Ты сильно пострадала? — спросил кто-то.

Это был мужской голос, но высокий, дрожащий и нервный.

Продолжая неподвижно лежать, Вивьен осторожно скосила глаза. На другой стороне ямы съезжился воин в таком же, как у нее, серебристом костюме. Она вспомнила человека, с криком упавшего с лодки. «Надо притвориться мертвой, — подумала Вивьен. — Возможно, он выберется отсюда и уйдет».

— Я спрашиваю, потому что когда-то обладал навыками целителя, — произнес воин

нервным свистящим голосом. Когда Вивьен не ответила, он громко вздохнул. — Можешь не верить, но я совершенно миролюбивый. Я был ценителем искусств до того, как начались эти ужасные войны. Я рисовал картины и сочинял музыку. Однажды я даже написал эпическую поэму.

Вивьен продолжала неподвижно лежать и попыталась незаметно закрыть глаза. «Я мертва, — думала она. — Моим последним словом было “проклятье”».

Воин снова вздохнул.

— Возможно, тебя убедит, что я безвреден, если я прочитаю тебе мою поэму. Она в двенадцати частях в старинном стиле и называется «Серебряное море». Вступительная строчка: «Разум и людей я воспеваю», — потому что она чествует великие цивилизации, которые когда-то процветали на берегах этого моря. Ты меня слушаешь? Прочитать?

«Нет! Просто уходи!» — подумала Вивьен.

Наверху раздались скрежещущие шаги. Покрытое вуалью лицо Элио посмотрело на нее сквозь рваную щель.

— Мисс Вивьен? — позвал он хриплым дрожащим голосом.

Вивьен резко села. И вместо того, чтобы убивать ее, воин отшатнулся, прижавшись к стене ямы.

— О, Элио! — позвала Вивьен. — Вы навредили себе, пытаясь бежать за мной.

— Вы в порядке? — спросил Элио.

— Да, — ответила она. — Здесь внизу солдат, но думаю, его разум был поврежден в битве.

Зря она это сказала. Элио тут же слетел вниз на функции снижения веса. Но даже с ней, столь поспешный спуск стоил ему боли. Он задохнулся, приземлившись, и повернулся к распластавшемуся у стены воину.

— Если вы причинили вред этой юной леди, вы заплатите, — прохрипел он.

Воин покачал головой и поднял сияющие руки.

— Не я. Я художник и мирный человек. Мой разум действительно поврежден, но вовсе не в битве.

Элио что-то проворчал и, задыхаясь, сел рядом с Вивьен. Это, похоже, заинтересовало воина. К тревоге Вивьен, он покинул свое место и осторожно пополз к Элио. Она испытала громадное облегчение, когда сверху донесся голос Сэма:

— Они здесь.

Воин тут же метнулся назад, снова скрючившись у стены.

— Возьмись за меня, — прогудел Сэм. — А потом нажимай кнопку и прыгай.

Разрыв наверху потемнел. Вивьен поняла, что происходит, и вскарабкалась на ноги вовремя, чтобы подтолкнуть Джонатана и Сэма, когда они тяжело спустились на перегруженной функции снижения веса Джонатана. Так они не наткнулись на Элио и приземлились на другой стороне от воина.

— Оу, — произнес Джонатан. — Что *тут* такое?

— Убежище, — ответил Сэм. — С воином в нем.

Джонатан издал раздраженный звук и нажал кнопку зрительной функции. Он попытался осмотреться, хотя мерцание функции перекрещивалось с противоположным мерцанием костюма для защиты разума.

— Думаю, Элио гораздо хуже, чем он говорит, — прошептал он Вивьен. — Этот воин безопасен?

— Он помешанный, — прошептала Вивьен в ответ. — Это тот, который выпал из лодки, и думаю, они достали его своей рябью.

— Нет. Я не он, — сказал воин.

Он стоял на коленях на полпути от них, беспомощно протянув руки. Теперь, когда на него падал свет из разрыва, и она могла ясно рассмотреть его, Вивьен подумала, что никогда в жизни не видела лица, настолько похожего на череп. И это было настоящее лицо воина. У его костюма не было вуали.

— Тот человек упал в нескольких метрах отсюда, — сказал он, — и боюсь, он мертв, — его лицо-череп повернулось к Элио. — Прости, друг, но, похоже, ты тоже серьезно ранен. Позволишь ли помочь тебе? Когда-то я был хорошим целителем.

Элио гордо выпрямился, опираясь на стену.

— Спасибо, нет, — ответил он. — Это сушая царапина. Я просто немного отдышусь, и мы уйдем. У нас важная задача в другом месте.

Воин вежливо склонил голову.

— Конечно. Прости... насколько большая царапина?

— Не длиннее фута, и вероятно лишь шести дюймов в ширину, — пренебрежительно ответил Элио. — Не понимаю, почему я позволяю ей доставлять мне неудобство.

Прежде чем он закончил говорить, Сэм, Джонатан и Вивьен закричали:

— О, Элио! Это *серьезно!*

— Разве? — Элио вопросительно перевел взгляд с них на воина.

— Большинство людей посчитали бы это серьезной раной, — согласился воин.

— Я не знал! — сказал Элио. — Моя плоть никогда раньше не бывала травмирована. Тогда, возможно, я, в конце концов, хорошо функционировал в напастях. Вы можете починить меня, сэр?

— Могу попытаться, — ответил воин.

Он прополз вперед и протянул костлявую покрытую серебром руку к смятой части костюма Элио. Задолго до того, как его рука приблизилась, Элио издал почти вопль и рванулся в сторону. Воин пополз за ним и потянулся снова. Насколько Вивьен могла видеть, он ни разу по-настоящему не коснулся Элио. Элио продолжал издавать этот звук, и они с Джонатаном и Сэмом бросились остановить воина.

— Прекратите! Вы делаете ему больно! — крикнула Вивьен.

— Он убивает его! — воскликнул Джонатан.

— Он враг! Останови его! — закричал Сэм.

А потом они замолчали и замерли, когда Элио встал, зажав подмышкой серебряное яйцо. Он озадаченно провел ладонью по смятому синему боку. Его лицо блестело от пота, и он не выглядел здоровым.

— Видимо, это была боль, — сказал он. — Спасибо, сэр. Вы позволили мне пережить опыт, которого у меня еще не было. И царапина, похоже, починена.

— Боюсь, я не способен починить твой костюм, — извиняющимся тоном произнес воин.

Он отошел обратно на свою сторону ямы, но тоже остался стоять. Они нервно смотрели на него. Он был очень высоким и почти таким же тощим, как скелет.

— Кто ты? — спросил он Элио. — Тебя тоже непросто было починить.

— Я андроид, — ответил Элио с той же гордостью, с какой Джонатан говорил, что он Ли. — Вы тоже? Вы не производите на меня впечатления нормального человека.

— Не уверен, — ответил воин. — Думаю, как и ты, я был специально создан, — его лицо-череп обратилось вверх к разорванному покрытию ямы, и он вздохнул. — Всё кончено. Женщина ушла, и я должен вернуться к моей единственной задаче. Я был создан для нее. Создан, чтобы быть Сторожем Серебряной Шкатулки Фабера Джона, если это что-то значит для вас. Но думаю, я был скверным Сторожем.

— Не может быть! — воскликнул Джонатан.

— Он *и правда* помешанный, — громко прошептал Сэм Вивьен.

— Боюсь, — вежливо произнес Элио, — вы что-то недопоняли, сэр. Хранительница Шкатулки — женщина, и она только что отдала мне Шкатулку. Вот она, — он достал серебряное яйцо из подмышки и показал воину.

Воин улыбнулся — грустной усмешкой, которая сделала его еще больше похожим на череп — и покачал серебристой головой.

— Это не Шкатулка. Оно даже не серебряное.

Он шагнул вперед и протянул длинный костлявый палец к яйцу. Воин не коснулся его, но один его конец расплавился и закапал как воск между пальцев Элио.

— Видишь? Примитивный пластик.

Элио соскреб вещество со своей руки и с сомнением посмотрел на него.

— Вы уверены?

— Открой его, — предложил воин.

Элио взял яйцо обеими руками и разломил на две половины. После чего безмолвно протянул обе половины остальным.

— Что здесь написано? — спросил Джонатан, вглядываясь в них.

— На одной половине, — с отвращением ответил Элио, — надпись: «Подарок с острова Пасхи». На другой: «Сделано в Корее в 2339 году». Полагаю, это дата и место изготовления. Мы должны вернуться к той женщине и показать, что мы знаем, что она обманула нас.

— Она ушла, — удрученно произнес воин.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Элио. — Мне не нравится быть обманутым. И если вы действительно Сторож Серебряной, сэр, эта женщина должна быть рожденным человеком. Как вы считаете?

— Думаю, да. Но она надела множество вуалей защиты разума, чтобы я был беспомощен против нее, так что сложно понять.

— Это она! — воскликнул Джонатан. — Ну еще бы она не надела слои костюма для защиты разума!

Похоже, Элио получил еще один новый опыт — злость.

— На кону стоит моя честь андроида, — сказал он. — Обычные люди *не должны* быть способны обмануть нас! Давайте выберемся из этой ямы.

Он выбросил две половинки пластикового яйца и прыгнул к краю ямы, не позаботившись включить функцию снижения веса. Обрывки материала, покрывавшего яму, свесились вниз. Дневной свет ослепил их.

— Один из вас, хватайтесь за мою руку, — позвал Элио из яркого света.

Вивьен подняла Сэма по стене ямы. Элио схватил одну из размахивающих рук Сэма и без всякого труда вытянул его наружу. Вивьен с Джонатаном включили функции снижения веса, и Элио вытащил их наружу столь же легко. Сначала Вивьен почти ничего не видела. Элио устремился по ослепляющей земле так быстро, что ей сложно было поспеть за ним. Что касается Джонатана, его зрительная функция снова затемнилась, и он барахтался,

пытаясь выключить ее и одновременно не отстать от остальных.

— Мы идем неправильно, — пропыхтел Сэм, когда Вивьен, задыхаясь, поравнялась с Элио. — Холм был там.

К этому моменту Вивьен уже могла видеть. Она осматривала мешанину синих теней до тех пор, пока не узнала, как ей показалось, одну из них.

— Нет, там, — указала она в противоположную сторону. — Я помню тот ров... О, нет, это не тот! Может, вот этот.

Они окинули пристальным взглядом сбивающую с толку пустыню. Вся она выглядела одинаково.

— Мы потерялись! — воскликнул Элио. — Я сбился с пути из-за слабости! Я совсем не помню место! — он с силой ударил себе по голове временным управлением. — Я неудачник!

— Вы были ранены, — заметила Вивьен.

— Какая польза в андроиде, который не может функционировать раненым? — спросил Элио и снова ударил себя по голове.

К счастью, поскольку они начали уже беспокоиться насчет состояния Элио, как раз в этот момент появился воин, учтиво помогавший Джонатану. По крайней мере, он казался помогавшим, но Вивьен заметила, что когда бы он ни протягивал длинную блестящую руку, чтобы помочь Джонатану преодолеть возвышенность или перебраться через ров, эта рука никогда по-настоящему не касалась Джонатана. Тем не менее Джонатан вел себя так, словно кто-то твердо поддерживал его под локоть. Он постоянно говорил: «Спасибо», — и: «Очень любезно с вашей стороны», — и: «Не стоило!» — в стесненной манере, как говоришь, когда кто-то предлагает помощь, в которой ты хотел бы не нуждаться.

Это заставило Вивьен сразу увериться в том, что воин действительно является Сторожем Серебряной. Солнце мягко отражалось от его длинного серебристого тела, из-за чего сложно было понять, является ли оно таким же разреженным, как у Железного Хранителя. Он казался таким же крепким, как Наблюдатель за Золотой. Но серебристое тело не было костюмом для защиты разума. Его обнаженное, похожее на череп лицо тоже было серебристым.

Когда оба приблизились, Вивьен увидела, что Джонатан так же расстроен, как Элио.

— Место вон там, — произнес Сторож тихим поющим голосом. — Идите быстро и тихо. Эпоха пришла в сильный беспорядок за некоторое время до появления этой женщины. Теперь она наверняка станет критической. Вокруг будут враги.

После этих слов Элио достаточно собрался, чтобы тщательно осмотреть пустое голубое небо. Вивьен и Сэм почти на каждом шагу нервно оглядывались через плечо. Те надувные лодки летали так тихо!

— Кем была та женщина? — вдруг спросил Элио, когда Сторож поторопил их.

— Понятия не имею, — ответил Сторож. — Единственное, что мне известно: ее окружала аура путешественника во времени, как и вас четверых, и она знала о Шкатулках. Поэтому, когда они с ребенком появились, я вежливо приветствовал их, как я приветствовал вас. Я говорил — я культурный человек. Мои пути мирные. Но она грубо потребовала Серебряную Шкатулку. «Она нужна нам, — сказала она, — чтобы завладеть Городом Времени». Конечно, я отказался. Я заметил, что скоро в любом случае принесу Шкатулку в Город Времени, и тогда она сможет взять ее. Она засмеялась и сказала: «Но мы хотим ее сейчас. Мы хотим быть готовыми к тому моменту, когда Город встанет неподвижно со

снятой защитой». И когда я отказался позволить ей получить Шкатулку, она достала из-под своих вуалей Железную Шкатулку.

— Спорю, она мать вора, — сказал Сэм.

— Кем бы она ни была, она знала свойства Шкатулок, — грустно произнес Сторож. — Они отвечают воле того, кто держит их. Железная слабее, чем моя Серебряная, но женщина была защищена вуалями, и она обратила свою волю против меня, прежде чем я осознал это. «Иди и скорчйся в той яме, — велела она, — и не смей вылезать, пока мы не уйдем!» И я вынужден был подчиниться. Я говорил — мой мозг был поврежден. Вот этот холм.

Холм выглядел так же, как все остальные, хотя Вивьен подумала, что узнаёт в широком синем рве позади него ров, в котором прятался мальчик. Сторож быстро провел их вокруг.

Там они остановились, глядя на холм и чувствуя себя несчастными. В белом склоне была вырублена дыра. В синеватой тени внутри дыры находилось квадратное пространство, красиво выложенное блестящим пушистым материалом. В его центре осталась вмятина в виде яйца. Пустая. Еще один кусок пушистого материала болтался возле холма, где его выбросили воры. Сторож Серебряной грустно подобрал кусок и, зажав его между ладоней, перенес в дыру.

— Они взяли Шкатулку, — произнес он.

— Зеленые *крысы*! — воскликнул Сэм. — Я нашел им эту Шкатулку металлоискателем!

— Они ждали нас, чтобы мы нашли ее для них! — горько произнес Джонатан. — Это всё я виноват, что рассказал Леону Харди слишком много!

От его слов с Элио случился новый взрыв отчаяния.

— Я был неумен самым ужасным образом! — воскликнул он. — Я как гусь, которому подложили высидивать фальшивое яйцо! Я заслуживаю того, чтобы быть переработанным!

Вивьен посмотрела на высокого Сторожа Серебряной, безутешно поникнувшего рядом с ней:

— Мне жаль.

Она знала, что совершила худшую ошибку из всех, когда позволила мальчику увести себя от холма. Он, прислушиваясь, ждал во рве нужного момента, чтобы появиться.

— Для меня больше нет предназначения, — сказал Сторож.

Сэм разозлился, а поскольку это был Сэм, он выразил свою злость в настоящем реве:

— **ХОЧУ ОТОМСТИТЬ ИМ!**

— О, тише! — рассеянно произнес Элио. — Это привлечет воинов.

Но поздно. Гудящее эхо голоса Сэма почти сразу же смешалось с глухим стуком и скрипом сапогов. Воины в тончайших костюмах для защиты разума выскочили из траншей по обе стороны от них. Еще несколько скачками спустились с вершины холма. Прежде чем эхо рева Сэма перестало раскатываться по ослепительной равнине, воины окружили их. Сияющие сапоги, покрытые пленкой, топали со всех сторон холма, и на них нацелились шпуги, которые явно были ружьями.

— Вот оно, — сказал один из воинов. — Мы правильно определили нарушение. Возьмите их.

Элио огляделся и понял, что воинов слишком много, чтобы сопротивляться. Он поднял руки.

— Правильно. Это разумно, — произнес один из воинов женским голосом. — Руки вверх, все.

Покрытые пленкой воины приблизились. Вивьен схватили за руки. Она потеряла из

виду остальных, когда ее потащили к одной из траншей. Но трижды она мельком видела, как воины хватали Сторожа Серебряной, и хватали снова, и каждый раз Сторож в своей не касающейся манере выскользнул из хватающих рук.

— С этим что-то странное! — услышала Вивьен задыхающийся голос одного из воинов, когда ее подгоняли вперед среди множества покрытых пленкой тел. — Не могу удержать его — вынужден отпускать!

— Оно, похоже, всё равно идет с нами, — ответил другой воин. — Не спускай с него глаз.

«Что-то здесь странно, — подумала Вивьен, пока ее стремительно тащили к траншее. — Что-то странное с этими сапогами. Я видела прежде похожие сапоги!» Сапоги прыгнули вместе с ней в траншею, и она испытала мгновение чистого ужаса, когда траншеи там не оказалось.

Глава 15. Эвакуированные

Ноги Вивьен и сапоги вокруг нее с лязгом ударились о металлическую поверхность. Ее быстро потащили вперед — к полу контрастной серо-белой расцветки, к освещению, гораздо более комфортному для глаз, чем яркое сияние Серебряного века. Мраморный пол дрожал. Но больше Вивьен ничего не могла разглядеть, поскольку ее глаза горели и слезились после ослепительной белизны Балтийской Равнины. В основном Вивьен отметила тепло. Она покрылась потом, а потом начала дрожать, словно ее тело только сейчас заметило, как замерзло.

— Экспедиция Три докладывает по Балтике века шестьдесят четыре, сэр, — произнес один из облаченных в костюм для защиты разума людей впереди нее. — Мы нашли нарушение. Боюсь, вам это не понравится, сэр.

Чья-то рука со знанием дела потянула пленку с лица Вивьен. Она часто заморгала, когда ее костюм в этом месте раскрылся. Размытое помещение вокруг прояснилось, оказавшись громадным вестибюлем здания Патруля Времени. Каменная лестница тихо урчала, поднимаясь и опускаясь. В центре стояла круглая телефонная будка, а позади нее — изогнутый ряд работающих временных будок. И точно такой же изгиб сверкающих будок позади Вивьен. Мужчины и женщины, одетые в доспехи Золотого века, цепочкой заходили в одну из них слева. Через громадные стеклянные двери виднелась площадь Эры и шеренга людей в ярких одеяниях, несущих флаги. Там, в свете раннего утра, явно проходила церемония. И, будто этого было недостаточно, чтобы заставить сердце Вивьен рухнуть в желудок, напротив нее стоял мистер Донегал, выглядевший по-настоящему мрачно.

— Не знаю, чем вы все занимались, — произнес он, по очереди переводя взгляд с нее на Элио, на Джонатана и на Сэма. — Вы понимаете, что нарушили половину существующих законов и вызвали катаклизмы в истории? — и добавил для Сэма: — На этот раз дело не ограничится поркой.

Сэм смотрел на отца покрасневшими слезящимися глазами и откровенно не мог придумать ни слова в ответ. Мистер Донегал повернулся к Элио:

— Ты не просто удивил меня. Я поражен, Элио! Я думал, у тебя больше здравого смысла, чем у всего остального Города Времени вместе взятого. И вот ты шатаешься по Нестабильной эпохе, прихватив с собой группу детей.

Глаза Элио тоже покраснели от яркого света Балтики, а сам он побледнел от отчаяния.

— Молю вас о прощении, — натянута произнес он. — Мы получили доказательства, что воры крадут полярности Города, и пытались помешать им. Нам не удалось. В этом состоит причина катаклизмов в истории: теперь там не хватает двух полярностей.

Мистер Донегал не поверил ни единому слову.

— Так почему ты не доложил об этом в Патруль Времени? — бросил он через плечо, когда повернулся к Джонатану. — Что касается тебя, Джонатан, не представляю, что скажет тебе отец! Ты *знаешь*, что вас ищут со вчерашнего дня? Дженни и Рамона с ума сходят от беспокойства!

— Нет, я не знал! — ответил Джонатан, моргая за мерцанием зрительной функции. Его глаза были не такими красными, как у Сэма и Элио, из-за чего он выглядел гораздо спокойнее, чем был на самом деле. — Если мы *пропали*, то в этом виноват Патруль Времени. Твои люди привели нас обратно в *настоящий момент*. Если бы они оставили нас в покое,

мы бы вернулись вчера.

— Довольно! — отрезал мистер Донегал. — Ты не будешь дерзить мне, сынок — не после всех причиненных вами хлопот, — он повернулся к одному из Патрульных, которые привели их обратно. — Сходите сообщите Вечному, что мы нашли их, — остальному отряду он велел: — Вы двое, отведите их к телефонной будке, чтобы не мешались под ногами. Убедитесь, что они не сделают ни шагу, пока у меня не появится время разобраться с ними. Остальные, снимайте костюмы для защиты разума и надевайте противогазовые покровы века тридцать восемь. У нас шесть Наблюдателей застряли в том времени в Парижской войне, — он повернулся и пронзил взглядом Элио: — Из-за тебя я вынужден отзывать всех Наблюдателей! Надеюсь, Хронолог приговорит вас всех к расстрелу!

Он развернулся и вперевалку побежал к движущейся лестнице.

— Пошли, — сказал Патрульный рядом с Вивьен и подтолкнул их с Элио сквозь оживленную толпу к телефонной будке.

Другой Патрульный повел туда Сэма и Джонатана. Остальные, громыхая сапогами, поспешили в заднюю часть здания.

«Ох! — подумала Вивьен. — Вот теперь у нас *неприятности!*» Она проследила взглядом за блестящим костюмом для защиты разума того Патрульного, которого послали сообщить Вечному. Он пробирался среди других Патрульных, одетых во все костюмы, какие только можно вообразить, и был уже почти у дверей. Вивьен даже представить не могла, что скажет Вечный Уокер. «И я доставила Дженни столько беспокойства, а теперь она узнает, что я не ее племянница!» — подумала она.

Когда посланник в костюме для защиты разума добрался до двери, она распахнулась перед ним. Посланник отшатнулся. Мимо него внутрь здания прошествовала длинноногая фигура в шляпе с мягкими полями.

— Только не снова! — произнес один из охранявших их Патрульных. — Эта штука полночи входит и выходит.

— И всё утро, — добавил другой Патрульный. — Просто у кого-то из студентов такие представления о веселье. Не обращай внимания.

Оба повернулись спиной и строго посмотрели на Элио. Вивьен, Сэм и Джонатан наблюдали за Железным Хранителем. Будто что-то ища, он вышагивал туда-сюда среди неизменно игнорирующих его людей, пока вдруг не остановился и, кажется, прислушался. Широкая улыбка расплылась по его лицу, и он прыгнул точно в пустое пространство рядом с дверями. Там из ниоткуда появился Сторож Серебряной. Они обнялись. Потом сделали шаг назад и посмотрели друг на друга. Железный Хранитель грустно покачал головой. Сторож Серебряной еще более грустно покачал своей. И оба медленно растаяли, оставив в пространстве рядом с дверью два слабых вытянутых пятна послесвечения.

— Бедняги, — сказала Вивьен. — Они не знают, что делать.

— Не только они, — заметил Джонатан.

Церемония снаружи всё еще продолжалась. Было ясно, что Вечный Уокер не придет, пока она не закончится. Не было и никаких признаков мистера Донегала. Некоторое время они стояли, покинутые и виноватые, вместе с маячившими рядом двумя Патрульными, наблюдая, как временные шлюзы почти непрерывно открываются и закрываются, и слушая, как операторы в телефонной будке разбираются с одной аварийной ситуацией за другой.

— Десять ноль два утра, Патруль Времени слушает, — говорила ближайшая к Вивьен женщина-оператор. — Я определила ваше местонахождение, Наблюдатель, 79 год новой

эры. Сильное извержение вулкана над Помпеями. Используйте дыхательный прибор и изолирующую одежду, Наблюдатель, и я кого-нибудь отправлю к вам сразу, как смогу.

Почти одновременно мужчина рядом с ней говорил:

— Да, я определяю ваше местонахождение, Наблюдатель. Год девять тысяч восемьсот девяносто два. Через лес идет женщина с ребенком в одежде века шестьдесят. Вы можете сдерживать бандитов достаточно долго, чтобы продолжать доклад? Это может быть серьезным. Нет? Тогда я немедленно изменю маршрут отряда года девяносто три, чтобы прийти к вам на помощь.

Тем временем вниз по лестнице устремлялись Патрульные, одетые в гидрокостюмы, килты, свободные мантии, пончо, брюки со вставленными в штанины кольцами, в коротких шортах или в таком количестве одежды, что за нею их было не разглядеть, и в сотнях других костюмов. Они спешили к временным будкам, входили в них и через секунду возвращались, выглядя изможденными, помогая другим людям в таких же одеждах. Некоторые из людей, которым они помогали, были в плохом состоянии. Перепачканные, в разорванной одежде, у некоторых был дикий взгляд, а другие истекали кровью. У мужчины в брюках с кольцами сильно кровоточила рана на голове. Таких людей отводили к медицинской команде, дежурящей, чтобы позаботиться о них, в то время как Патрульные присоединялись к грязной череде фигур в костюмах, поднимающейся по двигающейся наверх половине каменной лестницы.

— Они в самом деле отзывают всех Наблюдателей, — произнес Сэм, наблюдая, как человеку с раненой головой помогают лечь на парящие носилки.

— Окопался рядом с французской ракетной базой, — говорила теперь женщина в телефонной будке. — Патруль уже в пути, Наблюдатель. Используйте ультрафиолетовый сигнал, чтобы обозначить себя.

— У вас есть собственная камера в тюрьме? — спрашивал оператор по другую сторону от нее.

— Непредвиденная революция в Канаде, — сказал другой. — Сохраняйте самообладание, Наблюдатель. Кто-нибудь всё равно может добраться до вас, даже если временная будка в Монреале под бомбежкой.

— Горящий корабль атакуется голландской авиацией, — произнес еще один голос.

— Притворяясь беженцем, — говорил ближайший мужчина. — Это позволит вам пройти через исландскую линию фронта, Наблюдатель, и кто-нибудь встретит вас снаружи Тюбингена.

— Медицинский Патруль теперь думает, что чума разносится лошадьми, — говорила женщина вдалеке, однако ее голос заглушил более близкий и громкий: — Да, Наблюдатель, но вся история становится критической. Если беспорядки еще не достигли Кардиффа, вам придется подождать около часа.

Элио с несчастным видом опустил голову:

— Это всё моя вина. Я позволил той женщине одурачить себя.

— Я виноват не меньше, — сказал Джонатан. — Я дважды напортачил в веке двадцать. Если бы я только мог вернуться и всё *исправить!*

— Я бы тоже этого хотела, — заметила Вивьен. — Тогда у меня появился бы шанс попасть домой.

Некоторое время они стояли в тишине, если не считать дыхания Сэма, и слушали, как Патрульные в телефонной будке разбираются со спасательной командой, атакованной

бактериальными бомбами в веке сорок два, наводнением в Африке века восемьдесят, войнами во всех эпохах и Наблюдателем, попавшим в ловушку на похищенном космическом корабле в 12648 году. Этот Наблюдатель привлек внимание охранявших их Патрульных. Он или она явно был их другом. Оба облокотились о борт телефонной будки, чтобы послушать, что говорит женщина внутри.

— Не так просто отправить команду в космос, — заметил один из них.

— Верно, — согласился другой. — Ким Йо может застрять там.

Сэм покосился на них. Убедившись, что они не обращают на него внимания, он хрипло зашептал Джонатану:

— Мы *могли бы* всё исправить. Если мы вернемся на вокзал, то можем поймать вора, когда он подойдет к той бородавчатой женщине. Тогда мы сможем привести его сюда и показать папе.

— А знаешь, мы *могли бы!* — прошептала Вивьен.

Элио раскрыл на руке костюм для защиты разума и осторожно передал Джонатану управление-яйцо.

— Оно работает и с современными временными шлюзами, — пробормотал он. — Пробреритесь в один из работающих и используйте его, пока я выполняю отвлекающий маневр.

— Ты тоже идешь, В.С., - прошептал Джонатан. — Чтобы держать его, нужны двое.

— *И Я!* — произнес Сэм таким яростным хриплым шепотом, что оба Патрульных повернулись посмотреть на него. Сэм поспешно добавил: — Я тоже голодный.

Их это не слишком обмануло.

— Очень жаль, сынок, — сказал один из них, и они не стали возвращаться к телефонной будке.

Все беспомощно замерли. Джонатан пытался держать управление-яйцо рядом с ногой так, чтобы они его не увидели.

— Наблюдатель Ким Йо, — произнесла женщина в телефонной будке. — Вы слышите нас? Хорошо. Для вас разработали план, как одолеть угонщиков.

Патрульные нетерпеливо повернулись обратно.

Элио немедленно пришел в исступление. В одно мгновение он стоял рядом с телефонной будкой, а в следующее — уже был размытым пятном в костюме для защиты разума, зигзагами носящимся среди людей в вестибюле.

— *Застрелите меня!* — звенел его голос. — *Застрелите меня! Я неудачник!*

Он передвигался так быстро, что казалось, будто его голос раздается сразу из нескольких мест. Когда Вивьен помчалась к полукругу временных будок, она заметила по крайней мере двух Патрульных с поднятыми ружьями, неуверенно пытающихся нацелиться туда, где, как им казалось, Элио будет в следующий момент.

— *Я ЗАСЛУЖИЛ расстрел!* — кричал Элио.

Он прыгнул надвигающуюся лестницу и пролетел половину пути наверх по той части, которая ехала вниз; мелькая среди пораженных людей в костюмах, слишком удивленных, чтобы хотя бы попытаться остановить его.

— *Застрелите меня!* — вопил он.

— Элио, не будь идиотом! — крикнул откуда-то из середины вестибюля мистер Донегал. — Ты слишком ценен, чтобы тебя застрелить!

Это было последнее из отвлекающего маневра, что видела Вивьен, поскольку позади

нее тоже закричали, и она заметила толпу бегущих за ней по пятам Патрульных. К этому времени Джонатан почти достиг временных будок. Вивьен сжала зубы и бросилась догонять его. «Дом! — подумала она. — Если они не поймают меня, я буду дома!»

Сэм каким-то образом умудрялся не отставать, хотя его лицо побагровело и он пыхтел как паровоз. Одна из временных будок открылась как раз, когда Джонатан добрался до полукруга. Они бросились внутрь. Трое находившихся в ней Наблюдателей поспешно убрались с дороги вместе со своим багажом. Вивьен предположила, что они вышли из будки, поскольку, когда Джонатан использовал управление, они не перенеслись в 1939 год. Джонатан просто продолжал бежать, на бегу выкрикивая команды временному яйцу. И они трое вдруг оказались несущимися по пустой платформе на вокзале.

Первой мыслью Вивьен было: «Как здесь темно и грязно... и как воняет!» Потом, останавливаясь, она подумала: «Где все?» Сэм рядом с ней присел, откашляваясь, а Джонатан стоял и смотрел. Не было взрослых, встречающих поезд, никаких признаков кухни Марти, ни одного эвакуированного — впрочем, как и поезда.

— В чем дело? — спросила Вивьен.

— История стала критической, — ответил Джонатан. — Мы должны были это предвидеть. Всё изменилось. Но мой отец и другие люди из Хронолога должны быть где-то здесь, потому что они *приходили* сюда. И я велел яйцу перенести нас за мгновение до прихода поезда, так что поезд тоже должен быть.

— Давай спросим, — предложила Вивьен.

И, забыв, как они одеты, они подняли Сэма на ноги и поспешили к выходу с платформы. Там стоял удивленный носильщик, уставившийся на них сквозь прозрачное забрало под остроконечным капюшоном. Вивьен поняла, что он носильщик, поскольку он был одет в темно-синюю униформу, однако эта униформа представляла собой странный громоздкий сплошной костюм с перчатками того же цвета.

— Извините, поезд с эвакуированными будет? — задыхаясь, спросила Вивьен.

— С минуты на минуту, — ответил носильщик.

Его голос раздавался из прозрачной решетки впереди маски. Он озадаченно посмотрел на косу Джонатана, задержался на костюме для защиты разума и перевел взгляд на мерцание поверх глаз Джонатана.

— Новая разработка защитной одежды? — спросил он.

— Самая последняя правительственная разработка, — поспешно подтвердила Вивьен. — Где остальные, встречающие поезд?

— Внизу, в бункере внешнего двора, конечно, где должны быть и вы. Но можете остаться, раз вы все в костюмах. Встаньте подальше от двери. Вон туда.

Пока они послушно отходили к комнате ожидания, он искоса наблюдал за ними. Из-под его маски донесся смешок.

— Что правительство выдумает в следующий раз? В этом снаряжении вы выглядите так, точно сошли с Небес. Хотя они могли бы добавить какой-нибудь ореол, когда создавали его!

«Бункеры? — подумала Вивьен. — Защитная одежда? Эта война стала очень странной! Но железная дорога по-прежнему выглядит как железная дорога. И поезд *будет*». Она слышала, как металлические рельсы гудят от движения поезда.

— Прибывает! — крикнул им носильщик.

Почти в то же мгновение поезд появился в оглушающем грохоте, заставившем Вивьен заткнуть уши. Не было ни запаха, ни дыма, и поезд представлял собой не паровоз, а

громадное темно-зеленое остроконечное чудовище. Пока локомотив с воем двигался вдоль платформы, чтобы остановиться на некотором расстоянии от них, Вивьен разглядела на нем красные буквы на белом фоне: «РАДИОАКТИВНОЕ ТОПЛИВО НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ». С ошеломленно уставилась на прогрохотавшие мимо ряды запечатанных окон.

— О, нет! — указал Джонатан на другой конец платформы.

Патруль Времени выследил их. Преследовавшие их до временных будок Патрульные теперь по двое и по трое появлялись рядом с локомотивом. Большинство из них слишком торопились, чтобы надеть костюмы века двадцать. Возможно, история менялась так быстро, что у них не было времени. Двое из них были в костюмах для защиты разума, а еще две в кринолинах. Вивьен видела короткие килты, полупрозрачные мантии, униформы Патрульных, и одного человека в красных перьях. Но они ничего не успели предпринять. Над их головами зазвучал механический голос, и все запечатанные двери поезда одновременно открылись, как если бы они управлялись автоматически. Сотни эвакуированных хлынули наружу.

Сэм, Вивьен и Джонатан немедленно оказались окружены полчищем толкающихся детей. В мире остались только серые шорты, школьные куртки, пластиковые коробки с этикетками: «РАДИАЦИОННЫЙ КОСТЮМ РАЗРАБОТКА ВОЕННОГО ОФИС. полосатые кепки, гимнастические костюмы, бледные лица, соломенные шляпы, бирки, худые ноги и пронзительные лондонские голоса. С другого конца платформы сквозь толпу к ним пробирались Патрульные. Но из поезда всё выходили и выходили эвакуированные, оттесняя их назад. Видимо, зеленое чудовище вмещало вдове больше детей, чем тот поезд, который помнила Вивьен.

«Ну не жалко ли мы все выглядим!» — подумала Вивьен, пока бешено искала в растущей толпе лицо мальчика-вора. На мгновение она увидела вдалеке собственное бледное и встревоженное лицо под голубой фетровой шляпой, и предположила, что Джонатан тоже должен быть где-то здесь, но она не заметила его. И нигде не могла обнаружить тонкое крысиное лицо вора.

— Мы никогда не найдем его в этой мешанине! — крикнула она Джонатану.

— Мы *должны*! — крикнул Джонатан в ответ. — Продолжай иска... Великое Время! Что *это*?

Раздался такой звук, будто небо разрывается на части. По сравнению с ним грохот поезда стал казаться ничтожным. Вивьен подняла голову, пытаясь понять, откуда он исходит, и увидела громадное темное нечто, пикирующее с неба на поезд. Вивьен так и не смогла ясно его рассмотреть — только увидела, как оно спустилось к поезду, а потом с визгом поднялось над вокзалом и исчезло из поля зрения, попутно разрывая небо и оставив поезд в огне. Пламя тут же яростно взметнулось вверх. Стекла в закрытых окнах *покоробились* и вывалились на платформу, всё вокруг покрылось облаками темно-желтого дыма, издающими резкий удушающий запах. Кричали люди. Где-то, то повышая, то понижая звук, завывала сирена, будто охрипший кот, которого тошнит. Носильщик завопил:

— Назад! Бегите! Бегите, все, пока двигатель не взорвался!

— Назад в Город! — крикнул Джонатан. — Мы должны вернуться!

Он схватил Сэма за руку и потащил его по платформе сквозь тьму, пламя и толпящихся детей, кашляя и выкрикивая инструкции временному яйцу. Но было очевидно, что яйцо сработает только рядом с тем местом, где они появились. Вивьен следовала за Сэмом, подталкивая его. Они пробирались по платформе, и время казалось растянутым, как в

кошмарном сне, и как в кошмарном сне, Вивьен увидела еще одну их версию, спокойно идущих в другом направлении: Сэм в полосатой кепке и громадных ботинках, она сама в севшем синем кардигане, не скрывавшем полностью фиолетовые и желтые полосы, и Джонатан, гордо шагавший с похожей на газовую маску коробкой на плече. «Но их же убьют!» — подумала Вивьен, когда трое исчезли в желтом дыме.

— Давай же! Сюда! — крикнул Джонатан, пока она пыталась рассмотреть, куда они идут.

Патрульные впереди тоже кричали:

— Сюда! Сюда! Возвращаемся, пока эта штука не взорвалась!

Большинство эвакуированных побежали на крики Патрульных, решив, что им велят идти туда. Благодаря этому Джонатану стало гораздо проще тащить, а Вивьен подталкивать Сэма. Некоторое время, показавшееся вечностью, они бежали и бежали — часть серой толпы в густом дыме. А потом временное яйцо заработало. Они ввалились в вестибюль Патруля Времени, кашляющие, испуганные — их костюмы для защиты разума закоптились от дыма, а уши заложило от грохота взрыва.

— А ну-ка сюда, вы трое! — крикнул мистер Донегал.

Его голос казался слабым и далеким по сравнению со звуками, которые они только что слышали. Он сердито подзывал их от телефонной будки. Элио стоял там между двумя Патрульными. Его голова поникла, и он выглядел таким удрученным, что Вивьен была уверена — отвлекающий маневр был выражением настоящих чувств Элио.

— Мы сделали всё только хуже, — сказал Сэм, когда они устало поплелись к телефонной будке.

— Кор! — произнес высокий лондонский голос позади них. — Я не знал, что провинция выглядит вот *так*! Посмотри на этот потрясный здоровенный эскалатор!

Они подпрыгнули и развернулись. Из будки позади них вышел один из эвакуированных и уставился на двигающуюся лестницу. Рядом с ним его младшая сестра указывала на Сэма.

— А мы точно не на Небе? — с сомнением спросила она. — Они похожи на ангелов.

Едва она произнесла эти слова, как ее оттолкнула в сторону толпа других эвакуированных, пытавшихся выбраться из будки позади нее. Еще больше детей выбиралось из следующей будки. Каждая временная будка полукруга была открыта, и эвакуированные вытекали из них, останавливаясь, чтобы, открыв рты, поглазеть на вестибюль, а потом их подталкивали вперед следующие выходившие.

— Думаю, мы сделали всё хуже в сто раз, — сказал Джонатан, когда на некотором расстоянии от них Патрульный в красных перьях пробирался сквозь массу девочек в куртках.

От телефонной будки теперь доносился клаксон — что-то вроде мягкого *крак-крак*, — который после сирен на вокзале звучал очень тихо.

— Неисправность временных будок, — объявил механический голос. — Неисправность временных будок. Всем оставаться на местах, за исключением вооруженного персонала и медицинской команды.

Мистер Донегал широкими шагами подошел к ним.

— Смотрите, что вы *наделали*! — рявкнул он. — Я вас всех выпорю за это!

— Так нечестно, — возразил Сэм. — Эти дети умерли бы, если бы мы не оказались там. Их поезд взорвался.

— Какое это имеет отношение ко всему? Эти дети — *история*! — махнул мистер Донегал в сторону толкущихся эвакуированных.

Те услышали и замерли, озадаченно глядя на него.

— Это Наблюдатель за Воздушными налетами? — спросил один из них.

Вивьен поймала себя на том, что кричит на мистера Донегала:

— Они *не* история! Они настоящие люди! Меня уже *тошнит* от того, как вы все в Городе Времени сидите здесь и изучаете. Вы никогда и пальцем не пошевелите, чтобы кому-нибудь *помочь*! И в любом случае, это вина Города Времени! Это *вы* балуетесь с историей. А теперь она стала критической, и люди — такие, как эти дети, — страдают по всему времени, а всё, о чем *вы* думаете — как выгнать оттуда ваших мерзких Наблюдателей!

— А чего ты от меня хочешь? — проревел мистер Донегал. — Здесь, должно быть, более пятисот проклятых детей!

Эвакуированные, собравшиеся вокруг них в кольцо, смотрели и слушали, но Вивьен была слишком зла, чтобы стесняться.

— Тогда позаботьтесь о них! — крикнула она в лицо мистери Донегалу. — У вас в Городе Времени есть вещи, которые могут помочь всему человеческому роду! С вас не убудет, если вы поможете этим несколькими. В Городе Времени в любом случае слишком мало детей. Это позор!

Мистер Донегал поднял руку, чтобы ударить ее. Вивьен вздрогнула и застыла в ожидании. Но прежде чем его рука опустилась, громкий голос воскликнул:

— Браво!

Мистер Донегал шагнул назад с таким видом, точно из него выпустили воздух, и Вивьен подняла взгляд, обнаружив возвышавшегося над ней доктора Виландера в поношенной фиолетовой мантии. Его маленькие умные глаза, как обычно, смеялись над ней, но она чувствовала, что он на нее стороне.

— Наверное, это викарий, — сказал один из эвакуированных своему другу. — А остальные, должно быть, епископы и всё такое, — добавил он, когда Вечный Уокер подошел к доктору Виландеру и бросил на Вивьен поистине агонизирующий взгляд из-под плоской серебряной шляпы.

Оба явно пришли сразу с церемонии.

Патрульный в красных перьях протолкался к мистери Донегалу:

— Сэр, сожалею насчет этого. Взрыв в истории, похоже, раскрыл все временные будки, а теперь они перестали работать...

— Значит, мы можем быть уверены, что Город Времени стал критическим, как и вся остальная история, — сказал доктор Виландер. — Пойдемте со мной, поможете организовать что-нибудь для этих детей, — он взял Патрульного за оперенное плечо и, подталкивая его перед собой, захромал прочь с ворчанием: — Пойдемте со мной. Все дети, идите со мной.

Большинство эвакуированных послушно последовали за ним, так что доктор Виландер и Патрульный отбыли в толпе детей, словно два не сочетающихся друг с другом Крысолова. Но несколько эвакуированных остались, продолжая глазеть.

— Некоторым повезло, что их встречает мама, — тоскливо произнес один из них.

Его замечание было вызвано тем, что Дженни и Рамона, обе в церемониальных мантиях, прибыли вместе с Вечным. Рамона обнимала Сэма, потом трясла его, потом снова обнимала. Дженни стиснула в объятиях Джонатана.

— Мы так волновались! — повторяла она.

Вивьен поймала пристыженный взгляд Джонатана поверх плеча Дженни. Она думала,

это из-за того, что его обнимают, пока он не сказал:

— Ты была права насчет Города Времени. Мы никогда никому не помогаем.

А потом грянул гром. Мистер Донегал, широко улыбаясь, пробрался к ним в совершенно другом настроении:

— Рамона! Смотри, кто здесь!

Он привел с собой троих улыбающихся людей. Ими оказались те трое Наблюдателей, которые находились во временн ой будке, когда Джонатан ринулся в 1939 год. Мужчина был высоким, с такими же слегка раскосыми глазами, как у Джонатана, Дженни и Сэма, одетый в мешковатый твидовый костюм, с мягкой фетровой шляпой в руках. На женщине было платье с прямыми плечами, губы накрашены ярко-красной помадой, а светлые волосы забраны в хитрое приспособление, напоминающее плетеную сумку Вивьен. Вивьен знала, что это очень модно, но нашла такую прическу отвратительной. Хотя и не настолько отвратительной, как наряд девочки — короткие дутые рукава и туфли с ремнями, обвивающими лодыжки.

— Вив и Инга Ли! — объявил мистер Донегал. — Наконец-то они здесь! Сэм, это твою кузина Вивьен.

Вивьен тихонько отступила назад, сквозь толпу наблюдавших эвакуированных, надеясь спрятаться за ними. Она не знала, что делать. Круг временных будок с обеих сторон вестибюля стоял пустой и открытый, и они перестали работать, как и сказал Патрульный с красными перьями. Вивьен подумала, что доктор Виландер мог бы помочь ей, но она нигде его не нашла. Она поискала Элио и увидела, как двое Патрульных уводят его прочь. Ли смеялись, остальные члены семьи обнимали и приветствовали их, но очень скоро кто-нибудь повернется к Вивьен и спросит:

— А она тогда кто такая?

Однако самое худшее состояло не в этом. Вивьен узнала лицо мужчины, которого так восторженно обнимала Дженни. Именно оно смотрело на нее из-под шлема всадника, пытавшегося убить Джонатана в Золотом веке. Вечный Уокер пожимал руку женщины, и Вивьен знала: это та самая рука, которая передала им пластиковое яйцо в Серебряном веке. Она помнила этот цвет помады под слоями костюма для защиты разума. Что касается девочки, которую целовала Рамона, Вивьен подумала, что это лицо она узнает повсюду. Хотя сейчас оно растягивалось в улыбках, а над ним в волосах красовался большой младенческий голубой бант, Вивьен живо помнила его со сверкающим взглядом, словно у загнанной в угол крысы, когда Джонатан пытался спасти Железную Шкатулку. Она заинтересовалась, чем Ли занимались, после того как столь торопливо выбрались из временной будки. Судя по всему, осматривались и поджидали удобного момента.

Джонатан и Сэм тоже узнали воров. Сэм, будучи самым маленьким, почти сразу же уклонился от объятий и рукопожатий и пробрался к Вивьен. Они уставились друг на друга. Сказать было нечего. Мгновение спустя побледневший Джонатан проскользнул мимо своего дяди.

— Поверить не могу! — прошептал он. — Как думаете, может, они все-таки сделали это на благо Города Времени?

— Нет! — хором ответили Вивьен с Сэмом.

В тот же миг вся группа — мистер Донегал, Вечный Уокер, Дженни, Рамона и трое Ли — повернулись и, улыбаясь, подошли к ним. Вивьен обхватила себя руками. Сэм и Джонатан глубоко вдохнули.

— Вы трое, — сказала Дженни. — Можете взять Ли на прогулку по Городу? Они хотят заново к нему привыкнуть, а у нас у всех столько дел.

Похоже, никто не заинтересовался, кто такая Вивьен. Она уставилась на Дженни и улыбающихся Ли. «Такое ощущение, словно меня не отшлепали, когда я полностью это заслужила, — подумала она. — Или еще хуже». Всё было неправильно.

— Как? Сейчас? — спросил Джонатан.

— Да, но обязательно приведи их во дворец к обеду, — велела Дженни.

— Я не пойду, — заявил Сэм.

— Ох, ладно тебе. Конечно, пойдешь, — мистер Ли с улыбкой махнул на него своей фетровой шляпой.

И они, сами не понимая как, вдруг оказались идущими с Ли через оживленный вестибюль к стеклянным дверям, пока родители Джонатана и Сэма весело махали им от телефонной будки.

Глава 16. Свинцовая Шкатулка?

Как только они вышли на площадь Эры, мистер Ли рассмеялся:

— Проще простого! Я и не подозревал, что Серебряная Шкатулка настолько могущественна. В считанные секунды они уже ели у меня из рук! — он снова махнул шляпой, и внутри нее блеснула серебряная вспышка.

Инга Ли похлопала по прямоугольной белой сумочке.

— Думаю, Железная Шкатулка ей помогает, — у нее был легкий иностранный акцент, который Вивьен помнила по Серебряному веку. — Видел бы ты этого Сторожа Серебряной, когда я обратила ее против него!

— Так весело было! — сказала кузина Вивьен, прыгая рядом с ними. — Правда я умно придумала найти то серебряное яйцо, чтобы обмануть их? И ты чудно действовала, мамочка! Мне понравилось, как ты заставила их рассказать всё, что мы хотели узнать! — она перестала прыгать. — Земля дрожит, да? Давайте посмотрим, как там Камень Фабера Джона. Хочу увидеть, правы ли Документы Ли и насчет этого.

Земля действительно дрожала — гораздо сильнее, чем раньше, — из-за чего идти по площади Эры было ужасно странно. Откуда-то снизу исходило ощущение скрежета. Но гораздо больше Вивьен беспокоило то, что Ли вели себя так, будто ее, Джонатана и Сэма здесь не было. Когда они быстро пересекали площадь, направляясь к Камню Фабера Джона, Вивьен попыталась привлечь внимание группы туристов, торопливо проходивших мимо. И обнаружила, что не может. Судя по всему, единственное, что она могла — идти рядом с Ли. Это пугало.

В любом случае, на площади было совсем мало людей, что странно, учитывая, что здесь только недавно закончилась церемония. Лишь несколько туристов спешили в одном направлении: к авеню Четырех Веков. Вдалеке Вивьен видела людей в мантиях или пижамах Города Времени, но и они тоже спешили прочь. Почти единственными, кто не спешил, были несколько группок эвакуированных, которые как-то умудрились ускользнуть от попыток доктора Виландера устроить их. Ли прошли мимо нескольких компаний маленьких перепачканных фигур с пластиковыми коробками с этикетками: «ВОЕННОЕ ВЕДОМСТВО».

— Прямо как Голливуд! — услышала Вивьен одного из них.

Следующая группа спорила:

— Говорю тебе, это не деревня! Здесь нет чертовых коров!

— Не будь лопухом! — презрительно ответил другой. — Мы всё еще на чертовом вокзале. Это поезд сотрясает землю!

— Уж больно здоровенный и шикарный вокзал, — с сомнением произнес третий.

Даже если бы Вивьен могла привлечь их внимание, она не думала, что они сильно помогли бы. К тому моменту, как Ли дошли до Камня Фабера Джона, ей стало по-настоящему страшно. Сэм кусал губы, а Джонатан побледнел больше, чем когда-либо.

Камень представлял собой массу крошечных кусочков. Он был похож на некоторые могильные плиты, которые Вивьен видела на церковном кладбище Льюисхэма — аккуратно усеянные мелкими кусочками мрамора. Ли посмотрели на него с громадным удовлетворением.

— Он и правда разбит! — восторженно воскликнула кузина Вивьен. — Документы Ли

были совершенно правы, папочка!

— Да, — ответил мистер Ли. — Значит, до конца Городу осталось около часа. Мы правильно рассчитали время, несмотря на путаницу.

— Мы рассчитали время идеально, любовь моя. Мы же не знали, что они сначала отправятся в Золотой век. Путешествия во времени ужасно сбивают с толку.

— А я люблю путешествия во времени! — заявила кузина Вивьен, скакавшая вокруг Камня Фабера Джона. — Было весело дурачить напыщенного Железного Хранителя, прыгая с Леоном Харди туда-сюда через временной шлюз Ли. А когда он это понял, я приехала на поезде! Видели бы вы лицо той ужасной бородавчатой женщины, когда я высказала всё, что о ней думаю!

— Пойдемте в Гномон, — сказал мистер Ли.

Они снова сорвались с места, направляясь к Континууму, и Вивьен, Сэм и Джонатан были вынуждены пройти по болтающимся осколкам Камня, последовав за ними. Инга Ли нервно обернулась, посмотрев на здание Патруля Времени.

— Никто не идет за нами. Мы рисковали, проходя через шлюз Патруля.

— Оно того стоило, — сказал мистер Ли. — Нам нужен был заложник.

Когда они подошли к Континууму, площадь Эры почти опустела. Мистер Ли с неподдельной нежностью поднял взгляд на его башни, а потом посмотрел на купола-близнецы Науки. Вприпрыжку вернулась кузина Вивьен.

— Старый добрый кривобокий Перпетуум! — возбужденно воскликнула она. — Я так хорошо его помню!

Ее отец посмотрел на Перпетуум с тем беспощадным выражением, какое у него было в Золотом веке.

— Самое полезное место в Городе Времени. Я собираюсь держать все эти знания под замком. Фиксированным эпохам отныне придется платить реальную цену за всё, что они хотят знать. И я собираюсь выбросить дурака Энкиана в историю. Виландера оставлю и назначу ответственным. Я хочу, чтобы Виландер страдал. Это он выдал мне отвратительно низкий табель успеваемости и запер меня в истории Наблюдателем.

— Ты говорил, любовь моя, — сказала Инга Ли. — Просто предоставь его мне.

— И мне, — добавила их дочь. — Я тоже его ненавижу. Он сказал, что я глупая маленькая девчонка.

Она вприпрыжку помчалась вперед — к лестнице, ведущей на авеню Четырех Веков, где возбужденно указала направо. Когда Вивьен, послушная Серебряной Шкатулке в шляпе мистера Ли, приблизилась следом за ним, она обнаружила, что авеню переполнена людьми. С обоих ее концов туристы и жители Города Времени спешили к аркам, ведущим к реке. Длинные цепочки жителей Города ждали возле арок, где можно нанять лодку, и все они были со свертками и сумками. В сельской местности, где река Время извивалась среди полей, Вивьен видела вдоль ее берегов дорожки, усыпанные спешащими фигурами, и все они двигались в одном направлении — к временным шлюзам в верхнем течении реки. Это была еще не паника. Но Вивьен помнила о бьющихся в шлюзы призраках времени и знала, что паника скоро начнется. Большинство из них скоро обнаружит, что шлюзы перестали работать.

Кузина Вивьен показывала поверх голов:

— Что это за красивое место с синим стеклянным куполом?

— Тысячелетие, дорогая, — ответила ее мать.

— О, давайте будем жить там, когда заполучим город!

Ее отец выглядел застигнутым врасплох.

— Я подумаю об этом.

— О, *пожалуйста*, папочка! — кузина Вивьен прильнула к нему, когда они спускались по ступеням. — В конце концов, мамочка — дочь Исландского императора, а *мы* оба — Ли. Аннуарий недостаточно хорош.

— Мы еще не завладели Городом, — смеясь, ответил мистер Ли, поворачивая налево к Гномону. — Но посмотрим.

По авеню было тяжело идти: все остальные двигались в противоположную сторону. Ли без проблем прокладывали себе путь, но не удосуживались найти тропинку, которая дала бы достаточно пространства для Джонатана, Вивьен и Сэма. Их постоянно толкали и теснили, и зачастую они не имели возможности увернуться от торопливо идущих им навстречу людей. Дрожание земли здесь казалось сильнее. Кружевные металлические арки вибрировали, вызывая неприятное ощущение помутнения, когда они проходили под ними. Инга Ли продолжала бросать взгляды через плечо на что-то позади Вивьен. Она так явно нервничала, что Вивьен начала надеяться. Врезавшись в толстую женщину, спешащую в противоположном направлении, Вивьен сумела полуобернуться, прежде чем сила Серебряной Шкатулки потащила ее дальше вперед.

В нескольких ярдах позади нее, среди моря людей плавно двигались бок о бок Железный Хранитель и Сторож Серебряной. Длинное лицо Железного Хранителя было невозмутимо. Лицо-череп Сторожа Серебряной казалось зловещим и грустным. Неудивительно, что они встревожили Ингу Ли, но Вивьен не думала, что от них будет больше помощи, чем от эвакуированных.

— Не обращай внимания, — успокаивающе произнес мистер Ли. — Возможно, они вынуждены идти туда, куда перемещаются Шкатулки.

Они подошли к холму Бесконечности и начали взбираться по ступеням — туда-сюда, между извивающихся перил. Каждый раз, когда лестница поворачивала, Вивьен мельком видела серебристую и тускло-коричневую фигуры,двигающиеся позади длинными бесшумными шагами. «О, пожалуйста, пусть они сделают что-нибудь, чтобы остановить Ли!» — взмолилась она.

Но когда они повернули на последний пролет с возвышающейся прямо над ними башней, двое Хранителей просто остановились внизу на последней лестничной площадке. Подражая Сэму, который придумал способ смотреть назад из-под руки, Вивьен увидела их, стоящих там бок о бок. Ее сердце упало.

Мистер Ли издал громкий радостный смешок, который показывал, что он нервничал так же сильно, как его жена.

— Видишь? Они беспомощны! — он раздраженно поднял взгляд на Гномон, стоявший точно маяк — с видневшимся сквозь окна небом и отражающимся от колокола Полудня в Пагоде солнцем. — Где Леон? Я велел ему встретить нас здесь.

— Этот молодой человек — прирожденный мошенник, — заметила Инга Ли. — Я предупреждала тебя.

— Знаю, — ответил мистер Ли. — Но нам нужен кто-нибудь, чтобы дежурить в Городе на случай, если возникнут подозрения. И ты должна признать, он проделал хорошую работу, заманив детей, чтобы найти тебе Серебряную. И он послал ко мне мальчишку Джонатана, чтобы я убил его, когда мы узнали, что он становится опасен.

Они опять говорили так, будто Джонатана здесь нет.

— Возможно, — согласилась Инга Ли. — Но он не предупредил нас, что они *сначала* отправляются за Золотой, Вив. Не доверяй ему.

— Не буду. Мы избавимся от него, как только он появится.

Они поднялись по последнему пролету, прошли через площадку перед башней и зашли в ближайшую открытую дверь. Там дежурил Страж Аннуария. Он подошел к ним с широчайшей улыбкой на морщинистом лице.

— Мистер Ли, не так ли? Добро пожаловать домой. Я думал, никто не придет в Гно...

Больше он ничего не успел сказать. Мистер Ли махнул шляпой, будто прихлопывая муху. Страж упал на спину и остался лежать, продолжая улыбаться. Никто из Ли больше не обращал на него ни малейшего внимания. Мистер Ли шагнул к спиральной колонне и заскользил по ней наверх. Дочь последовала за ним. Инга Ли махнула сумочкой, и Джонатан вынужден был пойти за кухней. Вивьен обнаружила, что следом за ним ступает на таинственный спиральный уступ. Поднявшись, она, к своему удивлению, вышла в яркий солнечный свет музейной комнаты через казавшееся непроницаемым стекло колонны. Когда она вошла, Джонатан впереди нее медленно осел на пол. Вивьен не могла остановить свои ноги и, продолжая идти, упала на него. С того места, где они лежали кучей, она увидела, что здесь была Патрульная, присматривавшая за музеем. Она лежала возле витрины и, кажется, ничего не осознавала.

Из колонны появился Сэм.

— Я не знал... — начал он и замолчал, увидев Патрульную.

Следом за Сэмом из колонны вышла Инга Ли. Должно быть, она перестала использовать Железную Шкатулку, поскольку Вивьен с Джонатаном обнаружили, что могут двигаться, как хотят. Они начали вставать. Кухня Вивьен вывернула из-за колонны и сильно пнула обоих.

— Давно хотела это сделать! За то, что мешались!

— Перестань, Вивви, — не слишком серьезно произнес мистер Ли — он нес чемодан и выглядел весьма довольным. — Посмотри, Инга! Серебряная Шкатулка переместила все наши вещи — как раз вовремя. Они появились в тот момент, когда я поднялся. Отправь этих троих наверх. Не хочу, чтобы они мешались под ногами, пока мы всё настраиваем.

Как только Вивьен поднялась на ноги, ей снова пришлось идти — мимо самого первого автомата, через арку в стене и наверх по лестнице. Добравшись до высокой арки, ведущей на следующий этаж, она обнаружила, что резко поворачивает, чтобы пройти через нее в яркое звенящее пространство рядом с механизмами громадных часов. Там ей ничто не мешало обернуться и посмотреть на арку. Следом, тяжело пыхтя, зашел Сэм с тем выражением, какое бывает, когда пытаешься не заплакать. После него появился Джонатан, и его лицо было бледно-красным. Вивьен слышала, как высокие каблуки Инги Ли цокают по лестнице, и ждала, что она появится следом за Джонатаном. Вместо этого раздался слабый свистящий звук. Желтоватая каменная панель заскользила, закрывая проем арки. Джонатан развернулся и попытался засунуть ногу в отверстие, прежде чем она закроется до конца. Но было слишком поздно. Он царапнул панель, а потом пнул ее, но она прочно встала на место, заполнив арку, и он не мог сдвинуть ее с места.

Джонатан повернулся обратно. Его широко распахнутые глаза выглядели непривычно за затемнившимся мерцанием зрительной функции.

— Он *убил* ту Патрульную! — придушенно произнес он. — Сам! Она не была мертва,

когда я вышел из колонны. Он вырубил ее Шкатулкой, а потом ударил в голову. Я пытался остановить его, но он только сбил с ног Шкатулкой и меня тоже! — он закрыл лицо руками, хотя его мерцание теперь почернело, и повернулся спиной к Вивьен и Сэму.

Сэм сел на прозрачный пол и хрипло произнес:

— Он мне больше не дядя. И она мне не кузина. Я исключаю их из семьи.

Вивьен неуверенно стояла между ними, пока не увидела, как по щеке Сэма катится слеза. Она села рядом и похлопала его по плечу под скользким костюмом для защиты разума. Эти костюмы не очень-то помогли им против двух Шкатулок, подумала она, но с другой стороны, Инга Ли нацепила слои и слои, чтобы защититься от Сторожа Серебряной.

Сэм ничего не сказал, но и не сбросил руку Вивьен. Она сидела, уставившись на мерцающую, поворачивающую сердцевину часов, слушала слабый перезвон, звяканье и брнчание от ее движения, думая, могут ли они что-нибудь сделать. Она не в состоянии была заплакать, как Сэм. Всё было слишком плохо для этого. Вивьен пыталась не думать о доме или о том, что случилось с мамой и папой теперь, когда двадцатый век так странно изменился. Она пыталась не думать о том, что станет с Городом Времени. Это было непросто. Она чувствовала, как башня дрожит — ровно и постоянно, — создавая ощущение езды на поезде. И Вивьен видела большое темное пятно, медленно поднимающееся по стеклянной колонне в центре, поворачивающееся, поворачивающееся, и принимающее странные формы, поскольку она смотрела на него сквозь разные части стеклянного механизма. Лишь некоторое время спустя Вивьен поняла, что это мертвая Патрульная. После этого она постаралась не смотреть в ту сторону. И была рада, что Джонатан и Сэм не видели.

Город Времени станет ужасным местом с таким главой как мистер Ли, подумала Вивьен, усиленно глядя на свои колени. Эта мысль привела ее к тому, о чем она хотела думать меньше всего на свете. А что, если мистер Ли оставит их здесь, когда часы начнут бить, чтобы они оглохли на всю жизнь? Но, несмотря на старания, Вивьен продолжала об этом думать. Мириады стеклянных зубцов перед ней служили постоянным напоминанием. Дрожание башни вызывало всевозможные посторонние звуки — звон, дребезжание и скрип, — настойчиво и раздражающе перекрывавшие обычный перезвон часового механизма. Это так действовало Вивьен на нервы, что ей пришлось включить функцию часов, чтобы посмотреть, сколько осталось до полудня.

Ее запястье осветилось, и, конечно же, часы показали десять минут седьмого. Путешествие в Серебряный век, а потом в век двадцать, совершенно рассинхронизировало их с Городом Времени. Невозможно узнать, когда громадные часы начнут бить.

— О, проклятье! — пробормотала Вивьен.

В этот момент стеклянные механизмы потемнели до желтоватого полумрака. Они трое подняли взгляд. Панели из того же желтоватого полупрозрачного камня, что и стены, закрыли окна. Теперь едва можно было разобрать, где окна, а где стены.

— Запечатывают башню, — произнес Джонатан. — Я слышал, здесь есть затворы для всех дверей и окон, но не думаю, что их когда-нибудь использовали. Как считаете, это значит, что снаружи кто-то есть и Ли не хотят, чтобы этот кто-то проник внутрь?

Они посмотрели друг на друга с возросшей надеждой.

— Если можно войти в колонну и выйти из нее в музейной комнате, — сказал Джонатан, — не работает ли это так же и здесь? Как думаете, можно пробраться через механизмы?

Сэм вскочил:

— Я попробую. Я самый маленький.

— Но... — начала Вивьен, думая о мертвой Патрульной.

Но потом решила ничего не говорить. Сэм уже проворно полз среди ближайших заостренных зубцов. Казалось, его в любую секунду может разрезать на части.

— Вернись! — слабо позвала Вивьен.

— Пусть идет. У него может быть шанс, — сказал Джонатан. — Это единственное, что осталось, — он посмотрел на потолок и чуть ли не взвыл: — Это всё *моя вина!* Каждый раз, когда у меня возникает идея, я вечно всё испорчу! Я нашел им Серебряную Шкатулку. И в довершение всего я сообщил Инге Ли, где находится Свинцовая!

— Умолкни! — огрызнулась Вивьен.

Ей необходимо было отвести взгляд от Сэма среди блестящих механизмов. Он пытался протиснуться под стеклянным стержнем, который продолжал опускаться на него, в то время как громадный диск подвигался к нему сзади. И она повернулась к Джонатану.

— Ты прямо как Элио! Это *не* твоя вина! Всё это сотворили Ли! И Свинцовую Шкатулку пока еще *никто* не заполучил! Лучше подумай, где она, вместо того, чтобы причитать и устраивать пляски, как... как бешеный андроид!

— Тебя тоже касается! — ответил Джонатан.

Он бросил взгляд на Сэма, который теперь продвигался под гигантской стеклянной коленчатой трубой, тускло поднимавшейся и опускавшейся, словно изогнутый поршень. Чтобы не видеть, как Сэма раздавит, он повернулся к Вивьен и начал рассуждать:

— Всё, что мы знаем о Свинцовой Шкатулке — то, что она должна быть маленькой и в форме яйца, поскольку большая — Серебряная. Размер можно было понять по месту, где она лежала. И мы знаем, что она притягивается к остальным Шкатулкам.

Здесь они с Вивьен снова отвлеклись на Сэма. Он пятился от зубца, похожего на циркулярную пилу, а другой зубец — еще больше — надвигался на него сбоку. Это зрелище разозлило Джонатана.

— Но если ты знаешь что-нибудь такого размера, притягивающееся к Шкатулкам, — резко произнес он, — скажи мне, пожалуйста, потому что я никогда такого не видел!

Сэм лег плашмя на стеклянный пол, и оба зубца прошли мимо него.

— Но мы *видели!* — со вспышкой облегчения воскликнула Вивьен. — Мы все видели! Временное яйцо! То, про которое Элио подумал, что оно негодное! Оно перенесло нас за Железной Шкатулкой на целые сто лет — и не хотело возвращать нас в город.

Мгновение Джонатан смотрел на нее, а потом закричал:

— Сэм! Полежи там немного — это важно. Ты нас слышишь?

— Едва-едва, — крикнул Сэм в ответ. — Вроде как жужжание. Чего вы хотите?

— Яйцеобразная штука, — ясно и четко крикнул Джонатан. — Темно-серая, такого размера, что поместится в моей ладони, которая притягивается Шкатулками.

— Имеешь в виду то старое управление временным шлюзом? — прогудел голос Сэма среди звенящих механизмов. — Которое перенесло Элио за Серебряной и выбросило его посреди голых леди?

Джонатан и Вивьен вцепились друг в друга.

— Да, *оно!* — сказала Вивьен.

— Сэм, — четко произнес Джонатан, — это яйцо — *Свинцовая Шкатулка*. Понял?

— Я не слышу! — нетерпеливо ответил Сэм. — Мне показалось, ты сказал, что яйцо —

Свинцовая Шкатулка.

— Так и *есть!* — крикнули Джонатан и Вивьен хором.

Последовало короткое жужжащее, позвякивающее молчание. Потом Сэм крикнул:

— Кому я должен рассказать?

— Если сможешь выбраться, скажи доктору Виландеру, — крикнул Джонатан и добавил для Вивьен: — Похоже, он догадывался, каков мой дядя на самом деле. Кто еще, если Сэм не сможет его найти?

— На всякий случай он не должен говорить никому, на ком мистер Ли использовал Серебряную, — ответила Вивьен и, не сумев больше никого придумать, крикнула: — Мистеру Энкиану.

— Мистеру Энкиану, — крикнул Сэм в ответ. — Хорошо.

Он, извиваясь, пополз к стеклянной колонне, по-прежнему лежа на спине. Примерно через фут ему перегородила путь группа стеклянных стержней, где ему пришлось встать и аккуратно обойти их. За ними ужасающе быстро двигался шквал стеклянных фигур, а дальше находилась колонна. Как только Сэм обошел группу стержней, и его бледный костюм для защиты разума стало сложно разглядеть, заслон в арке отодвинулся в сторону. Вошла кухня Вивьен с ружьем Патрульной в руках.

— Они хотят, чтобы вы спустились, — сообщила она.

Ее тощие руки в коротких дутых рукавах выглядели нелепо в сочетании с ружьем, но Вивьен и Джонатан не сомневались, что она выстрелит из него с гораздо большей готовностью и беспощадностью, чем Леон Харди. Они медленно подошли к ней. Вивьен Ли прислонилась спиной к арке так, чтобы твердо держать ружье обеими руками и в то же время видеть остальную часть тусклой, звенящей комнаты.

— А где еще один? — резко спросила она. — Противный малыш с рыжими волосами?

— Сэм прячется в механизмах, — ответил Джонатан. — Если ты застрелишь его, он остановит часы.

— Это самоубийственная миссия, — добавила Вивьен, надеясь, что это не так.

— Глупец! — произнесла кухня Вивьен. — Ничто не может остановить эти часы. *Выходи!* — крикнула она. — Ты только добьешься, что тебя расплющит!

Вивьен и Джонатан невольно посмотрели туда, где в последний раз видели Сэма. И Сэм справился. Они увидели, как слабое мерцание его костюма для защиты разума поднимается по центральной части колонны.

— Ну и оставайся и оглохни от боя часов. Сейчас без десяти двенадцать! — крикнула кухня Вивьен.

Она подождала немного на случай, если Сэм решит выйти. Вивьен и Джонатан опустили взгляд на стеклянный пол, чтобы не следить за мерцанием наверху.

— Отлично. Оставайся там! — сказала кухня Вивьен и сделала знак ружьем, предупредив: — Я сняла предохранитель.

Им пришлось пройти мимо нее и вниз по лестнице, больше не глядя на колонну. «Снаружи лестница продолжается до самого низа, — подумала Вивьен. — Он может выбраться задолго до того, как часы начнут бить».

Музейная комната была почти такой же тусклой и желтоватой, как комната наверху. Все окна были запечатаны, кроме одного, выходящего прямо на авеню Четырех Веков. Музейные витрины были отодвинуты в сторону, и в освободившемся пространстве родители кухни Вивьен собирали какое-то устройство. Две Шкатулки стояли в нишах. Вивьен могла

видеть их: сначала темными и искаженными — сквозь стекло, а потом, когда колонна медленно повернулась — ясно и напрямую: немного ржавая плоская коробка и большое серебряное яйцо, на котором в завитых оправках мерцали жемчуг и красные камни.

— У меня только двое, — сообщила кухня Вивьен. — Третий залез в часы.

Инга Ли обернулась.

— Маленький... Он достаточно мал, чтобы добраться до колонны, — нервно произнесла она.

— Если ему и удастся, это ничего не изменит, — сказал мистер Ли, не потрудившись обернуться. — Я опустил ставни в колокольной пагоде. Всё, чего он добьется — хороший приступ глухоты. Никто не войдет и не выйдет из этой башни. И Сэм нам понадобится только позже. Подведи этих двоих сюда, Вивви. Они мне нужны.

— Зачем мы тебе? — спросил Джонатан.

— Заткнись, — велел мистер Ли.

Он сказал это так, что становилось ясно — он действительно имел это в виду. Вивьен и Джонатан подошли к окну, не смея больше ничего сказать.

— Стойте здесь, — велел мистер Ли, толкнув их в сторону. — И помните: вы полезны мне только как заложники. Так что стойте тихо, пока часы не начнут бить и Золотая Шкатулка не окажется здесь. Возможно, тогда я отпущу вас.

— Почему Сэм нужен тебе позже? — спросил Джонатан.

Мистер Ли засмеялся:

— Чтобы продолжить род Ли. Ты же не против глухого мужа, а, Вивви?

С того места, где Вивьен стояла, прислонившись спиной к нише окна, она не могла видеть лица кухни Вивьен, так что не знала, что она думает по этому поводу. Джонатан жевал кончик своей косы. Вивьен была уверена, он думает о Сэме, который рядом с мертвой Патрульной ждет, чтобы оглохнуть. Из Пагоды не существовало другого пути, кроме внешней лестницы, а из слов мистера Ли следовало, что Сэма отделяет от лестницы заслон.

— А! Вот и они! — произнес мистер Ли. — Глупцы наконец-то почуяли подвох.

Вивьен вытянула шею из-за спины Джонатана. Группа Патрульных и других людей спешили по зигзагообразной лестнице к Гномону. Мистер Донегал прыгал впереди. Вивьен увидела за его спиной Вечного Уокера рядом с Высшим Ученым доктором Леоновым и возвышавшуюся в середине громадную фиолетовую фигуру доктора Виландера. За ними пытались поспеть рассеянные по лестнице люди — в основном Патрульные и Стража Аннуария, — но была среди них и Петула и, похоже, Рамона. А далеко позади, по авеню Четырех Веков неся мистер Энкиан в развевающейся мантии.

— Этот андроид с ними — рядом с Виландером, — сказала Инга Ли. — Я думала, мы заставили их запереть его.

— Должно быть, он освободился и предупредил остальных, — ответил мистер Ли. — Ну, они не представляют большой угрозы. Должен сказать, я ожидал от них лучшей организованности!

Вивьен подозревала, что мистер Донегал организован лучше, чем считает мистер Ли. Движения среди кустов за пределами лестницы выглядели как множество людей, которые, держась вне поля зрения, окружают Холм Бесконечности. Пока Вивьен пыталась разглядеть, действительно ли среди кустов крадутся униформы Патрульных, послышался слабый топот. Он доносился снаружи башни, откуда-то сверху. Джонатан слегка повернул голову и замер, натянутый как струна — он тоже его слышал. «Это же не могут быть болтающиеся

шнурки!» — подумала Вивьен. Ноги Сэма были запечатаны в костюме для защиты разума. Но звучало это именно так. Топот, спускаясь, шел вокруг стены, и Ли в любое мгновение могли его услышать.

Вивьен посмотрела на мистера Ли. Он улыбался, держа возле рта маленький круглый кусок металла, и говорил в него.

— *Стойте!* — загремел его голос снаружи башни. — *Никому не приближаться больше ни на шаг. Это говорит Вив Ли, Абдул.*

Поднимавшиеся по лестнице люди заколебались. Их лица поднялись к окну, но ни один из них не перестал взбираться.

— *Я сказал: стойте!* — прогремел голос мистера Ли. — *Мы захватили власть над Гномоном, и здесь с нами две из так называемых полярностей Города Времени. Мы без колебаний обратим силу полярностей на любого, кто подойдет ближе. Убирайтесь с лестницы!*

Группа на ступенях остановилась. Похоже, они были не так хорошо организованы, как надеялась Вивьен. Они поворачивались друг к другу, о чем-то друг друга спрашивая. Она напряженно прислушалась в наступившей тишине, но больше не слышала топота. Один из Патрульных перебрался через каменные перила к мистеру Донегалу и положил что-то ему в ладонь.

— Вив, ты сошел с ума! — услышали они его голос так, будто он говорил прямо рядом с ними. — Что ты там делаешь?

— *Беру власть над Городом Времени,* — прогремел мистер Ли. — *Через шесть минут он остановится, дойдя до конца времени. Когда это случится, Золотая и Свинцовая Шкатулки будут принесены в Гномон. Предупреждаю тебя не мешать этим Шкатулкам каким бы то ни было способом. Убирайтесь с лестницы.*

— Вив, я думаю, мы должны поговорить об этом, — спокойно предложил голос мистера Донегала рядом с плечом мистера Ли.

— *Делайте, что я сказал!* — прогремел тот. — *У меня здесь заложники. Я начну с того, что застрелю одного из них, чтобы доказать, что не шучу.*

Он кивнул дочери. Та ткнула ружьем в руку Вивьен, а потом Джонатана и вытолкнула их к окну, где поднятые вверх лица могли хорошо их видеть. Мистер Ли забрал у дочери ружье и махнул им так, чтобы его тоже было видно. Вивьен чувствовала себя нереально. Как в ту первую ночь в здании Патруля. Точно она в кино. «И, возможно, это к лучшему», — подумала она.

— *Видите их?* — прогремел мистер Ли. — *Застрелить одного?*

Это произвело в группе еще большее смятение. Поворачивались головы. Махали руки, призывая отставших подняться по нижнему пролету. Голос мистера Донегала раздраженно произнес:

— *Я знаю, что он буйный! И эта его жена...*

После этого последовал щелчок, когда он выключил громкоговоритель и жестом велел перемещаться к краю лестницы. Все в беспорядочном бегстве поспешили к перилам и, помогая друг другу, перебрались через них в кусты. Зубы Джонатана скрипнули на косе. Элио продолжал стоять — маленькая бледная фигура в костюме для защиты разума. Двое Хранителей — длинное серебряное сверкание и высокий тусклый коричневый — спустились к нему по лестнице, отбрасывая смутные не-совсем-тени на Элио и полностью его затмевая.

— Инга! — рывкнул мистер Ли. — Узнай, что эти существа говорят друг другу. Быстро!

Он приставил ружье к голове Джонатана, и ни Джонатан, ни Вивьен не смели пошевелиться. Они скосили глаза, чтобы посмотреть, как Инга Ли возится с кнопками на своем приборе.

Раздался треск — словно целая армия промаршировала по фольге. Сквозь него голос Элио слабо произнес:

— Свинцовая Шкатулка.

В то же мгновение Элио повернулся и перепрыгнул через край лестницы в кусты. Хранители со вспышкой исчезли, оставив на лестнице два длинных слабых послесвечения.

— Думаю, эти существа готовят какое-то вмешательство, — раздраженно произнесла Инга Ли. — Я совсем не могу уловить, что они говорят в кустах.

— По крайней мере, лестница свободна для двух других Хранителей, — сказал мистер Ли.

Он передал дочери ружье и повернулся, чтобы помочь жене. Из машины снова донесся скрежет фольги. Голос, который мог принадлежать Элио, произнес:

— Мы не смогли обнаружить...

— Откуда придут другие Хранители? — спросила кузина Вивьен.

— Из временного шлюза у основания лестницы. Не мешай, — ответил ее отец.

В этот момент мистер Энкиан, который явно не являлся хорошим бегуном, добрался до основания лестницы. Он прислонился к перилам, чтобы отдышаться перед восхождением. И Вивьен увидела, как к нему вокруг башни усталой рысью вперевалку бежит маленькая фигурка. Сэм. Она узнала его в основном по рыси, поскольку он представлял собой трепещущий бесформенный комок. Его костюм для защиты разума был разрезан на тысячи развевающихся полос.

Джонатан пихнул ее локтем. Оба сделали всё возможное, чтобы отвлечь Ли.

— Я хочу есть, — заявил Джонатан. — Этот автомат здесь всё еще работает.

— Правда? — громко воскликнула Вивьен с деланным восторгом. — Мне *хотелось бы* сливочное пирожное!

— Можно я воспользуюсь автоматом, папочка? — спросила кузина Вивьен.

Мистер Энкиан не слушал Сэма — Вивьен поняла это с одного взгляда. Он сердито отмахивался от него.

— Сначала отдай матери ружье, Вивви, — велел мистер Ли, по-прежнему склонившись над скрежещущим прибором.

Одним глазом Вивьен видела, как тощая рука кузины Вивьен протянулась, чтобы передать ружье Инге Ли. Другим — как доктор Виландер поднимается из кустов, точно фиолетовый кит, и несется вниз по холму Бесконечности к Сэму. Когда лестница повернула в нужную сторону, он, взметнув вихрем мантию, перелетел через перила и помчался, перепрыгивая через три ступени громадными прихрамывающими прыжками. Когда лестница резко повернула, он снова перемахнул через перила и стал прокладывать путь сквозь кустарник. Он добрался до низа, когда мистер Энкиан всё еще отмахивался от Сэма. Мистер Энкиан сердито развернулся, и они начали орать друг на друга.

«Нашли время устраивать очередную ссору!» — подумала Вивьен, пока другой ее глаз наблюдал, как кузина Вивьен достает из старинного автомата маленький горшок с торчащей из него палочкой.

— Одно сливочное пирожное, — объявила кузина Вивьен, издевательски засмеялась и

начала есть его сама.

Элио мчался вниз по холму, следуя проложенной доктором Виландером тропой. Как только он добрался до основания лестницы, Сэм схватил его за руку и, похоже, начал объяснять.

— Жадюга! — отчаянно попыталась Вивьен отвлечь Ли. — Я умираю от голода!

— Всегда такой была, — заметил Джонатан, дрожа от нервного напряжения. — Когда я получил новый автомат, она насыпала в него пластик от живой изгороди, и мне пришлось обходиться старым.

— Так тебе и надо за то, что такой воображала, — кузина Вивьен блаженно прикрыла глаза. — О, я и забыла, какой у этих штук восхитительный вкус!

Когда Вивьен перевела взгляд от нее к окну, у основания лестницы никого не было. Даже мистер Энкиан исчез.

Мистер Ли бросил усилитель и повернулся:

— Да всё равно сейчас уже никто ничего не успеет сделать, — он напряженно посмотрел на часы на запястье. — Без одной минуты двенадцать.

Они ждали, и минута казалась бесконечной. Джонатан включил свою функцию часов. Она показала шесть часов двадцать девять минут. Они наблюдали, как зеленая светящаяся секундная стрелка ползет по кругу к половине. Она проделала две трети пути, когда Вивьен краем глаза уловила вдалеке на авеню Четырех Веков пятно. Оно с поразительной скоростью приближалось и увеличивалось, и Вивьен поняла, что это Элио — Элио, бегущий быстрее, чем она представляла возможным. Он становился больше и ближе, словно в зум-объективе. Она видела, как его ноги вскидываются, руки бьют воздух, а голова мотается из стороны в сторону, и знала, что он несется на пределе своих возможностей. Но как бы быстро ни бежал Элио, секундная стрелка на руке Джонатана двигалась быстрее. Она почти подошла к половине. Вивьен слышала звон и скольжение наверху, где механизмы часов Бесконечности приспособлялись к дрожанию башни и готовились начать бить.

«Элио несет временное яйцо, — подумала Вивьен, — но что, если это *не* Свинцовая Шкатулка? Или что, если это *она*, но это только поможет Ли наложить на нее лапы?»

«БОМ», — вступили громадные часы, сотрясая всё вокруг.

И в ту же секунду высокий молодой человек в зеленом шагнул к лестнице и начал беспечно и уверенно взбираться по ней.

Глава 17. Фабер Джон

Этот молодой человек был не призраком времени, а самим Наблюдателем, несущим Золотую Шкатулку. От него ломанным рисунком на ступени ложилась солидная тень. И весь он был солидный и уверенный. Элио продолжал бежать, перекосившись на бок. Наблюдатель быстро поднимался, уверенный в своем долге, и уже прошел половину первого лестничного пролета.

«БОМ», — во второй раз ударили часы, и снова всё задрожало. Вивьен поискала Элио, но, видимо, он добрался до кустов. Единственным человеком в поле зрения остался быстро взбирающийся Наблюдатель.

— А вот и наша Золотая Шкатулка! — торжествуя произнес мистер Ли сквозь вибрацию.

«БОМ», — прозвучал третий удар. Вдруг Наблюдатель стал двигаться с усилием. Он с громадным трудом переставлял одну ногу за другой на следующую ступень, точно каждый его сапог весил по тонне. «БОМ», — прозвучал четвертый удар. Наблюдатель, шатаясь, ступил на первую площадку и, держась за перила, перетащил себя по ней. Он упорно начал взбираться по следующему пролету — шаг за тяжелым шагом.

— Теперь мы знаем, что его останавливает, — заметил мистер Ли, когда прокатился пятый удар. — Двое проклятых Хранителей.

Железный Хранитель и Сторож Серебряной материализовались внизу последнего лестничного пролета перед башней. Они стояли и ждали. Когда Вивьен посмотрела туда, ее глаза уловили ниже по холму, на краю тропинки, которую доктор Виландер проложил через кусты, что-то фиолетовое и мерцание костюма для защиты разума. И она поняла, что на самом деле останавливает Наблюдателя. Временное яйцо. Это действительно Свинцовая Шкатулка. Они были правы. Элио использовал ее как магнит, чтобы притянуть назад Золотую Шкатулку. Но он не осмеливался показаться на глаза — из страха, что Ли застрелят одного из заложников. Когда лестница поворачивала прочь от него, он мог подойти только к краю сломанных кустов.

Наблюдатель подтянулся до верха пролета, пока звенело очередное мощное «БОМ». Но Элио ждал в кустах у следующей площадки. Наблюдатель покачнулся и чуть не упал на колени. Вивьен могла разглядеть Золотую Шкатулку — высокую, тяжелую и блестящую. Наблюдатель гордо держал ее перед собой, и у него оставалась только одна свободная рука, чтобы подтягивать себя по площадке.

— Он никогда не добирается до верха, — встревоженно произнесла Инга Ли.

— Мы этого не знаем. Он исчезает на двенадцатом ударе, — возразил мистер Ли. — Вивви, принеси мне Серебряную Шкатулку. Я помогу ему.

«БОМ», — прозвенели великие часы. К этому времени Вивьен потеряла счет. Идя к колонне, кухня Вивьен медленно лизала сливочное пирожное, чтобы его хватило на подольше. К тому времени, как она вернулась с большим, украшенным жемчугом яйцом, Наблюдатель на коленях полз к верху третьего пролета. Судя по завихрениям в кустах, там вместе с Элио находилось много людей, вытягивающихся в линию, чтобы помочь задержать Наблюдателя. Когда мистер Ли взял жемчужное яйцо и склонился над ним, она молилась, чтобы он не заметил этого. «Забавно! — подумала Вивьен. — Когда Наблюдатель был призраком времени, я хотела, чтобы он поднялся по лестнице. А теперь я надеюсь и

надеюсь, что он не поднимется!» Джонатан рядом с ней засунул в рот большую часть своей косы.

Лестница повернула от Свинцовой Шкатулки. В течение следующего оглушительного удара колокола Наблюдатель с помощью мистера Ли упорно преодолел этот пролет. Но застрял на площадке. Похоже, три Шкатулки сбалансировались и пришилили его к месту.

— Дай мне Железную Шкатулку, быстро! — велела Инга Ли.

На этот раз кухня Вивьен бросилась бегом и вернулась, когда великие часы снова ударили.

— Мы же *победим*, правда? — жалобно спросила она, протягивая матери квадратную ржавую коробку.

— Конечно. Нам это предназначено, — Инга Ли положила ружье на усилитель и склонилась над Железной Шкатулкой.

Теперь, покосившись на борющегося зеленого альпиниста, Вивьен могла разглядеть используемую энергию. Она бурлила и испещряла воздух почти невидимыми завихрениями так, что когда часы, сотрясая всё, ударили снова, Вивьен с трудом различала Наблюдателя. Он стал размытым зеленым пятном, по-прежнему ползущим вверх. Когда дрожание немного спало, она увидела, как завихряющаяся энергия расползается вверх, накрывая двух ждущих Хранителей, а потом вниз, чтобы пройти через Наблюдателя, пока он огибал очередную площадку и с трудом подходил к следующему пролету.

«БОМ», — вступили часы.

— Одиннадцать, — пробормотал Джонатан сквозь косу.

Хранители медленно спускались, чтобы присоединиться к Наблюдателю. Тот, по-прежнему аккуратно держа Шкатулку у груди, поднял на них взгляд.

— Мы побеждаем, — сказал мистер Ли. — Они вынуждены идти ему навстречу. А он упорный, да?

«БОМ», — ударили часы в последний раз. Вибрация сошла на нет, и воцарилась тишина, за исключением дрожания и звяканья башни. Завихрения энергии тоже сошли на нет, выцветая и медленно завиваясь, пока не исчезли совсем.

Наблюдатель встал — достаточно близко, чтобы Вивьен увидела, что он улыбается — и живо взобрался навстречу двум Хранителям. Они развернулись и пошли по бокам от него. Они поднимались и поднимались к самому основанию Гномона. Элио и другие люди в кустах, которые оказались по обе стороны лестницы, не отставали от них, но было ясно, что Свинцовая Шкатулка теперь не производит никакого эффекта.

— Мы победили! — произнес мистер Ли.

Ли стояли и смеялись.

— Открой им дверь, — сказала Инга Ли.

— Через секунду, — ответил мистер Ли. — Сначала я избавлюсь от заложников. Нам не нужны здесь другие Ли, которые могут претендовать на Город Времени, к тому же они оба знают слишком много, — он наклонился и подобрал с усилителя ружье.

Больше Вивьен не могла чувствовать себя, как в кино, хотя и очень хотела. Когда ружье поднялось, нацеливаясь в нее, оно было ужасающе реальным. Оказалось правда, что в последнее мгновение вся жизнь проходит перед глазами. Вивьен думала о маме и папе, и Лондоне, и войне, и Городе Времени, и ей хотелось крикнуть мистеру Ли: «Подождите! Я еще не обо всем подумала!» Джонатан выпустил косу изо рта и выпрямился с величественным видом.

Но Хранители уже пришли. По всей башне, внизу и вверху, разнесся звук раскрывающихся ставней и дверей. Желтые панели на окнах скользнули в стороны, уходя в стену, заливая музейную комнату солнечным светом. У Вивьен заслезились глаза, но она успела увидеть, как колонна в центре резко потемнела, когда кто-то начал подниматься по ней. Мистер Ли повернулся, всматриваясь, пытаясь увидеть, кто это, и неуверенно нацелив на колонну ружье.

Из нее вышел доктор Виландер, растягивая своей массой ее странный материал. В громадной руке он держал временное яйцо. Оно казалось не больше голубинового.

Мистер Ли дважды выстрелил в него — два резких кашляющих звука.

Единственное, что произошло — доктор Виландер подобрал свободной рукой свою поношенную мантию и прочистил горло:

— Хрррхм.

Ружье со стуком упало на пол.

— Прошу прощения, — проворчал доктор Виландер Джонатану и Вивьен. — Я не должен был позволять вам впутываться в эти неприятности, — на его медвежьем лице отразилось замешательство. — Дело в том, что мне необходимо было взять в руки этот артефакт, чтобы вспомнить, кто я. О, нет, — прорычал он, поскольку мистер Ли потянулся за Серебряной Шкатулкой. — О, нет. Ты истощил и ее, и Железную, пытаясь бороться с этой, — он поднял маленькое свинцовое яйцо на ладони своей громадной руки. Воздух вокруг него представлял собой прозрачные завихрения и мерцание. — Вся энергия возвращается в нее, ибо ей принадлежит. Идея Элио. Но вы, Ли, в любом случае не могли выиграть — не когда Свинцовая и Золотая находятся вне башни. Мы просто не хотели, чтобы кого-нибудь застрелили. А теперь, боюсь, я должен избавиться от вас.

Кузина Вивьен вынула изо рта сливочное пирожное.

— Вы не можете избавиться от нас. Мы Ли!

— И что? — прорычал доктор Виландер. — Вы ведете родословную от милого молодого человека, которому много лет назад случилось забрести в Город Времени из Китая, и который в итоге женился на дочери правителя. Но это ни на что не дает вам права, знаете ли. Я говорил тебе это, когда тебе было шесть. И что мне теперь со всеми вами делать? — он нахмурился на маленькое серое яйцо, размышляя. — Я не могу позволить вам находиться там, где вы можете добраться до временного шлюза Дома Ли. И место должно быть стабильным, поскольку вы все трое — настоящая катастрофа. Посмотрим. Думаю, юной Вивьен лучше отправиться в Древний Китай...

— Только через мой труп! — воскликнула Инга Ли. — Моя дочь происходит от Исландского императора!

— Тогда я лучше сначала перемещу тебя, чтобы ты не сотворила какую-нибудь глупость, — проворчал доктор Виландер.

Рябь в воздухе от временного яйца хлынула наружу, окружив Ингу Ли. Она вдруг оказалась стоящей на мокрой траве рядом с низким домом, сделанным из грубых булыжников. Перед ней находилось окруженное льдом море, а позади — отвесная, покрытая снегом гора. А в следующее мгновение рябящие края воздуха соединились, и не осталось ничего, кроме холодного дуновения и корчащегося вихря на том месте, где прежде стояла Инга Ли.

— Что вы сделали? — подавился мистер Ли.

— Отправил ее в Исландию — в то время, когда она была впервые заселена, —

прорычал доктор Виландер. — Ей это подойдет. Ее тип был известен тогда как «деятельная женщина». Для тебя, Вив, боюсь, будут последние дни Депопуляции Земли. Я не могу позволить, чтобы ты снова с ней сошелся. Она дурно на тебя влияет. Я помещу тебя рядом с последним космическим кораблем, и если ты любезно их попросишь, возможно, они возьмут тебя на борт. Но не обещаю.

Рябь снова распространилась от яйца. Вокруг мистера Ли лежало казавшееся горячим бетонное поле с торчавшими тут и там кусками разрушенной кирпичной стены.

— Нет! — закричал он. — Я исправлюсь!

— Ты говорил это и раньше — несколько раз, — проворчал доктор Виландер, когда рябь снова соединилась, оставив от того места горячий ветер и химический запах.

Доктор Виландер повернулся к кухне Вивьен. Та склонила голову набок и держала сливочное пирожное так, будто это букет цветов. По ее носу красиво поползла слезинка.

— Вы же не сделаете этого со мной, правда, дядя Хэйкон? — спросила она тонким шепелявым голосом. — Мне только-только исполнилось одиннадцать.

Когда доктор Виландер открыл рот, чтобы ответить, Вивьен быстро произнесла:

— Не могли бы вы секунду подождать, доктор Виландер?

Маленькие глаза посмотрели на нее с позабавленным выражением. Он кивнул.

— *Спасибо!*

И она бросилась на кухню Вивьен. Схватив ее руку со сливочным пирожным, она ткнула им ей в глаз. После чего она размазала его под воротником голубого кружевного платья кухни Вивьен. Та кричала, вырывалась и брыкалась сильнее, чем Сэм, но Вивьен Смит теперь имела опыт в этом деле и держала сливочное пирожное за кружевным воротником до тех пор, пока холодная часть не растаяла и не потекла горячая.

— Ай! — вскрикнула кухня Вивьен.

Вивьен отпустила ее.

— Мне весь день хотелось это сделать!

— Я не могу отпраиваться в Китай вот *так!* — закричала кухня Вивьен.

Но ей пришлось. Рябь разлилась, когда она еще кричала. Вивьен и Джонатан с большим интересом смотрели на возникшую на мгновение дождливую улицу и дом с загнутыми углами крыши. Человек с длинными усами, в плотном одеянии и под широким зонтиком запнулся и уставился на кухню Вивьен, похоже, не в состоянии поверить своим раскосым глазам.

— Так-то вот, — проворчал доктор Виландер, когда картинка исчезла. — Жаль я раньше не понял, что они замышляют. Я знал, что Город Времени должен стать критическим, когда подойдет к началу. Боюсь, это ослепило меня. Давайте спустимся. Не могли бы вы каждый взять по Шкатулке?

Джонатан нервно подобрал украшенное камнями серебряное яйцо. Вивьен с радостью взяла тяжелую железную коробку. В конце концов, она принадлежала ее родной эпохе. Доктор Виландер шагнул к стеклянной колонне, которая больше не вращалась.

— Часы остановились? — спросил Джонатан.

— На настоящий момент, да, — ответил доктор Виландер и прошел в колонну, раздвигая ее.

Он плавно исчез внизу. За ним последовал Джонатан, а потом Вивьен. Это было так же, как подниматься — так же таинственно. Когда Вивьен вышла на круглом нижнем этаже Гномона, все двенадцать дверей были открыты, а Страж Аннуария сидел на полу, выглядя

ошеломленным и озадаченным. Доктор Виландер похлопал его по плечу, прохромав мимо.

— Уже лучше? — спросил он и через центральную дверь вышел на площадку у вершины лестницы.

С одной ее стороны стоял мистер Донегал с группой Патрульных. С другой — тяжело дышавший Элио с Вечным Уокером, мистером Энкианом, Рамоной и некоторым количеством других людей. Сэм сидел на земле у ног матери. Он выглядел уставшим, а его костюм для защиты разума в самом деле представлял собой массу трепещущих полос. Все радостно закричали, когда Вивьен и Джонатан вышли из двери следом за доктором Виландером, но никто не пошевелился. Было ясно, что никто не хочет оказаться на пути трех Хранителей. Хранители стояли в ряд перед дверью, будто Патрульные на дежурстве, если не считать того, что они выглядели куда более могущественными, чем любой Патрульный.

Наблюдатель за Золотой медленно прошел вперед с широкой улыбкой на грубом лице и протянул Золотую Шкатулку доктору Виландеру. Она была очень красивой — миниатюрная золотая модель Гномона. Золотой колокол наверху звякнул, когда Наблюдатель подал ее.

— Секунду, — сказал ему доктор Виландер и обратился к Джонатану и Вивьен. — Не могли бы вы вернуть остальным двум их собственность?

Джонатан аккуратно положил Серебряную Шкатулку в длинные блестящие ладони Сторожа Серебряной, который, взяв ее, учтиво поклонился. Вивьен отдала Железную Шкатулку в нетерпеливые руки Железного Хранителя. Он вознаградил ее чудесной улыбкой — широкой и задорной, — но, когда он коснулся Шкатулки, Вивьен испытала тот же приступ страха, что и раньше. Она вдруг поняла, что тот же приступ она не однажды испытывала в присутствии доктора Виландера.

— Спасибо, — мягко произнес Железный Хранитель.

Он присоединился к двум остальным, и все они встали, ожидая протягивая Шкатулки доктору Виландеру.

— Отлично, — тихонько вздохнул он. — Полагаю, сейчас.

Он протянул временное яйцо, и трое Хранителей поднесли Шкатулки, чтобы соединить их с ним. Вивьен заметила, что все они были точно того же роста, что и доктор Виландер — не выше и не ниже — какими бы разными они ни были. Четыре Шкатулки соединились в центре четырех протянутых рук, где колыхнулись на мгновение, а потом растворились в маленькой яйцеобразной Свинцовой Шкатулке. Как только это случилось, трое Хранителей тоже замерцали и наложились на доктора Виландера, постепенно исчезнув. Один миг у него было длинное безумное лицо Железного Хранителя. Затем оно уступило место грустному вежливому черепу Сторожа Серебряной; а потом превратилось в деревенское лицо Наблюдателя за Золотой.

Доктору Виландеру это явно не показалось приятным. Он выставил локти, потопал ногами, и на перемешанных лицах проскользнуло хмурое выражение, которое могло быть вызвано болью. Но вот он передернулся, хмыкнул и глянул на Свинцовую Шкатулку. Она теперь стала бледнее, и на ней появились серебристые, коричневые и золотые прожилки, а воздух вокруг играл более плотными и сильными завихрениями, заставляя трепетать фиолетовую мантию доктора Виландера. Он удовлетворенно кивнул. Он всё еще был доктором Виландером, но с отличиями. Его лицо приобрело более приятные очертания с длинными складками у рта, как у Железного Хранителя, вот только в них заключалась нервная вежливость Сторожа Серебряной. Его подбородок был грубым упрямым подбородком Наблюдателя за Золотой. Когда он вдруг пронзительно посмотрел на Вивьен,

его глаза были уже не такими маленькими, но по-прежнему по-медвежьи хитрыми и по-прежнему смеялись над Вивьен.

— Знаешь, кто я? — спросил он ее.

Его голос больше не был ворчанием. Он трубил как голос Наблюдателя за Золотой и оттенялся голосами Железного Хранителя и Сторожа Серебряной.

— По-прежнему насмехающийся надо мной, — произнесла Вивьен. — Ну, вы кажетесь всевозможными людьми. Но думаю, вы *можете* быть Фабером Джоном.

Все открыли рот в изумлении.

— Верно! — крикнул доктор Виландер. — Хоть раз в жизни она ответила правильно! Но, с другой стороны, она встречала все остальные части меня, находившиеся в истории, пытаюсь удержать город на месте.

Элио бросился вперед и опустился на одно колено.

— Фабер Джон, — произнес он, — мой господин. Меня создали по вашему заказу...

— О, встань, приятель. Я действительно заказал тебя, но это не причина, чтобы начинать эти «мой господин». Я тороплюсь добраться до площади Эры.

Он прошагал мимо Элио и начал спускаться по лестнице. Когда они поспешили за ним, задаваясь вопросом, что он собирается делать на площади Эры, Вивьен заметила, что он всё еще немного хромает.

Весь Город Времени вокруг сотрясался, пока они спускались по лестнице. Вивьен привыкла к дрожанию земли, как привыкаешь ехать на поезде, и не замечала, что всё это время оно усиливалось. И сейчас оно стало по-настоящему ужасным. Ступени с длительными содроганиями опускались и поднимались, и под ногами появлялись трещины. По авеню Четырех Веков люди торопились добраться до реки, чтобы сбежать, и Вивьен не осуждала их. Особенно скрежещущее содрогание вызвало справа от нее продолжительный грохот. Она вовремя подняла взгляд, чтобы увидеть, как золотой купол Годов съезжает набок и исчезает в громадной лавине пыли. Одна из металлических арок на авеню искривилась, а за ней стеклянный купол Тысячелетия с мощным звоном обрушился внутрь и засыпал синими осколками реку Время.

Фабер Джон просто продолжал хромать, будто ничего не происходило. Вивьен поймала себя на том, что доверяет ему. Когда они добрались до основания лестницы, она побежала по вздымающейся дороге так быстро, как могла, и догнала его. Джонатан шел рядом с ним, как и несущий Сэма Элио. Сэм опирался о плечо Элио с самодовольным и героическим видом. Когда Вивьен подошла, он одарил ее двузубой ухмылкой.

— Многое придется восстанавливать, — сказал ей Фабер Джон. — Большинство этих некачественных строений воздвигнуто после того, как я разделился.

Что-то случилось с тем устройством, которое создавало ленты света на арках. Оно производило безумные размытые каракули и хлопающие звуки. Хотя первая арка вроде бы немного возродилась, когда Фабер Джон прохромал под ней с временным яйцом.

— Вы знали, что произойдет? — спросила Вивьен, когда они оставили эту арку позади.

— Догадался о большей части. Глупо было с моей стороны оставить записи в Доме Ли, где этот готовый стрелять по любому поводу неудачник мог завладеть ими. Но я думал, что мои потомки должны иметь несколько ключей на случай, если что-нибудь пойдет не так. Я не хотел, чтобы Шкатулки потерялись навсегда. Так что я оставил несколько документов, отчасти описывающих, что я сделал с ними. Я устроил, чтобы Железную Шкатулку было довольно легко найти, потому что она самая слабая и не страшно, если она попадет в плохие

руки. Я указал также, где находится Серебряная, но позаботился поместить ее в такое сбивающее с толку место, что для ее нахождения требовалась продвинутая технология поздней истории. И я указал три разных местоположения для Золотой, чтобы запутать того, кто попытается украсть ее. К счастью, я ни слова не сказал о Свинцовой. Я надеялся, что часть меня будет здесь, в городе, чтобы присмотреть за ней.

— А вы знали обо мне? — спросила Вивьен.

— Как я мог? Я о себе-то не знал, — проворчал Фабер Джон. — Конечно, я сразу определил, что ты не та, за кого себя выдаешь. И я знал, что ты одна из тех призраков времени. Так что я пришел к выводу, что самое безопасное — взять тебя ученицей и обеспечить, чтобы ты знала самые важные вещи. Но не проси *меня* решать, что с тобой делать теперь. Это область Повелительницы Времени.

Это звучало тревожно. После этого Вивьен семенила рядом с его громадной фигурой молча — от одной арки к другой, и каждая из них с треском возвращалась к жизни, когда они проходили под ней, — пока они не дошли до конца авеню. Теперь там осталось лишь несколько разрозненных людей, бегущих прочь. Когда Фабер Джон приблизился к ним, один из домов обрушился почти им под ноги и засыпал дорогу длинной катящейся кучей бульжников. Мистер Энкиан нервно отпрыгнул в сторону.

— Если хотите бежать, Энкиан, — указал Фабер Джон на спасающихся бегством людей, — не стесняйтесь последовать за ними.

Мистер Энкиан бросил на реку взгляд, в котором читалось желание так и сделать, а потом важно вскинул подбородок.

— Я горд и счастлив остаться и служить Городу.

— Что за отвратительная ложь! Seriously, Энкиан, я не упрекну вас, если вы хотите уйти.

— Я... э... Если хотите знать, обширные открытые пространства истории пугают меня больше, чем что-либо еще.

«Прямо как Джонатан!» — подумала Вивьен. Это заставило ее начать более тепло относиться к мистеру Энкиану. Возможно, Фабер Джон почувствовал то же самое. Пока они перебирались через бульжники, оставшиеся от дома, он сказал Джонатану:

— Напомни мне в будущем не изводить этого человека, ладно?

Они поднялись по лестнице и прошли между Перпетуумом и Наукой. Купола-близнецы Происходящего и Некогда оставались недвижимы. Фабер Джон прищурился на них и, похоже, остался доволен. Перпетуум шатался и дрожал в каждой кривобокой части сот, но не распадался, словно был создан именно для того, чтобы выдерживать подобные нагрузки.

— Хорошо, — произнес Фабер Джон. — Всё это я построил сам.

И он понесся дальше на площадь Эры.

Здесь дома тоже дрожали, хотя большинство из них остались целыми, за исключением здания Патруля Времени, которое потеряло немалые части своего белого фасада. В центре площади Эры собралось множество людей, поскольку здесь явно было самое безопасное место. Большинство являлись жителями города, но среди них оказалось и несколько затерявшихся туристов и большая толпа эвакуированных, которые нервно смотрели на рушащиеся купола и трясущиеся башни.

— Это бомбы, — услышала Вивьен одного из эвакуированных, когда Фабер Джон подлетел к толпе. — Нам не следовало находиться здесь, мы должны быть в бомбоубежище.

Каким-то образом (Вивьен не поняла, каким именно) среди жителей города и туристов

разнесся шепот:

— Это Фабер Джон!

К тому времени, как Фабер Джон дошел до Камня в центре, он оказался в кольце охваченных благоговением зрителей, знающих, кто он такой. В этот момент Дженни бросила попытки организовать эвакуированных и бросилась к Джонатану.

— О, ты цел! Но что происходит? *Что* происходит, и *где* Вив? — она посмотрела на Вечного Уокера, а потом на Рамону, и то, как они посмотрели в ответ, сказало ей о Ли всё.

Выражение лица Дженни заставило Вивьен серьезно подумать: «Подобное невозможно полностью исправить. Никогда уже не будет по-прежнему».

Фабер Джон занял позицию неподалеку от разбитых кусков Камня, где он скрестил руки, уставившись на него.

— Похоже, я правильно рассчитал время, — заметил он. — Пока еще ничего. Но начнется в любой момент.

Почти в то же мгновение землю сотрясло самым сильным толчком. Вивьен видела, как высокий палец Башни Былого вдали качается из стороны в сторону. Она с тревогой наблюдала за ней, думая обо всех хранящихся внутри фильмах, и почти пропустила момент, когда осколки Камня взорвались тонкой пылью. Пыль обожгла ее лицо как песчаная буря. Вивьен прикрыла лицо локтем и снова посмотрела. Пыль облаками разлетелась в стороны, оставив темную продолговатую дыру.

— Бомбоубежище! — с огромным облегчением воскликнул один из эвакуированных.

Но в следующее мгновение эвакуированные, как и все остальные, попятились назад. В дыре что-то двигалось. Что-то громадное, медленное и довольно неповоротливое. Раздались тяжелые поднимающиеся шаги. По спине Вивьен пробежали мурашки, когда она поняла: то, что спало под Городом Времени, проснулось и готово выйти.

Шаги заскользили и, видимо, искали точку опоры. Тяжелый удар — скольжение — стук. В дыре появилась морда громадной лошади. Она наострила уши и моргнула при виде площади Эры и кольца уставившихся на нее лиц. Затем она сделала мощное усилие и выбралась наружу, на плиты, с великой осторожностью переступая огромными копытами. На ее спине сидела женщина в самодельной одежде — растрепанная женщина со свернутыми в пучок светлыми волосами и морщинами беспокойства на лице.

При виде нее Фабер Джон расплылся в широчайшей улыбке.

— Повелительница Времени, жена моя, почему лошадь?

Повелительница Времени слегка улыбнулась в ответ.

— А почему нет? Я нашла его попрошайничающим в Золотом веке, где я бродила духом. И я привела его с собой, потому что была уверена: когда я проснусь, здесь будет недостаточно животных.

— Здесь их нет *совсем*, — сказал Фабер Джон. — Людям не понравилась грязь.

— Как глупо! Я должна немедленно найти еще несколько.

Повелительница Времени перекинула ногу через широкую спину лошади, как если бы собиралась спешиться, но осталась сидеть, оглядывая площадь Эры. Джонатан с Вивьен обменялись недоверчивыми взглядами. Они знали эту лошадь — слишком хорошо для душевного спокойствия — и эту Леди они тоже знали. Это она исцелила Джонатана. Но она была не совсем той же, что женщина в Золотом веке. Она была бледнее и казалась более сложной личностью, словно под городом спала очень важная ее часть. «Как глупо с моей стороны! — подумала Вивьен. — Когда я увидела спящую фигуру, я первым делом подумала

о маме, но даже тогда я так и не поняла, что это женщина! Но она недостаточно большая! Я не понимаю».

— Вижу, ты привел немного свежей крови, — Повелительница Времени кивнула на эвакуированных.

— Ну, не совсем, — ответил Фабер Джон. — Они пришли сами по себе. Но у меня возникала мысль, что несколько детей появилось очень вовремя для обновления.

Повелительница Времени засмеялась. После чего она спешила, соскользнув на землю и побежав навстречу Фаберу Джону — оба явно были необычайно рады видеть друг друга.

— Значит, ты успешно всё завершил, ты — старый гений! — произнесла она. — Я думала, ты никогда не сможешь произвести обновление.

Как только она спустилась с лошади, та процокала к Джонатану и Вивьен и ткнула огромным мягким носом Вивьен в лицо. Она тоже их помнила. Вивьен не знала, что с этим делать, зато Сэм знал. Он соскользнул с рук Элио и рысью подбежал в трепыхании тысячи полос костюма для защиты разума.

— Вот. У меня есть мятная конфета, — сказал он, давая ее лошади.

— Что случилось с костюмом? Тебя зацепило часами? — спросил Джонатан.

— Нет. Это ставни наверху Гномона. Они с остриями внизу, но там оставалось как раз достаточно пространства для меня, чтобы протиснуться, если всё время извиваться. Ты не смог бы выбраться. Что случилось с вами?

— Ну, лучшая часть — это когда В.С. засунула сливочное пирожное В.Л. за шиворот.

Сэм ухмыльнулся широкой двузубой ухмылкой, которая внезапно угасла, сменившись тоской.

— Сливочное пирожное, — сказал он. — Вот, что мне нужно.

— Ты! — воскликнула Вивьен. — Я думала, я излечила тебя от сливочных пирожных!

— Излечила. Но оно вернулось.

Последнее важное событие состоялось позже в тот же день в Хронологе. Вивьен сильно нервничала по этому поводу. Во-первых, это было расследование и суд, и она являлась одной из тех, кого судили. Во-вторых, Хронолог в дневном свете оказался еще более богатым и декорированным, чем она представляла, приведя ее в трепет. Каждый его кусочек был или расписан, или позолочен, или украшен драгоценностями — от мозаики из полудрагоценных камней на полу до звездного неба, нарисованного на потолке.

Все резные сиденья были заняты. Джонатан сказал ей, что так бывает крайне редко, и это тоже тревожило. Здесь собрались все, кого знала Вивьен: начиная с Петулы и ее помощниц и заканчивая Патрульными, которые арестовали ее в Серебряном веке. Хотя по меньшей мере половина населения Города Времени сбежала в историю, когда начали рушиться дома, здесь присутствовало достаточно спасенных Наблюдателей и туристов, застрявших, когда шлюзы на реке в полдень перестали работать, чтобы вынудить Стражу Аннуария, Патрульных и важных людей в мантиях стоять позади. Здесь также находилось несколько эвакуированных детей. Их распределили по людям, не покинувшим Город, и приемные родители, которые были слишком заинтересованы, чтобы остаться в стороне, привели их с собой. Они сидели с широко раскрытыми глазами, выглядя сонными, и удивленно трогали свои пижамы Города Времени. Новые родители, похоже, уже начали изо всех сил их баловать. Те, кто не держал новые игрушки, потихоньку подкармливались сладостями.

Необычным и тревожащим было и то, что Вечный Уокер, сидящий внизу сбоку в Кресле Вечного, был не в церемониальных одеяниях. Простая черная одежда придавала ему чрезвычайно строгий и серьезный вид. Ходили слухи, будто Фабер Джон велел, чтобы никто не носил мантии. И Фабер Джон, конечно же, был самым тревожащим из всего. Два величественных трона под балдахином, с головами животных на ручках и крылатыми солнцами, сверкающими на высоких спинках, про которые Джонатан сказал, что они пустовали неисчислимые тысячи лет, теперь были заняты Фабером Джоном и Повелительницей Времени. И что бы там Фабер Джон ни сказал насчет мантий Повелительнице Времени удалось как-то засунуть его в новую фиолетовую мантию. Сама она была в темно-синем платье.

Вечный Уокер открыл суд, постучав для привлечения внимания. Затем он поднял крылатое солнце с бриллиантом Кохинор и торжественно подошел, чтобы подать его Фаберу Джону.

— Что это? — прогрохотал Фабер Джон. — Я что, должен обмахиваться этой штукой? Или что?

Повелительница Времени слегка пихнула его локтем.

— Ты знаешь, что это.

— Штандарт должности, — сказал Вечный Уокер. — Полагаю, теперь вы управляете Городом Времени как Вечный.

— Не как Вечный, — заявил Фабер Джон. — Ты лучше приспособлен к торжественным шествиям во время церемоний, встречах Послов и произнесению речей, чем я когда-либо буду. Мне нужен Вечный, чтобы заниматься этим вместо меня. Ты не отделаешься от этого, Ранджит. Забери свой Штандарт.

— Но вы, конечно, захотите перебраться во дворец Аннуарий. Если вы дадите мне день...

— И это тоже нет. Мы с Повелительницей Времени всегда жили в здании, известном как Дом Ли. Теперь, когда он пуст, мы вернемся туда. Но поскольку вы все явно ожидаете от меня чего-нибудь королевского, я произнесу короткую речь.

Вечный Уокер вернулся на свое место со страдающим видом, и Вивьен не могла решить, означал ли он облегчение или разочарование. Когда он сел, Фабер Джон начал:

— Прошу прощения за неудобства. Временные шлюзы будут закрыты около трех дней, пока Город Времени встряхивается на новый отрезок времени. После этого начнется новый круг истории. К этому времени история тоже должна утрястись в новые Фиксированные и Нестабильные эпохи, и мы сможем посмотреть, где лучше всего установиться Шкатулки, когда придет время. Но Город еще долгое время будет двигаться на полной мощности Свинцовой Шкатулки, так что я останусь с вами на много веков, прежде чем мне придется разделить и снова отправиться во вне...

— В следующий раз моя очередь отправляться во вне, а твоя — спать, — вмешалась Повелительница Времени. — Мы же не будем опять ругаться по этому поводу?

— Мы поговорим об этом позже. Быть разделенным не очень-то весело. Что я хочу сказать всем: на следующий цикл мы всё устроим лучше. Город Времени так долго торговал с Фиксированными эпохами, что решил, будто и сам фиксирован. Мы стали эгоистичны и слишком осторожны. Понадобился кто-то юный из Нестабильной эпохи, чтобы указать на это. В будущем мы будем полезны всей истории. Хронолог изучит, что мы можем сделать, а Патруль подумает над тем, как это сделать. Понял, Абдул? А теперь можешь начинать

следствие.

Отец Сэма встал. Прочистил горло. Поерзал. Было ясно, что он, чувствует себя гораздо счастливее, отдавая приказы, чем выступая на публике.

— Два месяца назад Научный центр Происходящего привлек внимание Патруля Времени к крупным аномалиям в Первой Нестабильной эпохе, — начал он. — Слушайте, вы знаете всё это. Вы были там, когда я докладывал Хронологу.

— Да, но моя Повелительница Времени не была. Она хочет знать.

— Что ж, Хронолог обратился в Происходящее за полным анализом. Доктор Леонов расскажет вам, — мистер Донегал с облегчением сел.

Доктор Леонов встал — между эвакуированным и туристом, — выглядя немного странно, поскольку он явно не мог решить, надеть ему церемониальные одеяния или нет. Он остановился на высокой белой шляпе Науки и черной пижаме.

— Мы произвели основательный анализ. Повелительница Времени оценит, что с ее времен у нас появился целый ряд чувствительных и тонких инструментов.

Повелительница Времени одарила его улыбкой и нетерпеливым кивком. Вероятно, это должно было дать понять доктору Леонову, чтобы он говорил просто и быстро. Но не дало. Доктор Леонов ораторствовал о темпоронах и хрононах, о социоэкономической графологии, о ежедневном отборе образцов, об эффектах часовых залежей и хроносвязей, пока большинство эвакуированных не заснуло. Вивьен не было так скучно с тех пор, как Вечный Уокер успокаивал мистера Энкиана.

— Что всё это означает? — наконец спросила Повелительница Времени. — Простыми словами.

— Это значит, что существовало два вида возмущений, мадам, — ответил доктор Леонов. — Оба содержали хрононы, и следовательно, могли угрожать Городу. Но одно было локальным — в 1939 году, а другое — гораздо более тяжелое — растянулось по всей эпохе. Хрононы того же тяжелого типа были замечены в двух других Нестабильных эпохах и в самом Городе Времени. Источник был в конечном итоге точно определен в сентябре 1939 года как девочка по имени Вивьен Смит.

Вивьен резко выпрямилась, уставившись на него.

Доктор Леонов сел. Мистер Донегал неохотно встал.

— Они дали нам отчет, но, конечно, я должен был представить его Хронологу — вы были там. Я попросил позволения, чтобы Патруль Времени встретил поезд, в котором находился источник неприятностей, и переместил ее в Фиксированную эпоху, где груз ее хрононов мог быть нейтрализован.

Мистер Энкиан поднялся со скамьи где-то позади и кашлянул, привлекая внимание.

— Должен заметить, данный план поразил меня своим варварством. Я выступил против него, но оказался в меньшинстве, хотя и был счастлив обнаружить, что на этот раз Вечный Уокер согласился со мной. Поэтому мы настояли, что нам будет позволено проверить приемный дом, который Патруль подыскал для ребенка в веке сорок два. Что я и сделал за собственный счет, и когда я нашел его неподходящим, я лично выбрал другой. После чего Вечный и я попросили включить нас в отряд, встречающий поезд, чтобы должным образом объяснить ребенку, который несомненно испугается и растеряется, почему мы вынуждены предпринять такой шаг. Остальное, так сказать, история. Нам не удалось найти девочку.

Пока мистер Энкиан говорил, лицо Джонатана становилось всё краснее и краснее. Когда мистер Энкиан сел, Джонатан сполз вниз, сжавшись на своем сиденье, надеясь

избежать внимания.

— Мне кажется, — произнес Фабер Джон, — нам лучше теперь послушать историю Джонатана Уокера.

Выглядев таким же страдающим, как его отец, Джонатан медленно встал.

— Я совершил ошибку. То есть я по ошибке забрал правильную девочку.

Повелительница Времени засмеялась:

— Расскажи по порядку.

— Всё начиналось как приключение, — сознался Джонатан.

Но он рассказал всю историю четко и разумно, не пытаясь себя оправдать, но и не слишком обвиняя. Вивьен была впечатлена. «Джонатан учится! — подумала она. — А я?» Она попыталась понять, что думает Повелительница Времени. Та поставила локти на колени, опираясь подбородком на ладони, и хмурилась. Фабер Джон тоже хмурился. Когда Джонатан дошел до той части, где Элио спас их от Леона Харди, он сказал:

— Сядь пока. Элио может рассказать следующую часть.

Элио вскочил. Он прошел на пустое место перед тронами и снова упал на одно колено.

— Простите меня, мой господин! — воскликнул он. — Моя госпожа! Я думал, что действую очень искусно, но я был чрезвычайно неумен. Я заслуживаю наказания!

— Элио, — сказал Фабер Джон, — если ты не можешь перестать унижаться, я отправлю тебя обратно на ту фабрику. Я заказал, чтобы тебя изготовили ко времени обновления, частично потому что считал, что ты сможешь предотвратить неправильное развитие событий, но большей частью потому что надеялся на общество кого-то умного в следующие несколько сотен лет. Если ты не можешь быть разумным, я велю отправить тебя на Марс, как только откроются шлюзы. Встань и постарайся по крайней мере казаться человеком!

Элио поспешно поднялся.

— Но я не сумел узнать Свинцовую Шкатулку!

— Она была задумана сложно узнаваемой. Мы не можем допустить, чтобы каждый Том, Дик или Гарри размахивали ею. Продолжай и расскажи свою часть дела.

И Элио рассказал — до того момента, когда этим утром Патруль привел их обратно в Город. Здесь Фабер Джон остановил его.

— Не хочет ли Сэм что-нибудь добавить? — спросил он.

— Нет! — горячо ответил Сэм.

— Хорошо, — сказал Фабер Джон. — Таким образом, Повелительница Времени, жена моя, невзирая на то, что история распадается на части вокруг их эпох, Джонатан снова привел Вивьен Смит в век двадцать в надежде поймать свою кузину, переодетую в мальчика. Это, конечно, не удалось, поскольку история стала критической, и его кузина уже вернулась в Город Времени. Хорошо только, что в этот раз они не взяли с собой Свинцовую Шкатулку. Что ты думаешь?

Повелительница Времени размышляла, по-прежнему опершись подбородком на ладони. Это было вынесение приговора после Следствия. Вивьен смотрела, как Повелительница Времени хмурится, и чувствовала себя так же, как когда мистер Ли нацелил на нее ружье.

— Думаю, — медленно произнесла Повелительница Времени, — я начну с Джонатана, поскольку вижу, что ты станешь громко протестовать, если я не дам тебе разобраться с Элио самому. Джонатан нарушил закон. Но он гражданин Города Времени, а значит, не несет на себе то, что доктор Леонов называет хрононами, так что он должен будет предстать перед судом Хронолога, когда тот снова соберется.

Джонатан побелел. Вивьен, сама не заметив как, встала и поймала себя на том, что говорит:

— Это несправедливо! Джонатан единственный беспокоился о Городе Времени! И в конце даже начал заботиться об истории!

— Это абсолютно справедливо, — произнесла Повелительница Времени в своей раздражительной манере. — И я не сомневаюсь, что Хронолог примет во внимание мотивы Джонатана. Теперь Сэм...

— Эй! — прогудел голос Сэма. — Вы не можете! Я герой. Я спас Город Времени.

— Но ты тоже нарушил закон, — заметила Повелительница Времени. — Я собираюсь просить Хронолог отложить суд над тобой, пока ты не подрастешь, при условии, что до тех пор ты больше не нарушишь закон.

Сэм осел рядом с Рамоной, выглядя ошеломленным.

— Теперь Вивьен Смит, — сказала Повелительница Времени. — У нее серьезные проблемы.

— Я не сделала ничего плохого, — возразила Вивьен.

— Ты имеешь в виду: ты не хотела ничего плохого, — резко ответила Повелительница Времени. — Ты всё еще не понимаешь, да? Девочка моя, ты пришла из истории, а значит, уже несешь то, что болтливый мистер Леонов называет темпоронами, а потом ты три раза была в одном месте в один и тот же момент. И во второй раз ты взяла с собой Свинцовую Шкатулку. В довершение всего, ты прыгала с ней по истории. Не удивительно, что Научный центр Происходящего вычислил тебя! Не удивительно, что Патруль быстро выхватил тебя из Серебряного века! Ты абсолютно отягчена тем, что мистер Леонов называет хрононами. Насколько я вижу, ты еще долгое время будешь возмущать каждую частичку истории, к которой прикоснешься. Ты не можешь отправиться домой. Век двадцать просто взорвется вокруг тебя. Думаю, мы должны выслать тебя к звездам. Тебе бы хотелось?

Вивьен не знала. Она не была полностью уверена, что кто-то *может* отправиться к звездам. Она стояла, думая о доме. Но дом теперь стал странным местом с бункерами и радиоактивными поездами. Она чувствовала себя потерянной. Ей некуда было идти.

Она лишь смутно осознавала, как Вечный Уокер тоже встал, говоря что-то насчет «бесценного помощника в жизни дворца». А потом вскочила Дженни. До этого Вивьен старательно не смотрела на нее, потому что Дженни тихо плакала по своему брату Виву. Но она посмотрела вместе со всеми, когда Дженни пнула резное сиденье и закричала:

— Великое Время, женщина! Черт бы побрал тебя и Фабера Джона! Кого волнует сколько треклятых хрононов у этого ребенка? Меня — нет!

Последовало ужасное, глубокое молчание. Дженни густо покраснела и из-под ее зрительной функции потекли слезы. Она села с глухим стуком. Но Вечный Уокер остался стоять. Он подождал, пока люди начнут шевелиться, и громко произнес:

— Моя жена и я требуем, чтобы Вивьен Смит осталась в Городе Времени и жила с нами во дворце. Если наше требование не будет удовлетворено, я слагаю с себя должность, — он снова поднял Штандарт и прошел с ним к тронам. — Вот. И одному из вас придется заниматься этим, поскольку ни один дурак в Городе не возьмется.

Последовало еще одно тяжелое молчание. Затем Фабер Джон произнес мягким, но неумолимым тоном:

— Как вам с Дженни понравится жить в Каменном веке?

— Мне бы не хотелось, — ответил Вечный, — но я справлюсь. Так же как и Дженни. Я

попрошу вас позаботиться о Джонатане...

— Нет, не попросишь, — сказал Джонатан. — Я пойду с вами. Ты прав.

Элио тоже встал.

— Если таково ваше намерение, я тоже пойду с ними. Им понадобится моя помощь. А мисс Вивьен — моя любимица.

Тут Фабер Джон откинул голову и расхохотался:

— Что ж. До сих пор Город Времени справлялся с Вивьен. Опять же, мы всегда можем продолжить его укреплять. Что скажешь, моя Повелительница Времени?

Она тоже улыбнулась:

— Это риск, но я согласна. Как тебе это, Вивьен?

Вивьен была довольна, но и огорчена.

— Мне... мне бы очень *хотелось*... но... но... я сильно скучаю по маме и папе.

— Это можно уладить. Ты пришла из военного времени, а на войне люди часто пропадают, — сказал Фабер Джон. Он вопросительно посмотрел на Повелительницу Времени, и она кивнула. — Прекрасно. Мы ничего не можем сделать, пока не откроются временные шлюзы, но я сообщу тебе, возможно ли это, когда ты придешь на следующий урок.

Вот такого Вивьен не ожидала.

— Вы собираетесь продолжать учить меня?

— Я никогда не бросаю то, что начал. Как только я уговорю тебя пользоваться своими мозгами, ты можешь даже стать хорошей ученицей. Приходи ко мне с Джонатаном через три дня в РЕДКИЙ КОНЕЦ, как обычно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перевод А. В. Курлаевой (2017).

---

notes

1 фут = 30,48 см. То есть коса Джонатана опускается где-то до середины спины.

Известный индийский бриллиант, чья история уходит корнями в XIV век. Он перешел в британское владение после присоединения Пенджаба в 1849 году и был установлен в королевской короне для коронации Георга IV. Один из самых больших бриллиантов, входящих в состав сокровищ британской королевской семьи.

«Звезда Африки», или «Куллинан» — самый большой алмаз в мире. Был найден в Южной Африке. Правительство колонии Трансвааль преподнесло алмаз английскому королю Эдуарду VII в день его рождения.

Faber в переводе с латыни означает «кузнец», то же самое значит и английская фамилия Smith.

Гномон — выступающая часть на солнечных часах, тень от которой показывает время.

«Hang out your washing on the Siegfried line» — популярная во время Второй мировой войны песенка Джимми Кеннеди, в которой используется игра слов: «line» — означает бельевую веревку и линию обороны во время военных действий. Линия Зигфрида являлась линией обороны вдоль восточной германской границы.

Большая Западная Железная Дорога — сеть частных железных дорог, обслуживавшая западную и южную часть Англии.

Котурны — высокие открытые сапоги из мягкой кожи на высокой подошве.

Остановитесь (фр.)

Улица в лондонском районе Вестминстер, связывающая Букингемский дворец с Трафальгарской площадью.

Детская игра, в которой ищут спрятанную туфлю или какой-нибудь другой предмет.